

РАБОТНИЦА

№ 9 • 1978 • Издательство «ПРАВДА»

ПУСТЬ РАСТУТ СЧАСТЛИВЬМИ

На вопросы «Работницы» отвечает
В. Н. СТОЛЕТОВ, президент
Академии педагогических наук СССР

Корреспондент. Всеволод Николаевич, выступая недавно с трибуны Всесоюзного учительского съезда, вы говорили, что союз семьи и школы может каждого человека социалистического общества воспитать счастливым.

Что вы вкладываете в понятие «счастливый человек»?

В. Н. Столетов. Понимание счастья не может быть отвлеченным от времени, эпохи, общественного уклада. И хотелось бы напомнить, что счастье человека развитого социалистического общества вбирает в себя многое из того, что вкладывали в представление об истинном счастье классики марксизма. При условии, когда удовлетворены первейшие потребности — в еде, жилье, одежде, — что приносит человеку радость, счастье? Прежде всего возможность с наибольшей полнотой проявлять в работе свои способности. То есть заниматься тем самым делом, в котором он, человек, — создатель, творец.

Конституция СССР обеспечивает всем гражданам право на участие в управлении государственными и общественными делами, на бесплатное образование, на пользование достижениями культуры; гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества. Советский человек располагает всеми правами и всеми условиями, необходимыми для развития его способностей, для содержательной творческой деятельности. В этом великое счастье, о котором в капиталистическом обществе человек может только мечтать.

Какие качества необходимы человеку, чтобы он в полной мере реализовал права, предоставленные ему развитым социалистическим обществом? Прежде всего идейная убежденность, позволяющая видеть цель жизни, трудолюбие, любознательность, умение видеть прекрасное в природе, в людях, в искусстве; быть человеком, свободным от пороков мещанства, обывательщины, — вот путь к истинному счастью. У советской семьи, у советской школы нет более высокой цели, чем цель формирования сознательных, умелых строителей коммунизма.

Корреспондент. Счастье познания, счастье, если можно так сказать, открытого взгляда на мир... О счастье такого рода мы слышим от писателей, ученых-исследователей.

Возможно ли ключи от такого счастья вручить каждому? Ведь мир день ото дня становится сложнее, накопление знаний идет по круто восходящей, а специализация, разделение труда (даже в науке!) все уже; увеличивается как бы сосредоточенность взгляда, концентрация внимания отдельного человека в одной точке, обусловленной его делом.

Бывает, что та действительно широкая панорама знаний, которую дает человеку школа-десятилетка, потом, в дальнейшей жизни им не пополняется и даже не применяется. Поле его внимания ограничивается профессией; свободное время используется бездумно.

Все ли делается школой, чтоб преодолеть эту лень ума?

В. Н. Столетов. Знание основ наук — широкий плацдарм для дальнейшего развития личности. Обязательное всеобщее среднее образование открывает перед каждым молодым человеком, перед каждой девушкой равные возможности в жизни, множество дорог: выбирай на вкус! Это ведь не просто красное словцо. Достижима любая мечта, если ты выбрал дело по своим способностям.

К сожалению, школа наша не всегда еще умеет в каждом ученике раскрыть эти способности и зарядить его на всю дальнейшую жизнь желанием — и умением! — учиться. А без умения учиться даже обнаруженные способности могут остаться нереализованными. С самого начала советская школа ставила перед собой цель: научить человека учиться. Умение учиться самостоятельно, всюду, учиться всю жизнь — это основа творческого отношения к труду, профессии, негаснущего интереса к жизни.

Возможно, что все большее сужение профессиональной сферы деятельности (и в науке и на производстве) последнее время сказывается в каком-то утилитаризме в подходе к образованию. Особенно у родителей.

Корреспондент. Да, правда! «Зачем тебе особенно учить эту математику, — говорят родители, — если ты пойдешь по гуманитарной части!» Или наоборот: «Как-нибудь тяни на «тройку» историю, — ты же будешь техником».

В. Н. Столетов. Вот именно, образование понимается только как узкая дорожка к профессии. Ранняя профессионализация ограничивает возможности человека — это подчеркивается и в последнем (декабрьском 1977 года) постановлении партии и правитель-

ства о школе. Образование нужно для того, чтобы быть человеком в самом высоком смысле этого слова. Именно об этом шла речь 9 ноября 1917 года, на второй день после взятия власти большевиками, когда Ленин беседовал с только что назначенным наркомом просвещения Луначарским о народном образовании, новой, небывалой в мире школе. Тогда родилось понятие о единой трудовой политехнической школе.

Мы знаем, что отделяет нас сегодня от того дня семнадцатого года: создание нового, социалистического мира, тяжелая война, восстановление. И несмотря на все трудности, наша школа всегда многое делала для гармоничного развития детей — и физического, и нравственного, и эстетического.

Корреспондент. Мы знаем, что верный компас во всех вопросах жизни общества и отдельного человека — вечно живая теория марксизма-ленинизма. Об этом говорил в своем докладе на съезде учителей и министр просвещения СССР тов. Прокофьев. Мы знаем, что человек, владеющий этим компасом, не заблудится в жизни, не потеряет дороги. (А это непрерывное условие счастья!)

Как вы думаете, что еще может сделать наша школа для того, чтоб каждый ее выпускник овладел этим точным инструментом?

В. Н. Столетов. Совершенствование процесса овладения живой действенной теорией марксизма-ленинизма не имеет предела. Задача такого совершенствования тем более важна в школе. Многие наблюдательные учителя замечают, что учебные программы и учебники по истории и обществоведению нуждаются в дальнейшем улучшении. Плохо, когда школьные программы представляют собой лишь сокращенные вузовские программы. Они не учитывают требований возрастной психологии. Одно дело — студент вуза, другое — ученик средней школы. Отбор материала и методы преподавания в школе неизбежно должны соотноситься с возрастом, уровнем знаний детей. Главное, им нужно показывать: марксизм-ленинизм — рабочий инструмент познания мира и в любой науке и в анализе обычных явлений жизни.

Корреспондент. Всеволод Николаевич, однажды в беседе с корреспондентом «Комсомолки» вы сказали, что путь развития молодого ума — это развитие чувств. Известно, что чувства человека обогащаются, развиваются по мере его конкретной, активной деятельности. Точно так же и формирование взглядов непременно связано с активным действием, в том числе с трудовым усилием. Но труд труду рознь. Играет роль и отношение к труду и цель его. И здесь особенно важно единство действий семьи и школы.

А какова, по-вашему, роль школы в координации этих действий?

В. Н. Столетов. Наблюдая малого ребенка, воочию видишь, что человек с самого рождения заряжен на деятельность, работу. Двух-трехлетний малыш стремится все потрогать, всюду залезть, он в непрерывном движении, он строит, ломает — он познает мир. В эту пору физическая активность соответствует интенсивности развития чувств и разума. Но при неумелом отношении взрослых к ребенку может произойти и разлад.

Крестьянский двор, семья умели воспитывать трудолюбие удивительно мудро, используя это врожденное стремление человека к деятельности. И, думается, главный секрет успеха тут в том, что все дела, поручаемые ребенку, были очевидно полезны, были нужны окружающим. Он знал: без его труда не могла обойтись семья; надо было нянчить маленького, надо было полоть огород и так далее.

А мы — и в семье да и в школе — порой больше говорим о пользе труда, рассказываем о труде, а не даем настоящего дела рукам и голове ребенка.

Бытует мнение, что детям в современной городской семье делать нечего. А чем же их мама занимается в короткие часы между работой и сном? Нет, я считаю непростительной ошибкой родителей их стремление все заботы по дому взять на себя.

Школа сейчас уделяет очень много внимания полезному, производительному труду, обучению трудовым навыкам. Есть верная, мне кажется, идея создать школьную промышленность, то есть производить в школьных мастерских, цехах учебно-производственных комбинатов вещи, допустим, механические игрушки, полезные, нужные (а как нам не хватает игрушек!) и

красивые. Тут простор юным изобретателям, конструкторам, дизайнерам, простор и рукам и разуму. Однако и этим возможности школьной промышленности далеко не исчерпываются... Школа может сделать многое, однако семью в воспитании трудолюбия все-таки никто не заменит.

Мало еще просвещаем мы родителей. Работать нужно учителям с родителями больше. Учить их искусству воспитания. И учить с первых «родительских» шагов. Василий Александрович Сухомлинский и другие мудрые воспитатели, директора школ начинали и начинают педагогический всеобщий родителей с поры, когда те еще только ждут ребенка. В городе организовать это даже проще, чем в селе. Микрорайон школы совсем рядышком. Собирают молодых родителей, вырабатывают общие с ними требования, единый стиль отношения к ребенку, пока тот еще, как говорится, с рук не сошел. Это благороднейшая цель. И насколько меньше будет «педагогических дров» и с той и с другой стороны.

Корреспондент. Всеволод Николаевич, думая о счастливом человеке, невольно по контрасту вспоминаешь слова Маяковского: «Плохо человеку, когда он один. Горе одному...» — и наоборот: счастье в общем деле, в чувстве локтя. Что больше всего помогает человеку стать коллективистом? Как школа способствует формированию активной позиции учеников в жизни?

В. Н. Столетов. В воспитании общественной активности огромна и ничем не заменима роль доверия к воспитанникам. Порой заорганизованность школьной общественной жизни служит большой помехой. В самом деле, как воспитать активную жизненную позицию в ребенке, в подростке, все время ограничивая его инициативу? Я вспоминаю совещание, где выступала одна классная руководительница. Она прекрасный предметник, но, рассказывая о своей работе, горько сетовала на то, что ей приходится делать все: «Готовить пионерский сбор — моя обязанность, классное собрание тоже требует времени: нужно подобрать тему, подготовить выступающих...» «Ну, зачем же все вам?» — спросили ее. «Но ведь детям нельзя доверять! Они наделают ошибок!» — был ответ.

Правильно говорят сами школьники: «Почему-то в лагерях труда и отдыха нам доверяют. Мы и бригадиры и командиры. И решаем сами, что, когда и как сделать. А вернемся в школу — и опять нас считают маленькими».

Опыт наших лучших школ убеждает, что дело идет хорошо только там, где над ребятами нет лишней опеки. Где они сами решают многие вопросы организации школьной жизни.

Очень эффективно в воспитании старших школьников их шефство над младшими. Ответственное шефство, как бывает в семье, где старшие братья и сестры заботятся о маленьких.

Истинный коллективизм воспитывается лишь там, где все помогают друг другу, где все заняты решением важных задач.

Мы, педагоги, очень надеемся, что ученические комитеты помогут активизации общественной жизни в школе.

Корреспондент. Всеволод Николаевич, что бы вы хотели пожелать читателям нашего журнала — мамам, папам школьников, начавших свой новый учебный год?

В. Н. Столетов. Более тесного сотрудничества с учителями в решении современных сложных задач образования. Помощи школьникам в освоении ими учебных программ и в их росте как активных участников жизни советского народа.

Беседу вела Т. ПОЛИКАРПОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

СЕНТЯБРЬ 1978 • МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Федор КНОРРЕ

ПОВЕСТЬ

ПИСЬМО НА ТЕЛЕГРАФНОМ БЛАНКЕ

Как-то так получилось, что Катя никогда в жизни еще не ездила по железной дороге. Сто раз она видела на экране телевизора, как уходят куда-то или останавливаются, подъезжая к платформе, поезда, как спускаются по белым трапам, точно по парадной лестнице, люди с только что приземлившихся длинных самолетов, но совсем другое дело самой впервые в жизни ухватиться за поручни и вдруг очутиться в устланном ковриком, освещенном матовыми лампочками длинном коридоре ночного вагона.

Только что была белая, истоптанная черными следами, тускло освещенная платформа станции, где остались провожающие: тихонько улыбающаяся мама, счастливо испуганная Лиза и обалдело взволнованная неизвестно чем Светка, насильно впихнувшаяся в машину провожать; темная дорога от дома и ветер, шумевший в черных деревьях, и вот уже катятся, гремят под полом тяжелые колеса, и даже воздух в вагоне совсем особенный, наверное, поезд набрал его в разных городах и лесах и везет теперь дальше.

В маленьких комнатках, слева по коридору, люди готовились ложиться спать или сидели, пили чай.

Ради вежливости, чтоб быть как все, они с Микешей тоже попили чаю из плескавшихся от качки стаканов, воткнувших в одинаковые подстаканники, и легли спать: Микеша внизу, а она над ним, как на полатах. Лежишь смирно, как в конверте, под накрахмаленной простыней, с подоткнутым по краям одеялом, все необычно, надо ничего не упустить. Если сразу по порядку не запомнить, потом маме и рассказать нечего будет. Надо сосредоточиться, подумать. На что это похоже?.. Да, как будто меня привели и пустили пожить в маленький домик, уложили спать, а домик весь трясется и мчится куда-то. Мне уютно, мягко синяя лампа светит, и голубые стены кажутся коричневыми, стаканы дребезжат на столике, а где-то лязгают железные цепи, мчится под полом чугунная, летая, гремящая жизнь, а наш деревянный, легонький домик, где я лежу, только поскрипывает. Немножко страшновато... Качает-качает и вдруг начинает набок клониться, даже хочется за что-нибудь ухватиться. Может быть, мы уже соскочили с рельсов, свернули в поле, мчимся по кочкам, а я все еще преспокойно лежу в своей пижамке с синими, зелеными и красными шариками, которую мама гладила перед самым отъездом?

Потом она увидела, как электрический утюг плавно скользит взад-вперед по зеленым, красным, синим шарикам...

В городе шел дождь. Прямо на вокзале они расспросили, как проехать в облдрамтеатр. В этот ранний час в театре было очень тихо и безлюдно. В конторе оказалась только одна пожилая женщина, до бровей закутанная в теплый платок.

Она сначала удивилась, а потом нехотя полистала узкую книжку с замусоленными буквами алфавита и невнятно прочитала адрес Секундантова, артиста.

В адресе оказалось очень много цифр, записать им было не на чем, а женщина захлопнула книжку и уже потянулась положить ее на место.

Микеша, второпях комкая, вытащил из кармана газету и расправил ее на столе. Со всякими извинениями пришлось выпросить у женщины ручку и записать на полях газеты адрес, который она повторила на память раздельно и громко, как глухим.

За дверьми на улице они переглянулись. Катя бесстрастным голосом констатировала:

— Они вышли на улицу гордые, но слегка оплеванные!

Ехать им нужно было в новый район, на автобусе. Остановку, блок, корпус среди рядов одинаковых корпусов все же они разыскали довольно легко. Поднялись по лестнице на второй этаж, оглядывая трехзначные номера квартир. Встали в кабинку лифта, и он завез их на два этажа выше, чем нужно, пришлось спускаться вниз.

Окончание. Начало см. №№ 6, 7, 8.

Рисунки Ю. РАКШИ

Дверь была, как тысячи других дверей, довольно тонкая, покрытая обшарпанной бурой краской.

Дом был новый. Наверное, лет десять он был новый и от этого успел заметно состариться.

Они позвонили, но не услышали звонка и собрались уже постучаться, как вдруг дверь отворилась сама, и из нее вышла высокая, худая женщина с хозяйственной сумкой на сгибе локтя. В руках она держала тонкую пачечку рублей и трешек, внимательно их пересчитывала, и на ее некрасивом, испещренном морщинами лице удивительно ясно отражались результаты ее подсчетов и каких-то соображений, с ними связанных, вроде: «Э-э, нет, ничего так не получится!.. Хотя... можно попробовать...»

Не отводя глаз от бумажек, она ногой толкнула и захлопнула за собой дверь и, только когда щелкнул замок, заметила Катю с Микешей, стоящих на площадке. Они устали друг на друга.

Ясно было, что это и есть новая (или последняя?) жена отца, и Катя приготовилась к тому, что все окажется в ней отвратительно. Но едва та заговорила, Катя ясно увидела, что та не только не старается прикрыть свою некрасивость, напротив: знает, с юмором относится и даже как бы нарочно ее подчеркивает, эту свою несколько обезьяноватую внешность.

Она всплеснула руками, покраснела и, откачнувшись назад, слегка стукнулась спиной о дверь. Такое изумление и радость изобразились на ее лице, что она, кажется, даже перестала быть некрасивой.

— Конечно, вы, наверное, Катюша!.. Да?—Голос ее, гулкий и зычный, прогремел на всю лестницу, и при этом она робко улыбнулась.—Господи, а вы Никита?.. Ну, конечно! До чего это хорошо, что вы вдруг взяли и приехали. Ой, да ведь дождь, вы мокрые! Сейчас-сейчас!

Запустив чуть не по локоть руку в сумку, звеня кольцами о молочные бутылки, торопливо нашарила на дне сумки ключи, потом широко распахнула перед ними дверь, они вошли в темную прихожую. Мужской голос из глубины квартиры нетерпеливо закричал:

— Кто там?.. В чем дело? Кто там пришел?

Женщина быстро пошла впереди них по коридору, издали радостно объявляя:

— Петр Тихонович! Ваши! Ваши приехали! Катюша!

Хлопнула, ударившись о стену, второпях распахнутая дверь в конце коридора.

Отец лежал в постели, когда они вошли. Около него на стуле стоял недопитый стакан чаю и тарелка с рассыпанными крошками. Одной рукой он, не попадая в петельку, торопливо пытался застегнуть пуговку на груди рубашки, а другой давил окурочек сигареты, нетерпеливо тыча его в блюдце.

Был он небрит, полусед, устал и ширококват в плечах. Постелька узкая и комната тоже узенькая. Маленький письменный стол у единственного окна, заваленный журналами «Огонек», «Вокруг света», «Здоровье» и какими-то растрепанными книжками. На единственном свободном месте стоял в рамочке небольшой портрет мамы.

Все это Катя охватила с первого взгляда.

Они все натянуто поздоровались за руку, стесненно улыбаясь, так, как будто на них смотрело много народу и сейчас начнут фотографировать.

— А это Тарховская! Заслуженная артистка... Вы познакомились?—спросил отец.

Потом они сидели в столовой вдвоем с Микешей, пока отец одевался, брился, шумел водой в ванной. То и дело он кричал им оттуда:

— Катюша!.. Никита!.. Вы тут?.. Нет, я не верю, что вы приехали! Ведь это чудо!.. Ей-богу, приехали?

— Мы тут,—сдержанно отвечала Катя.—Сидим.

— А то я боюсь, вдруг войду, а там пусто, ничего нет, приснилось!—И он, действительно недобровишись, прижимая к щеке полотенце, с бритвой в руке, заглянул в столовую и засмеялся. Первая неловкость встречи с него слынула, и он, кажется, начал радоваться.

Снова в столовой он появился выбритый, с мокрыми причесанными волосами, в отглаженной рубашке. В радостном изумлении хлебнул полную грудь воздуха, вздернул плечи—нет, не приснилось!—широко раскинул руки, точно всю столовую собрался обнять, но никого обнимать не решился... Только неопределенно помахал руками в воздухе и с бессмысленной радостью повторял: «Ну, здравствуйте же, здравствуйте, мои...»—еще раз ухватил и крепко пожал им обоим руки.

Катя отметила, что он худой, лицо немного желтоватое, но, в общем, вид у него хоть куда: интересный мужик. Сравнить смешно с тем обрюзглым старикашкой в телевизоре.

— Да как же это вы решились, взяли да и приехали! Ах, какие молодцы!

Микеша откашлялся и невпопад выложил заранее приготовленную фразу:

— Вот мы надумали заехать, поглядеть!

— И до чего же прекрасно, что надумали!..—Уже на последнем слове он запнулся и приостановился.—А мама? Она знает, что вы здесь?—Он пристально смотрел на Катю. С каким-то замирающим ждал ответа, но вдруг нечаянно сам выговорил:—Ты на нее похода...

Светлые его глаза сильно заблестели, в мгновение налившись слезами. Кате неловко и неприятно стало, ей показалось, что она подсмотрела что-то, чего не надо видеть.

— Даже странно,—сказала она сухо.—Конечно, она знает.

— Конечно-конечно, я какие-то ужасные глупости говорю,—с досадой отмахнулся от своих слов Петр Тихонович,—я не то хотел... Да; как это вы надумали... Я-то ужасно рад... но не ожидал.

Катя все больше успокаивалась, замечая его волнение:

— Мы надумали? Мы же получили письмо.—Отец глядел на нее непонимающе.—Ну, Ариэль!—добавила Катя грубо.—Вы что, позабыли?

— Нет, Ариэля я не позабыл. Гм, Ариэль. Значит, я все-таки послал это письмо? Конечно, послал. Я знаю, что я послал... Нет, я не того!..—Он тронул пальцем лоб.—Тут ведь дело в том, что я много писал... Это у меня, знаете ли, такая привычка. Пишу и не посылаю. Глупо, я понимаю, но вот нравится нарисовать, а посылате неловко! Ну, это побоку. Не в том дело. Я в тот раз валялся, и довольно долго, в больнице, это ведь очень скучно, ну, там, как они это любят, всякие исследования, даже маленький кусочек от меня отрезали, но операция вовсе и не понадобилась, и все потом обошлось. А, знаете, это очень противно, когда тебе обещают что-то отрезать, правда? Просто на пробу, а ты лежишь и воображаешь... являютея мысли...—Он вдруг разом переломил настроение и совсем спокойно закончил:—Уже и бюллетень через две недели кончается, и за работу пожалуйста!

Слышно было, как в прихожей хлопнула дверь.

— Вот и Тарховская вернулась, сейчас будем чай пить!.. Она у нас очень хорошая актриса в театре, заслуженная... да, я, кажется, говорил? Да, ведь вы с дороги даже руки еще не помыли. Старый идиот, сам бреюсь, а не догадаюсь... Я просто растерялся!

Действительно, они вскоре все вчетвером сели пить чай за столом, который очень быстро накрыла Тарховская. Зазвонил телефон, Петр Тихонович сердито сорвал трубку и почти не стал разговаривать, только кричал: «Да подите вы со своим Михал Ивановичем, знаете куда!.. Не бюллетень, а дочка ко мне приехала, не вздумайте являться, всех выгоню. Все!»

— Как бы нам обратные билеты достать? Нам ведь ехать, а на вокзале очередь,—сказал Микеша.

Петр Тихонович ужаснулся:

— Какие билеты?—точно ожидал, что они приехали навсегда.—И потом это не проблема, когда нужно, я позвоню куда надо—все будет в порядке! Вы же поживете хоть несколько дней! Я все вам покажу!

— Я не знаю,—замаялся Микеша.

Катя незаметно далеко вытянула под столом ногу и пнула его под колено.

— Мы ведь, собственно, на денек, просто так!..—потверже повторил Микеша.

— Ну, пожалуйста!—вдруг своим пронзительным голосом вмешалась Тарховская.—В кои-то веки! Захудаленький, а все ж таки отец! Пожалуйста!

У нее это получилось, как реплика на сцене в смешной пьесе, и спорить всерьез после этого стало смешно.

Петр Тихонович объявил, что тут же вызовет такси и они сейчас поедут осматривать город, пойдут в музей и еще на какую-то горку, но такси не приехало потому, что дежурным в парке оказался не Костюша, которого, самоуверенно и весело покрикивая в телефон, вызвал Петр Тихонович, а кто-то совсем другой, кто пять раз переспросил фамилию и в конце концов, видимо, еще и сгубил. Тарховской пора было на репетицию, и они все вместе пошли на остановку автобуса.

В музее они бродили с отцом по тихим залам со стенами, увешанными картинами, но мало что разглядели и запомнили—все больше приглядывались друг к другу.

На улице пошел снег, и ехать на горку никому не захотелось. Вместо этого они пошли в театр и успели к концу репетиции. Тут Петр Тихонович был свой человек, все встречные с ним внимательно здоровались, охотно заговаривали, повсюду пропускали, а он подталкивал вперед Катюшу и объявлял: вот какая у него выросла дочка... а вот еще и сын. Про сына он на ходу не всегда успевал сказать.

Они потихоньку вошли в темную ложу и увидели высокий сумеречный зал с пустыми рядами стульев. На буднично освещенной голой сцене негромко переговаривались, кутаясь в теплые шарфы и потирая озябшие руки, какие-то люди.

Одному из них все кланялись и называли его «ваше высокопревосходительство!».

— Это моя роль,—небрежно заметил Петр Тихонович,—этого вот статского генерала... Пока вот Василий репетирует... да что-то не того! Бог ты мой, что он там разыгрывает. Он, понимаете ли, взяточник, и его ждет полный крах. Но это же в конце, а сейчас-то еще он в силе, он, наоборот, даже еще наглее, надменнее держаться должен, скрывать, что дела-то у него пошатнулись, а Василий что? Так и показывает, что знает развязку, прочитал финал пьесы, а генерал-то ведь не знает, он борется, надеется выкрутиться!.. Ой, дуб, брат Василий!

Брезгливо скривившийся от отвращения, Петр Тихонович все время полупшепотом объяснял ход действия.

Пьеса подошла к концу, полнейший крах обрушился на генерала—Василия.

К удивлению, у выхода из театра их ждало такси. Петр Тихонович устало откинулся на сиденье, даже глаза прикрыл и как-то пожелтел лицом.

— Ну, конечно, устал,—пояснила Тарховская.

— Устаю, когда бездарных болванов смотрю. Сижу, смотрю, руки чешутся, а сделать ничего не могу, досада!.. Зря потащился в театр.

— Нам было очень интересно,—сфальшивила Катя.—А теперь нам бы на вокзал, за билетами. Вы где-нибудь остановите, а мы сами доберемся.

— Вот-вот!..—послушно поддержал Микеша.—Это тут где-то.

Катя приготовилась отказываться, врать, не поддаваться никаким уговорам, но к тому, что произошло, она не приготовилась.

Петр Тихонович просто промолчал, под его закрытыми от усталости веками как будто что-то шелохнулось, прикрыв их совсем наглухо, а Тарховская, перекрывая своим бодрым и пронзительным голосом все шумы, воскликнула:

— Какие вокзалы? Билеты вам будут, когда надо. Вы же поговорить еще не успели.—Она торопливо нащупала руку Кати и очень крепко, до боли сжала ей запястье. Катя удивленно взглянула на нее. Прямо ей в глаза смотрели непреклонно и требовательно глаза Тарховской. Это длилось всего какое-то мгновение. Микеша ничего не заметил.

— А вот эта улица—прямо к вокзалу!

— Тебе же сказали!—зло проговорила Катя.—Успеем!—Больше она старалась не смотреть на Тарховскую.

Петр Тихонович утомленно раскрыл глаза и слабо подмигнул, наверное, хотел дать знак, что он все это слышит и одобряет.

По дороге остановились у большого гастронома, Тарховская попросила Микешу зайти вместе с ней. В магазине на ее веселый и звонкий голос сразу оборачивались продавщицы и самые грубые и дерзкие начинали ей улыбаться. Ее тут как будто все знали и как-то очень быстро все отрезали, доставали с полок, завертывали. И пяти минут не прошло, как Микеша, сам невольно усмехаясь, уже тащил толстый пакет за ней следом в машину.

Дома Тарховская настойчиво уговаривала Петра Тихоновича прилечь, отдохнуть до обеда, но он крепился, борясь с усталостью, уверял, что прекрасно отдохнет в кресле.

— Заслуженная артистка!—сказал он Кате в то время, когда Тарховская, прогромыхивая посудой, готовила обед на кухне.—А мне, понимаешь, предлагают, да я не беру. В моем возрасте... после столько лет мне полагалось бы народного. Васка, вот кого вы на репетиции видели,—он заслуженный, а он фактически мой дублер, пока я болен, он мои роли кое-как комыкал... Ну, да это я так, к слову. А Тарховскую тут любят, она бойкая, молодец!

Микеша засмеялся:

— Это точно: ей колбасу, мясо—все сразу! Голос услышали и заулыбались. Это в магазине, я говорю.

Катя понимала, что от Микешы помощи не дождешься, ей одной надо решать. Невнимательно слушая отдувающие хвастовством объяснения отца о том, как это случайно получилось, что ему не присвоили

заслуженного артиста, над которым он посмеивался и, видимо, очень желал, она рассеянно смотрела в окно, из которого вид наполовину закрывался закопченным кирпичным брандмауэром. На высоте третьего-четвертого этажа прямо по кирпичу почему-то была нарисована большая зеленая собака. Она сидела, опустив нос, уставившись на цветок с четырьмя разноцветными лепестками.

— Она тебе не нравится?—вдруг с беспокойством спросил отец.

— Почему она зеленая?

— Наверное, у маляра не было другой краски.

— Нет, лепестки ведь лимонные, алые, фиолетовые.

— Гм... верно... Понимаешь, кругом нас все кирпичное. Может быть, в стране, где вся трава кирпичного цвета, живут вот такие зеленые собаки? А?

Послышался стук в наружную дверь, звонок по-прежнему не работал. Пришла какая-то девушка с чемоданчиком.

Петр Тихонович сейчас же встал и ушел с ней в свою комнату. Тарховская объяснила, что ему в это время полагается получить уколчик и после этого два часа лежать и не болтать. Скорее всего, он даже заснет.

Потом она своим шуточно-повелительным тоном сказала, что обед уже в работе, варится и тушится сам по себе и нужно только присматривать, чтоб что-нибудь не убежало и не выплеснулось, а с этим Никита, хотя и мужчина, вполне справится.

Никита, ухмыляясь, взял «Огонек» и пошел сидеть сторожить на кухню, а Тарховская повела Катю в свою комнату, усадила в кресло и сама села на постель прямо против нее.

Катя неприязненно, все больше ожесточаясь, ждала какого-нибудь совершенно ненужного, ей и так все было ясно, объяснения.

Тарховская заговорила негромко, и голос у нее от этого совсем изменился. Даже странно было, что она может говорить не так, как всегда—будто со всем народом на площади, а с одним-единственным человеком.

— Сейчас вы мне ответите: не милая, не моя, не девочка,—и все равно я вам говорю: милая моя девочка! Я вас просила и прошу, умоляю: побудьте вы с ним еще. Несколько дней. Неделию. Больше уже и не надо. Он говорил вам, что лежал в больнице. Так вот, у него рак. Три месяца—самое большее, что ему осталось. Очень тяжелые три месяца, и после вас ему останется что вспоминать, я это знаю... он без конца будет мне рассказывать, как вы тут с ним были, что говорили... и какая вы... Это останется с ним, когда вы уедете. Вот я вам все и сказала.

Удивительное у нее было лицо, пока она все это выговорила. Вот-вот черты его готовы были расползтись в горестную гримасу, но тут же как ледяным ветром схватывало его, такое выражение строгой насмешки надо всякими этакими эмоциями, что выступившие были слезы тут же мгновенно подсыхали в морщинках. Как струйки воды среди песчаных бугорков пустыни.

Катя почти ничего не почувствовала сразу. Только от спины к пояснице сползла волна томительного страха, неясной опасности.

— Он сам это знает?

Тарховская пожалла плечами, скривив губы:

— Конечно, от него скрывают... О господи! Весь театр скрывает... Он, конечно, знает. Но не верит. Понимаете? Вот именно так: знает и не верит... Это просто чудо, что вы приехали. Главное, что, не зная, приехали. Если б вы все знали, он это сразу бы почувствовал. Это было бы тягостно и страшно... Как это вышло? Вас послала мама? ...Вы смотрите на меня, как это я смею произносить ее имя?.. Но ведь вы уж, конечно, давно поняли, что я тут... не очень-то... Ну, словом, я не та женщина, из-за которой когда-то что-то произошло в их жизни...

— Ну, конечно... хорошо...—бессмысленно кивая, повторяла Катя.—Я сейчас... Вы что-то спросили?

— Ваша мама, конечно, знает, что вы здесь? Может, она позволит вам побыть тут еще несколько дней?.. Вам будет очень трудно? Мне кажется, что вы справитесь, а?.. Попробуйте, а?

— Он так устал... там, в такси. Это от этого?.. Я-то ничего... тогда вы мне позвоните Никиту, надо ему сказать.

Тарховская внимательно посмотрела на нее и ушла на кухню за Никитой...

— Микеша, мне что-то холодно,—сказала Катя.—Обними-ка меня ты, дурачок.

— Ты что такая? А ну его к черту, давай сегодня возьми да и уедь. Подумаешь, еще дрожать из-за всего этого.

— Ты же знаешь, это у меня всегда. Обыкновенная трясогузка. Это сейчас пройдет. Это неважно.

— Любит он потреться. Эти разговорчики его.

— У него рак, Микеша... Надо позвонить маме по телефону.

— С ума сошла? Ты это хочешь маме по телефону брякнуть?!

— Идиотина. Попросить у нее... может быть, еще остаться тут на несколько дней.

— Обед готов,—сказала Тарховская, заглядывая в дверь.—Ну, что?

— Будем обедать...—Катя стояла и сильно терла кулаком себе лоб.

Тарховская смотрела на нее в нерешительности.

— А что ж еще? Будем обедать... Пойдем и будем обедать...

Сама Тарховская перед работой не обедала и, подав на стол, уехала в театр.

Катя перехватила ее в передней:

— Слушайте, там водка на буфете, он взял, разве ему можно пить?

— Конечно, нельзя. Все нельзя, и все можно! Я позвоню после первого акта. Вы возьмите трубку, ладно?

Петр Тихонович выглядел отдохнувшим после сна. А после трех рюмок водки за едой в нем и узнать нельзя было того желтого человека, что полулежал с закрытыми глазами в такси.

Он был весел, беззаботен, точно не было у него долгой жизни позади и коротенькой впереди.

— Все, все, все вы мне расскажите, как вы там живете, какие деревья растут около дома, вы на втором этаже живете? Речка там есть? Поют петухи или только трактора?..

Он оживленно посмеивался, пододвигал тарелки с закуской, что брала еще, подливал себе и Михеше водки и нисколько не пьянел.

Кашляя от смеха, признался, что зеленую собаку на брандмауэре перед окнами нарисовал он сам. Его угнетала безликая, безоконная стена, загородившая, как ему казалось, прекрасный, волшебный пейзаж, хотя на самом деле за домом открылся бы только еще один такой же дом, а за тем еще один. Он возненавидел эту стену—со смехом признавался он—вот так! Он показывал на свирепую маску японского актера с черными бровями на стене—так я возненавидел!

И когда дом красили, он познакомился с малярами, подружился и отчасти подкупил их—они навесили люльку на высоте четвертого этажа, он достал отличной нитроэмали и хотел было начать рисовать, но старик маляр... ах, прекрасный человек... забыл его отчество, объявил, что сперва надо грунтовать, иначе он не позволит изводить краску. И они еще два раза поднимались, кое-что подмазали и счистили всю копоть с кирпичика и соорудили большого пса с цветочком, а внизу собрался народ и кричал: «Безобразия»,—а другие: «Молодцы, кледи погуще!» А после все привыкли и говорят, что с собакой веселей, в прошлом году во дворе его познакомили с очень маленьким мальчиком, который с утра, подбегая к окну, кричал первое выученное им слово: «Хабаха!»

Все это он рассказывал по-актерски, вероятно, со многими преувеличениями и натяжками, чтоб выглядело забавней, но через несколько минут рассеянно-доверительно сказал Кате, когда Никиты не было в комнате:

— Я никогда не хожу в ту сторону, за дома... Не знаю, как там все выглядит в действительности, и теперь вот сижу целыми днями, представляю: а вдруг там, за этой глухой стеной, и есть страна зеленых собак. Смешно?

— Прекрасная страна зеленых собак! Ничего смешного. Просто они играют среди красной травы и нюхают пестрые цветочки.

Никита уже вернулся в это время в комнату с тарелками в руках и остановился с обалделым видом. Он весь вечер был как пришибленный.

— Мы шутим тут, и Катя мне подыгрывает по доброте сердечной.—Отец вдруг как-то увял и затих. Совсем тихонько, смущенно глядя в сторону и морщась от неловкости, насильно выговорил:—По правде говоря... Вы не считаете, что я такой уж... подонок. Как в газетных статьях описывают: бросил жену. Ребятишки на руках... а он куда-то смылся.

— Мама никогда ничего подобного не говорила,—угрюмо буркнул Михеша.

— Да, конечно, она не говорила,—униженно, безрадостно поспешил согласиться отец.—Она не говорила, нет...

— Нет, неправда,—ожесточенно вступилась Катя.—Не то что не говорила. Она никогда не думала так. Разве мы бы не знали?

— Ты полагаешь? Да может разве человек знать, что у другого на сердце? Да сто лет можно прожить, так и не поняв, что у тебя у самого-то на сердце... Вот оно как, ребятишки... вот как... Нальем еще, Никитушка?

— Нет, пожалуйста. Подождите. Раз такой разговор, подождите.

— Что ты хочешь делать?—испугался Никита.

— У тебя в пиджаке, в кармане, письмо? Молчи, я знаю, что делаю.

Пиджак висел за спинкой стула, на котором сидел Никита. Катя, оттолкнув его руку, поширила по карманам и вытащила бумажник, в серединку которого был вложен конверт. Бумажник отдала Никите, а письмо положила на стол перед отцом между двумя тарелками и пустой рюмкой.

— Я даже не знаю, нужно тебе это письмо показывать или не надо. Может, лучше, чтоб ты его не распечатывал. Это написала мама и дала нам на дорогу: вдруг понадобится тебя уговаривать. Это письмо ни к чему. Но просто, чтоб ты знал... Пускай ты знаешь. Можешь взять, прочесть.

— Это ее почерк,—сказал Петр Тихонович, издали, не касаясь, приглядываясь к конверту. Потом он встал, взял его обеими руками, как берут блюдце, боясь расплескать воду.—Можно, я пойду к себе в комнату прочитать?

— Там очень мало написано,—предупредила Катя.—Просто, если тебе плохо, у нас для тебя всегда есть место. Мы ведь ничего не узнали из твоего письма.

Он унес письмо и не слышал даже, когда в столовой зазвонил телефон.

Звонила Тарховская, вероятно, из конторы, в трубке слышен был галдеж множества голосов. Напряженное волнение вибрировало

неопределенно в ее оживленном голосе, каким разговаривают о чем-то совсем близком при посторонних.

— В доме все нормально, сидим болтаем, смеемся,—сказала Катя.

— Прекрасно!—воскликнула насмешливо, для окружающих, Тарховская, но, кажется, для нее это и вправду было прекрасно.

— Тут, кажется, телефон звонил?.. Это она, наверное?.. У нее премьера сегодня, понимаете... Гм... Волнительно для артистов... Совершенно не понимаю, с чего это теперь все говорят вместо «меня волнует»—«мне волнительно», впрочем, наплевать. Про письмо не будем ничего говорить, ладно?.. Не потому я его спрятал, что боюсь... то есть спрятал не потому, что кого-то боюсь, а потому, что это мое личное и никому... нечего туда соваться... Я не позволяю... Ты объясни, Катюша, маме просто, что я спрятал письмо у себя, подобно тому, как укрывают... так же, как прячут на груди... как самое... что у человека...

Невыносимо нарастало напряжение, с каким он пытался высказать какое-то последнее слово, и Катя бросилась на помощь.

— Да, да, я все скажу, я все поняла, не надо больше ничего.

Отец, не глядя, тяжело опустился в свое кресло у стола, виновато и криво усмехаясь.

— Мы не выпили? Что ж это мы? Выпьем?

— Что ж, ладно... Хотя, может, не стоит?

— Выпьем!.. Сами знаем, за что!.. А про Тарховскую вы не думайте.

Она хорошая. Имеет большой успех у публики, ей много хлопают. Мне тоже хлопали. Как будто целый рой бумажных мотыльков взлетает и порхает, поднятый в воздух. Вся наша жизнь в них. Вся ее колдовская прелесть... Перестали ладошки хлопать в зале, и все наши бедные мотыльки тихонько опустились, как клочки легкой бумажки, и растаяли, как снег, и ничего у тебя не осталось. Опять мы не выпили? Никита!.. Что я тут наболтал? Ах, да! Когда кукольное представление окончено и Черт, Петрушка-трубочист и Городовой лежат все вместе в ящике, куда их свалил Кукольщик, очень интересно бы послушать, о чем они говорят, а?

— Петрушек теперь не бывает!—рассудительно сказала Катя, скрывая беспокойство.

— А у тебя лампочка есть у постели? У вас ведь электричество?

— Ясно, электричество.

— А какая лампочка?

— На подставочке. Деревянная. Абажур в горошек... Чтой-то я вся в шариках-горошках. Что еще? Пижамы в пузырьках. И занавеска на моем окне.

Вернулась Тарховская с цветочками в целлофановых фунтиках, влетела, с ходу оглядела сидящих за столом и просияла.

— Ну, как прошла премьера?

— Лучше, чем ждали... Говорят, с успехом. Пока не увянет цвет моей красоты, публика будет мной любоваться!

— Успех? Ну, поздравляю!—несколько свысока и снисходительно помахал рукой Петр Тихонович.—Теперь подождем, что скажет критика. У нас ихнего брата немного, а есть. Великие люди, скажу я вам, ребятки! Что, собственно, такое критик в театре? Ему преподносят свежее испеченную булку, то есть премьеру. И он по этой булке вам сейчас определит, какая была допущена при ее испечении ошибка, чем плох выбранный автором сорт пшеницы, какие погрешности были при уборке, в общем, чем плох тракторист, который вспахивал то самое поле, из которого в конце концов произошла упомянутая булка...

Вообще после появления Тарховской Петр Тихонович стал ироничен и несколько небрежен с ней. С Никитой. Только Кате все потихоньку подмигивал как сообщник неизвестно в каком деле.

Стали распределяться, кому где укладываться спать. Кате вышло, конечно, в комнате с Тарховской. Улучив момент, Петр Тихонович перехватил ее в коридоре, где Тарховская доставала из стенового шкафа постельное белье. Опасливо оглянувшись, прошептал:

— Ты знаешь, они, кажется, не прочь у нас остаться на пару днейков.

— Вы думаете?—Она что-то перекладывала, низко наклоняясь над пачкой простыней.—Я что-то не очень уверена.

— Вечно ты воображаешь, что я фантазирую. А я тебе говорю... Они бы не прочь... Все-таки деревня!.. Жизнь у них там однообразная... может быть, я их немножко развлекаю, ну, просто всякой болтовней...

— Про зеленую собаку?

— Разве это неправда?.. Только вот у тебя хотел спросить, как ты?.. Ты не очень против?

— Если они действительно останутся?.. Гм... Что ж?.. Не знаю... Почему я должна быть против? Она славная девушка... Нет, я не против.

Когда, окончив все хлопоты, она вошла в свою комнату, Катя уже успела раздеться и легла, натянув одеяло до самого подбородка. Тарховская, тоже стеснявшаяся раздеваться при ней, переоделась в ванной и легла на свою постель в долгополом халате.

— Насобачилась по ночам спать, как караульный солдат в будке: вполглаза и во всем обмундировании.

Катя повернула голову и посмотрела на нее: лежит, длинноногая, вытянувшись, руки по швам, как деревянные, носки из-под одеяла торчат врозь. Она тоже повернула голову к Кате.

— Ему, понимаете ли, на ночь полагаются кое-какие... Процедуры... Нет! Капризничает, не желает! Подумайте, целый вечер не отдыхал и водку пил, сияет, как младенец после купания, и ничего знать не

хочет про лекарства! А почему вы брата Микешей называете?

Катя подумала, неуверенно попробовала объяснить:

— Как-то случилось. Ему подходит. Ну, понимаете, Микеша. Значит, в нем мякиша много, а жесткой корки мало. Наверное, может быть, от этого.

— Очень похоже. Знаю... А внешне он на отца вовсе не похож.— Она помолчала и досадливо закряхтела.— Я не заметила, вы ему пожела-ли спокойной ночи?

— Кажется... не помню.

— Это пустяк, говорить не стоит. Но он ужасный человек, начнет потом все вспоминать по кусочкам. Настырная я баба!.. Знаете, у одной девушки, это анекдот одесский, украли в трамвае кошелек. И вот она ревет как белуга в три ручья. Наконец, какой-то господин не выдержал, спрашивает: «Что ты так убиваешься? Сколько у тебя там денег было? Рубль? Ну, на тебе рубль, только больше не реви!» Девушка успокоилась, а немного погодя тихонько ему шепчет: «Если уж господин такой добрый, может, вы мне и кошелек отдадите?»... Вот и я, как та девушка: если уж вы такая добрая, может, вы пойдете ему сказать «спокойной ночи», а?

Катя лежала как закованная, так ей не хотелось вставать и идти.

— Без конца ведь он потом будет это вспоминать: что было, чего не было!.. Нелепость, а что подделаешь...

Из-под одеяла Катя выползала долго. Босиком прошлепала через коридорчик и остановилась у двери в комнату отца. Слышно было, как Никита, посмеиваясь, рассказывает:

— ...Мы только садимся в поезд, только тронемся с места, я сейчас голову в окно: не выдать ли платформы, где ты нас встречаешь!.. Я, по правде сказать, ничего этого не помню, мне мама рассказывала...

— Я знаю, я знаю,—торопил, боясь прервать рассказ, голос отца,—это она говорила... А ехать двое суток!.. Ну? Ну?..

— Вот так, я больше всего помню, как мы все ехали, ты встречал, а потом опять ехали, а ты опять встречал... А как провожал, кажется, ни разу не помню!

— Верно, верно, так жизнь и шла... встречи, отъезды...

Катя стиснула зубы, толкнула дверь и вошла. Никита лежал на коротком диванчике, к которому подставлено было кресло. Оба курили, дым плавал под потолком.

— Я пришла сказать спокойной ночи!—как заводная выговорила Катя. Подошла к отцу, мельком увидела его растерянный до изумления взгляд и сделала то, чего не собиралась делать: быстро нагнулась и сухо чмокнула около самого глаза отца в щеку.

— Вот какие у тебя на пижамке шарики... веселенькие!—уже вслед ей крикнул отец.

Она прикрыла дверь и изо всех сил обратной стороной ладони, стиснутой в кулак, вытерлась. Раз. Другой. Так, что горячо стало губам. Но этого ей оказалось мало: ощущение осталось. Она прошлепала в ванную, под краном набрала воды в ладонь и несколько раз смыла губы и потом крепко вытерла уголок мохнатого полотенца.

— Невыносимый человек приехал!.. Ой, прямо сюда!..

На крик Светки, приплясывавшей от радостного изумления, Надежда Андреевна подошла к окну.

Осторожно, разбрызгивая лужу, на дороге медленно отъезжал незнакомый автофургончик. Подвез доктора и вот, видно, из уважения, старался его не забрызгать, отъезжая.

Со времени отъезда Кати Накрохин в первый раз приехал в совхоз. Впрочем, сегодня была первая суббота без Кати. А доктор, если появлялся у Надежды Андреевны, то обязательно именно по субботам. В другое время через Лизу, которая работала у него в больнице сестрой, передавал иногда короткие шуточные записки.

Пока Светка отлеживалась у него после операции, Катя ежедневно ее навещала и тоже приносила матери записочки, несколько странные для пожилого хирурга и главного врача. «Имею сообщить: подsunутый мне Вами полудухлый поросенок по кличке «Светка» окончательно ожил. Ваш Н.»

Катя передавала записки с громадным удовольствием, называла доктора «невыносимый человек», обращалась с ним запанибрата, в каком-то смысле даже несколько свысока, не очень вдумываясь, но угадывая глубоко скрытую расстановку сил: мама спокойно ценит доктора и дружит с ним, но и жизнь ее и настроение мало зависят от него. А доктор почему-то очень зависим во всем этом от мамы. Для нее непреложно ясно было: мама лучше всех окружающих... Чего же удивляться, что и доктор это понимает?

Доктор Накрохин со всей угрюмой развязностью неуверенно себя чувствующего человека, привыкшего в любой другой обстановке быть хозяином положения, сразу же бесцеремонно попросил чаю с вареньем. В первые минуты их встреч чай с вареньем очень помогал им преодолеть легкую неловкость. Потом все шло хорошо.

— Что эта стрекота? Совсем, я вижу, у вас тут прижилась?—Доктор мотнул подбородком в сторону кухни.

— Не знаю, чем это кончится. Нет, живет-то она у Лизы. А вот объявила: «Катя меня всегда навещала, теперь я буду вас наве-

А. ТИМРОТ

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО

КОГДА мы говорим «Лев Толстой», воображение тотчас рисует пронзительный взгляд из-под грозно нависших бровей. Таким гениальный художник смотрит на нас со

страниц романов, рассказов, таким встает он перед нами в своих гневных трактатах и статьях.

Но откажемся на время от канонического образа. Представим статного, широкоплечего, оживленного человека с мягко-волнистыми темными волосами. «В глазах много жизни, энергии». Словом, молодого Толстого... Он совсем недавно снял мундир защитника Севастополя. Он автор «Детства», «Отрочества», «Юности», Кавказских и Севастопольских рассказов, «Утра помещика», «Казаков», с восторгом принят в круг писателей «Современника». Близок с И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, А. Н. Островским, А. А. Фетом...

Его кредо: «Чтоб жить честно, надо... вечно бороться... Спокойствие—душевная под-лость».

Горячий, мятежный, полный планов. Все в нем в движении, все изменчиво и необычайно. Критика единодушно признает за ним блестящую будущность. Н. Г. Чернышевский так определяет главные черты его дарования: «Глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства».

Цель жизни высказана еще в полуфантастическом плане юноши, оставившего университет для исполнения своего нравственного долга: «ему не надо искать сферы деятельности—она готова; у него есть прямые обязанности—у него есть крестьяне... Действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать... образование и т. д. Какая блестящая, счастливая будущность!».

Жизнь его простирается между великими событиями русской истории. Он родился через три года после восстания 14 декабря 1825 года, пережил революцию 1905 года и умер за семь лет до Великого Октября. Все созданное Львом Толстым отразило сложные и бурные события, связанные с освободительным движением, с его сильными и слабыми сторонами, с противоречиями самой жизни.

На творческом пути его поднимаются грандиозные вершины—«Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»...

Мы входим в мир созданных им образов, как бы не в мир искусства, а в самую жизнь. Его мастерство скрыто подобно тому, как мы не различаем и не видим тех усилий, с какими пробиваются к свету слабые ростки из толщи земли, чтобы после явиться в совершенстве всей своей красоты.

В этом его мире любят и ненавидят, радуются и страдают, там кипят страсти и веет ледяной холод. В нем борьба добра и зла. Нам трудно поверить, что никогда не было на свете Наташи Ростовой и Анны Карениной, Кити Щербацкой и Катюши Масловой, Пьера Безухова и Андрея Болконского, Нехлюдова и Вронского, что никогда не умирал Иван Ильич, не было ни Никиты-работника, ни хозяина... ни целого мира неповторимых, живых героев и героинь, сотворенных силою невероятного таланта.

«Война и мир» — один из самых великих вкладов русского народа в сокровищницу мировой культуры. Трудно назвать другой роман, который воспринимался бы разными поколениями с таким неизменным интересом, привлекал такое горячее внимание самых различных читателей, получил бы единодушное всемирное признание. Неоценима роль, которую сыграла эта великая эпопея в воспитании многих поколений, в формировании передовой мысли, в пробуждении высоких нравственных чувств.

Со страниц романа встает живая история народа, являя собой величественный пример патриотического движения нации, подвига во имя Родины.

Толстой хорошо знал широкий круг дворянства. При всем резко отрицательном отношении к нему он выделял в нем просвещенный, передовой слой, к которому принадлежал сам. Именно этот слой дворян стремился служить народу, сблизиться с народом, учиться у него...

Перечитывая роман, мы живем в нем как в реальном мире. Мы участвуем вместе с народом в Шенграбенском и Бородинском сражениях. Мы волнуемся за судьбы героев. С болью в сердце расстаемся с Андреем Болконским и Петей Ростовым. Восхищаемся народным военачальником Кутузовым.

Нас пленяют и мирные картины... Семья Ростовых с их русской широтой, удастью, артистичностью, доброжелательностью без сословных различий. И среди них — волшебница Наташа. Натура, щедро одаренная, свободная от предрассудков света, живущая умом сердца. Эта девушка с задатками мужества жен декабристов. Наши симпатии и на стороне Марии Болконской, олицетворяющей толстовский идеал женственности, красоты нравственного чувства. Мы хорошо видим водораздел между лучшими людьми из дворянского сословия и многочисленными курагиными, друбецкими, бергами и т. п.

Восемь лет отделяют эпопею, повествующую о событиях начала века, от романа «Анна Каренина». Писатель не мог оставаться равнодушным к тому, что происходило вокруг него: разорение и обнищание крестьян, ломка всех привычных устоев жизни. Крестьянский вопрос был для него всегда животрепещущим, самым близким. Он подходил к нему не только разумом, но и эмоционально.

Новый роман вырастает на тревожной почве событий пореформенной России 70-х годов. Тревога просвечивает сквозь все коллизии романа... Тревожно течет жизнь в помещичьих имениях, в крестьянских избах, тревога разъедает семейные отношения героев.

Жизнь как будто продолжает идти по привычному руслу. Люди любят, женятся, веселятся, тоскуют, ездят на службу, на балы, спорят, сходятся и расходятся, а в глубине, где-то у корней жизни совершается разрушение... Ру-

шатся старые формы общественных отношений, быта, морали, сознания. «Все это переворотилось и только укладывается!» — с тревогой думает Константин Левин.

Но как укладывается? Еще уродливее, чем прежде! Новые бедствия надвигаются на деревню. Обесценивается все, на чем держалась «патриархальная совесть».

Толстой населяет свой роман героями, которых мы или любим, или ненавидим, обвиняем, или вступаемся за них.

Мы страдаем страданиями Анны, оказавшейся во власти «злой машины» — холодного петербургского чиновника Каренина. Анна для нас — прекрасная русская женщина, исполненная изящества, ума, неукротимо идущая навстречу «свободной и смелой любви».

Вместе с Левиным мы ищем «правды» в жизни. Соглашаемся или спорим, протестуем. Вместе с ним переживаем радость труда, когда под его косой ложатся травы, тяжелые от росы, и солнце слепит глаза, и ясные капли влаги стекают по мокрому железу.

Нам близко материнское чувство Долли, ее усталость от домашних забот. Мы принимаем к сердцу любовь и ревность Кити Щербацкой-Левиной, испытываем вражду к глухой бессердечности светских львов и львиц, отвергающих Анну лишь за то, что она не может лицемерить... Счастье иллюзорно не только в жизни Карениных и Вронского. Неблагополучие окружает и семью Облонских, тревожна и «счастливая» атмосфера дома Левиных. Нет, совсем не случайна трагедия Анны!

Жизнь — мучение! «Мы все знаем это, — говорит ее внутренний голос, — и все придумываем средства, как бы обмануть себя».

И лишь когда «свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла», только тогда пришло избавление...

Свеча жизни Анны угасла. С нею угасли для нее ложь и зло жизни. Но тревожный отсвет прозрения заставлял великого писателя идти вперед и вперед, открывать глубинные причины зла.

В судьбе народа, в его бедствиях и чаяниях, в его вражде к существующим порядкам Толстой обретал свой новый взгляд на явления жизни.

«Со мной случился переворот, — писал он на рубеже 80-х годов, — который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне... Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас — паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь».

Беспощадно обличает писатель ложь и лицемерие, под покровом которых существовали и держались государственные, политические, экономические, моральные принципы буржуазно-дворянского общества.

«Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, — писал В. И. Ленин, — углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания».

Для чего жить? Как жить? Что делать? — Толстой ставил эти вечные вопросы, пытаясь их решить сообразно своим верованиям,

возлагая надежды на нравственное совершенствование людей всех классов, предлагая в то же время «не противиться злу насильем». Борьба со злом жизни средствами художника, ученого, общественного деятеля.

Он глубоко верует в силу добра и любви, в силу слова, несущего правду. Казалось бы, достаточно показать богатым весь ужас их безнравственного существования, а бедных научить не исполнять того, что требуют от них власти — и жизнь переменится, все то, что подлежит разрушению, будет разрушено.

«...Горячий протестант, — писал В. И. Ленин, — страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю».

В духе своих новых взглядов Толстой создает «Народные рассказы», повесть «Смерть Ивана Ильича», рассказ «Хозяин и работник», пьесы «Власть тьмы», «Плоды просвещения». «Живой труп» и многое другое. Пишет трактаты, исполненные потрясающей глубины обличения, — о положении народа, о насилиях и бесправии. Наконец, грандиозной вершиной подымается его роман «Воскресение».

Глазами Нехлюдова обозревается вся Россия в преддверии революции. Все, что в ней должно исчезнуть, — власть богатых, нищета народа. И все, что должно восторжествовать, — жизнь в труде, справедливость, уважение к человеческому достоинству.

От имени всех угнетенных и бесправных Толстой выступает и как адвокат и как прокурор, перечисляющий все преступления, совершаемые хозяевами жизни... «Нехлюдову, — пишет он, — с необыкновенной ясностью пришла мысль о том, что всех этих людей (томящихся в тюрьмах. — А. Т.) хватили, запирали или ссылали совсем не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собрали с народа».

Как никогда прежде, у Толстого в романе слышится вера в обновление. Оно близится, оно неизбежно. Жизнь должна стать прекрасной! Земля с ее светом, солнцем — «...это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Вероятно, нет на всем земном шаре места, куда не достиг бы голос Толстого. Он звал прежде и зовет теперь человечество к разумному устройству жизни, зовет к миру, братству, к справедливости, к тому, чтобы люди нашли радость в созидательном труде.

...Уходят годы. В далеком прошлом остались социальные беды старой России. Но творения великого Толстого не увядают. Они остаются для нас нетленными. В них мы обретаем радость. Обогащаем свой духовный мир, соприкасаясь с его героями. Мы любим вместе с ними жизнь и самое драгоценное — родную землю, украшаемую трудом, обогретую теплом сердца, обереженную кровью многих поколений! И потому вслед за Горьким готовы повторить: «Весь мир, вся земля смотрит на него... его душа — для всех и навсегда!»

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПОРТРЕТ

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Летом 1873 года Иван Николаевич Крамской поселился на даче в заброшенной усадьбе близ Тулы. Заросшие аллеи, водяная мельница с замшелой плотиной, покрытый зеленою пруд... Крамской ходит в лес писать пейзажи. Где-то рядом, может быть, в этом же лесу, гуляет и Лев Николаевич Толстой — ездит верхом неприметными для постороннего, но ему давно известными тропами или идет пешком, всякий раз удивляясь и радуясь этой раскинувшейся вокруг красоте. С прогулки Лев Николаевич приносит домой цветок орешника, багряный кленовый лист, серги бересклета.

Со Львом Николаевичем художник Крамской незнаком, но книги Толстого любит, говорит, они помогают читателю стать человеком. Написать портрет Толстого ему очень хочется. «Я употреблю все от меня зависящее, чтобы написать с него портрет», — сообщает он Третьякову. А Третьяков мечтает заполучить этот портрет в свою галерею. Он уже несколько раз уговаривал Льва Николаевича попозировать кому-нибудь из художников, но Толстой отвечал решительно: «Есть какое-то чувство, сильнее рассуждения, которое мне говорит, что это не годится». Теперь Третьяков ожил от надежды: вдруг Крамской и в самом деле «убедит неубедимого». Крамской, собравшись с духом, отправляется в Ясную Поляну, но неудачно: Толстой на некоторое время уехал в Самарскую губернию — надо ждать.

Август пробежал — наступает пора укладывать в ящик летние этюды, скоро вагон второго класса увезет Крамского в его дождливый Петербург. Но Крамской медлит — не хочет и, кажется, не в силах уже уехать без портрета. В первых числах сентября он снова является в Ясную Поляну. В листе берез проблескивает осеннее золото, краски гуще, мир вокруг видится подробнее. Крамской входит в дом, спрашивает графа, его просят подождать — Лев Николаевич ненадолго отлучился по хозяйству. Но Крамской нетерпелив, бедово заряжен, как он любит говорить, он идет по усадьбе искать Толстого. Из сарая доносится стук топора. Темнобородый работник в длинной серо-голубой рубахе колет дрова.

— Не знаешь ли, голубчик, где Лев Николаевич?

— А вам он зачем? Это я и есть...

Услышав о портрете, Толстой качает головой:

— Нет, нет, этого не нужно. Но я рад вас видеть, я вас знаю. Пойдемте ко мне...

Беседуют душевно — об искусстве, о жизни. Осень началась для Льва Николаевича хорошо, бодро. Новый роман «Анна Каренина» движется успешно. Мысли Толстого заняты предстоящими творческими и общественными трудами, ему не терпится «в дело употребить набранные силы».

«Какие глаза удивительные! — думает, всматриваясь в лицо Толстого, Крамской. — Небольшие и посажены глубоко, но какие ясные, будто излучают свет и вместе вбирают его. И какие пронзительные, будто он знает все, что я думаю. Лицо темное, точно обветренное. Черты на первый взгляд вырублены грубо, но до чего необычно и привлекательно. Как красиво сжимается средина губ, когда он кончает говорить!...» Портрет не выходит у Крамского из головы. Беседуют час, другой. Крамской находит удобный случай и, кажется, уже в четвертый раз сворачивает к портрету.

— Ну, я не напишу портрет, другой сейчас не напишет, тридцать лет пройдет, сорок, пятьдесят, все равно будет ваш портрет у Третьякова в галерее, — говорит он решительно. — Мы не напишем — дети напишут, внуки, только хуже напишут — не с натуры, по ненадежным воспоминаниям, по дурным фотографическим снимкам.

Толстой слушает внимательно, его сосредоточенный взгляд как бы одновременно обращен на собеседника и в глубь себя. Словно

размышляя вслух, он говорит, что помещать его портрет в галерею, наверно, не следует, но вот если написать для детей, чтоб им остался...

— Я два портрета напишу! — горячо отвечает Крамской. — Сразу буду писать два портрета...

Как бы оправдываясь, Лев Николаевич сообщает близкому своему знакомому Страхову: «Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: все равно ваш портрет будет, но скверный. Это бы еще меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет для нее».

Но дело, конечно, не в этих внешних причинах, не в «уступках» и «условиях», которые перечисляет Крамской в письме к Третьякову, радуясь, что «неубедимого» все же удалось убедить. Софья Андреевна пишет, рассказывая о решении Толстого: «Он не хотел ни за что допустить И. Н. Крамского писать свой портрет. Но Крамской приехал в Ясную Поляну сам и своей симпатичной личностью, беседой привлек Льва Николаевича, и он согласился».

Установлен в комнате мольберт, в назначенный день Крамской привозит два натянута на подрамники холста — один холст чуть повыше. Позировать Лев Николаевич, конечно, не должен, пусть просто поудобнее сядет в кресло, будем опять душевно беседовать. Крамской скидывает сюртук, надевает свободную черную блузу. Укрепляет на мольберте подрамник, привычным касанием проверяет натяжение холста, решительно кладет на палитру краски. Он уже знает, как будет писать Толстого, мысленно он уже устроил портрет на холсте, но несколько минут еще медлит, пережидая мгновенный испуг — начало хорошей работы. Потом быстро набрасывает контур, сразу же подмалевывает высокий, могучий лоб, намечает размашистые брови, торопясь подступиться к глазам.

Много лет спустя Крамской скажет про портрет Толстого: «Он взят энергично и написан скоро, с огнем». Он говорит о двух портретах, как об одном, — в этом неразрывность, цельность восприятия. Крамской рассказывает в письме к Третьякову, как после каждого сеанса Лев Николаевич и Софья Андреевна приходят к единодушному мнению, что лучше тот портрет, который писался сегодня. С огнем и один портрет трудно написать, какое же огромное тяготение должно быть к человеку, чтобы сразу два — с огнем, а Крамской, кажется, готов и за третий принять: есть свидетельство, что он хотел написать Толстого в кафтане на лошади!

Спустя годы Крамской в письме к Толстому вспомнит об их первой встрече: «Вы были тогда уже человеком с характером сложившимся, с прочным и широким образованием, большим опытом (талант пропускаю, как величину всем известную и определенную), с умом и мирозерцанием совершенно самостоятельным и оригинальным, до такой степени самостоятельным, что я помню очень хорошо, какое впечатление вы делали на меня, и помню удовольствие в первый раз от встречи с человеком, у которого все детальные суждения крепко связаны с общими положениями, как радиусы с центром». В письме к Репину (через полгода после завершения портрета) Крамской заметит — вдруг, без всякой связи с

предшествующим текстом, словно вырвалась неотступно сидящая в нем мысль: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный... На гения смахивает». Характеристики для понимания (для ощущения) портрета необыкновенно важные! Это теперь мы привычно произносим применительно к Толстому «гениальный»; Крамской почувствовал гениальность Толстого много раньше, чем большинство современников. Это, конечно, создавало «духовную атмосферу» при работе над портретом.

Но и для Толстого беседы с художником желанны и дороги. Людям близким, Страхову, Фету, он признается, что Крамской для него «интересен», что он угадывает в портретисте «очень хорошую и художническую натуру» и оттого охотно «сидит и болтает с ним». Без этого сердечного тяготения друг к другу, без этой доверительной откровенности, без этих серьезных разговоров о том, что было главным и для того и для другого — о смысле жизни и искусства, — вряд ли получился бы портрет, о котором знаменитый критик В. В. Стасов писал: «Все те высокие и своеобразные элементы, которые образуют личность графа Толстого: оригинальность, глубина ума, феноменальная сила творческого дара, доброта, простота, непреклонность воли — все это с великим талантом нарисовано Крамским...»

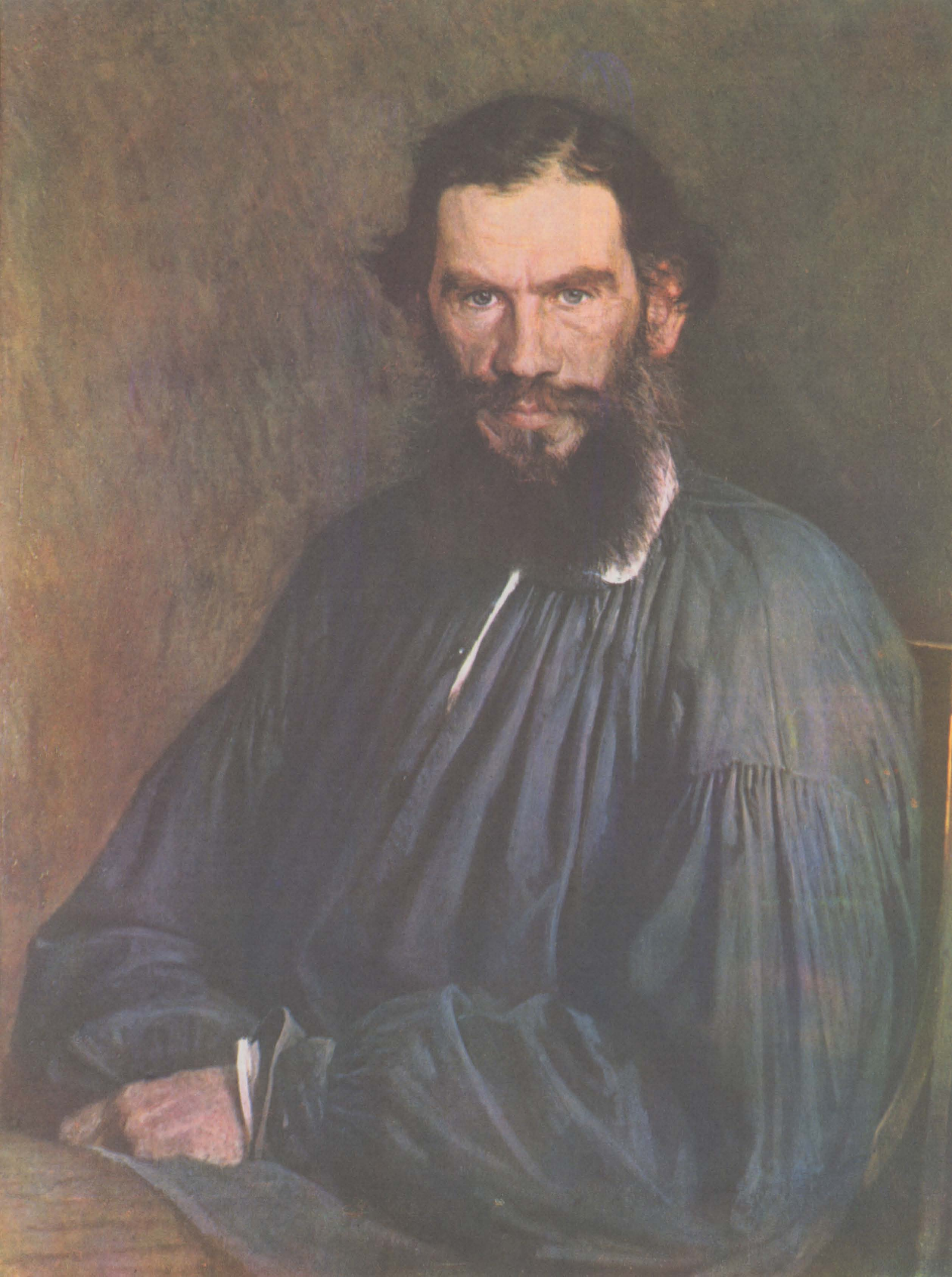
День за днем приходит Крамской в Ясную Поляну.

Кружась в воздухе, падают с берез желтые листья, потом, сухие, скрученные, шуршат под ногами, потом чернеют, размокнув на осеннем дожде, липнут к земле. Когда Крамской кончает портрет, светлые окна непрозрачны от стекающей по ним воды... И в ту же пору в воображении Толстого является на свет, начинает облекаться плотью новый герой «Анны Карениной» — художник Михайлов. Толстой пишет про Михайлова, что «его художественное чувство не переставая работало, собирая себе материал...» «Несмотря на свое волнение, мягкое освещение фигуры Анны, стоявшей в тени подъезда... поразило его. Он и сам не заметил, как он, подходя... схватил и проглотил это впечатление... и спрятав его куда-то, откуда он вынет его, когда понадобится». Возможно, Крамской сказал Льву Николаевичу, что помнит все лица, которые когда-либо видел, как будет помнить их художник Михайлов, но ведь и Толстой, сам не замечая, схватывал и проглатывал всякое впечатление и прятал куда-то, пока не понадобится. Схватил, спрятав он и впечатление, произведенное на него Крамским, его поведением, разговорами, жестами, работой. Репин скажет про портрет Толстого, написанный Крамским: «Страшно похож», — и про художника Михайлова в «Анне Карениной» скажет: «Страх как похож на Крамского»...

Портрет Толстого, написанный Крамским, произвел огромное впечатление на современников. Он помог им лучше понять личность великого писателя, глубже проникнуть в его творения.

На вкладке:

И. Н. КРАМСКОЙ. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Библиотека.

Секретарская комната, в которой много работал писатель.

Фото Ф. ГУРТОВНИКА, И. КОНСТАНТИНОВА.

Дом Толстых.

Такой запечатлела на снимке Софья Андреевна свою большую семью.

Лев Николаевич завещал не ставить на его могиле памятника...

УРОКИ СЕМЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Л. Н. Толстой позирует скульптору П. Трубецкому.

Из альбома Софьи Андреевны

Рассматриваешь многочисленные фотографии Л. Н. Толстого и с особым вниманием вглядываешься в любительские, пожелтевшие от времени снимки, сделанные женой писателя — Софьей Андреевной.

Снимая то, что ей было дорого, — самого Толстого, детей, любимые пейзажи Ясной Поляны, — Софья Андреевна создала коллекцию фотографий, которую можно назвать летописью последних двадцати лет жизни Льва Николаевича. На этих снимках мы видим Толстого в кругу семьи, с детьми и внуками, в группах с родственниками и гостями, за чайным столом, в парке, играющим с дочерьми в теннис и т. д. Софья Андреевна запечатлела праздники и будни Ясной Поляны, сохранив многие подробности жизни великого писателя.

В дом Толстого приходили и приезжали известные художники, композиторы, писатели, ученые. И это нашло отражение в снимках С. А. Толстой, которые воссоздают царившую здесь атмосферу уважения и любви к искусству.

Софья Андреевна оставила серию снимков Толстого с А. М. Горьким, А. П. Чеховым, И. Е. Репиным, И. И. Мечниковым. Ей удалось также заснять такие яркие страницы яснополянской жизни, как работа П. П. Трубецкого над скульптурными портретами писателя, концерт С. И. Танеева и А. Б. Гольденвейзера в гостиной; Ванду Ландовску, играющую для Толстого на клавесине.

Лев Николаевич не любил фотографироваться. Во-первых, это отнимало много времени, отвлекая от более серьезных занятий, а во-вторых, писателю было неприятно то преувеличенное, по его мнению, значение, которое придавалось его портретам. И особенно не нравилось Толстому распространение его изображений. Софья Андреевна приходилось считаться с этим. Поэтому она обычно заранее устанавливала свою дорожную фотокамеру на штативе в парке или в одной из хорошо освещенных комнат дома, выбирала точно место, где должен нахо-

Писатель за работой.

диться фотографируемый, и только после этого просила мужа немного постоять перед аппаратом.

Иногда ей удавалось снять Толстого незаметно. Он настолько привык к каждодневной деятельности жены, что подчас, погруженный в работу, не обращал внимания и на ее «фотографическую суету». Так был сделан в 1909 году один из интереснейших фотографических портретов писателя в кабинете яснополянского дома. Толстой пишет за круглым столиком, глаза опущены. Снимок передает глубокую сосредоточенность писателя. Эта фотография нравилась и самому Толстому. Он говорил: «Портрет прекрасен, потому что не было позирования. Руки прекрасны и выражение натурально».

Т. ПОПОВКИНА,
научный сотрудник
Государственного
музея Л. Н. Толстого

Подвойский, Ногин, Цюрупа, Семашко, Постышев... Кто не знает этих имен! Пламенные революционеры, видные деятели партии большевиков и Советского государства. Об их жизни и самоотверженном труде написаны книги. Среди этой литературы особое место займет небольшая — немногим более ста страниц — книжка Людмилы Пинчук «Моим детям — вместо завещания». Ее выпустило Издательство политической литературы в серии «Библиотечка семейного чтения».

Л. Пинчук рассказывает о том, какими любящими отцами, умными и чуткими воспитателями были большевики-ленинцы. Журналистка изучила архивные материалы, встречалась с детьми героев своей книги (дети эти, конечно, теперь уже сами стали бабушками и дедушками), каждая страница книги достоверна, впечатляюща и поучительна.

«Моим детям — вместо завещания» — так написал в 1920 году нарком А. Д. Цюрупа на титульном листе первого издания первой Конституции РСФСР. А. Д. Цюрупа как бы говорит своим детям — а их у него было пятеро: «Мы завещаем вам все, ради чего жили и боролись. Мы завещаем вам новую, социалистическую Родину».

И мысли, и слова, и нормы отношений с детьми, друзьями, близкими большевиков-ленинцев, о которых рассказывает книга Л. Пинчук, воспринимаются тоже как завещание нам, живущим сегодня.

Читаем о семье Н. И. Подвойского, одного из организаторов Красной Армии. Как заботливо руководили родители духовным ростом своих детей! Их мать, Нина Августовна, не уставала повторять: «Всегда помните, что коммунист должен быть в одно и то же время интеллигентом и рабочим. Вы родились в семье интеллигентов и поэтому должны приложить все силы к тому, чтобы уметь соединить интеллигентность с физическим трудом». Все дети Подвойских — три дочери и сын — начинали трудовую биографию в заводских цехах и только потом получили высшее образование. Дочь Н. И. Подвойского Ольга замечает: «Можно много и красиво говорить о труде, но если ты сам, своими руками никогда не сделал ни одной детали, ни разу не выточил ни одной гайки, не посадил ни одного дерева, все красивые слова о труде будут отскакивать как горох от стенки».

Пример родителей, семейные традиции — что может оказать на ребенка большее влияние!

...Виктор Павлович Ногин, первый председатель Моссовета, очень любил цветы. Возвращаясь с прогулки, он обычно протягивал жене букет. «Казалось бы, мелочь, — вспоминает его сын Владимир Викторович, — подумай, небольшой букет ромашек, но мы с сестрой видели счастливый и благодарный взгляд матери, принимающей от отца его скромный дар. И этот взгляд говорил нам, детям, о многом — о нежной, верной и самоотверженной любви наших родителей. А как это важно для ребят! Мне кажется, что мальчик, который изо дня в день видит возвышенное отношение отца к матери, не смеет вырасти холодным, расчетливым циником и хамом...»

Виктор Павлович твердил своим ребятам, что у одних книги заполняют жизнь, а у других — только книжные полки. Не боясь, что пострадает «внешний вид» книги, он приучал детей давать книги для чтения товарищам.

Владимир Викторович с теплотой вспоминает вечера, когда вся семья собиралась вместе и отец читал вслух.

С юности ненавидевший стяжательство, жадность, Виктор Павлович часто повторял слова Карла Маркса о том, что человек должен быть правильно подготовлен к пользованию вещами. Если для человека ясно, что является подлинно жизненной ценностью, вещи не порабощают его, не сделают мещанином. Сейчас, когда ушли в прошлое голод и разруха, об этом особенно важно помнить.

Уроки семейной педагогики, полные глубокого смысла, созвучные с требованиями нашего нынешнего времени, черпаешь из этой книги о прошлых днях. Вот один из таких уроков, преподанный Павлом Петровичем Постышевым своему сыну Леониду. Торопясь в авиаclub, Ленья насхлеб пообедал и оставил на тарелке недоеденный кусок хлеба. Это вызвало гнев отца, и вот что сказал он сыну: «Пусть никогда не вернется те дни, когда ребята голодали и краюха хлеба была для них мечтой. Но меня, как отца и коммуниста, тревожит то, что произошло сегодня за обедом. С каждым годом детство наших ребят становится все более радостным. И это замечательно. Но оно становится и слишком уж беззаботным. А вот это скверно».

Закрываешь книгу с чувством благодарности людям, оставившим всем нам в наследство бесценный педагогический опыт.

Н. ГАЛКИНА

И В МОСКВЕ И В ИВАНОВКЕ

Родился человек в Москве ли, в Охотске, в Кохтла-Ярве или в ауле Цада, он в счастливом своем младенчестве еще не подозревает, что независимо от места рождения, цвета кожи и разреза глаз является гражданином великой, прекрасной страны. И что сразу же он попадает в круг государственных забот о нем. За яслями с плюшевыми мишками и коньями-качалками последует детский сад с песочницами и качелями, и «первый раз в первый класс», и звездочка октябрёнка на груди, и пионерские песни у костра, и аттестат зрелости, и первая полочка, и возвышающий душу труд. И всегда на всем пути будет сопровождать человека забота о его здоровье, своевременном отдыхе. А потом, в конце трудовых лет, — заслуженная пенсия по старости. Все это прекрасное в жизни обеспечено основным, определяющим законом нашей страны — ее Конституцией, отражающей самые главные черты советского образа жизни.

Не так-то это просто — говорить о нашем советском образе жизни, находясь, если можно так выразиться, в самой этой жизни, отыскивая ее проявления в привычном, обыденном, повседневном. Со стороны, наверное, куда виднее. Вот пришло в редакцию письмо. Автор его, житель ФРГ, сообщает о факте, который мы, советские люди, и заметить-то не в состоянии: «Недавно я побывал в СССР. Вдоволь побродил по подмосковным лесам и испытал необыкновенное чувство восторга. Вернулся к себе и вновь гуляю только по разрешенным дорожкам. Пройти напрямик у нас невозможно: частная собственность. Впрочем, вам этого, наверное, не понять».

Что же, согласимся человеку, который не знаком с понятием «частная собственность на землю» и гуляет сколько угодно по лесам, перелескам и лугам, как-то и в голову не придет соотносить эту естественную возможность с какими-то особыми чертами своего образа жизни. Для нас она так же незаметна, как способность дышать.

Этот пример, разумеется, лишь частность. Само же понятие «образ жизни» куда шире и многограннее. Что мы предполагаем за этой емкой формулой? Производство и положение человека на производстве? Конечно. Отношения между советскими гражданами? Да, и это, разумеется. Наши взгляды на жизнь, представ-

ления о том, ради чего человек существует на свете, какую цель поставил, чего хочет добиться? Естественно, и это. И еще многое, многое другое.

Но есть главное, основное, без чего разговор об образе жизни неминуемо будет поверхностным. Образ жизни любого народа не может быть чем-то произвольным или случайным. Он всегда определяется социально — экономическим строем общества, в основе которого лежит способ производства. В самом деле, разве не законами социализма определяется в решающей мере наше отношение к труду, не в зависимости от них складываются нравственные принципы поведения, не ими ли диктуется устройство нашего быта, даже организация свободного времени?

Конечно же, из законов социализма вытекает, например, такое важнейшее понятие для характеристики советского образа жизни, как равенство людей — экономическое, политическое, национальное. В основе равенства лежит для нас привычное и простое: ни ты, ни я не владеем ни заводом, ни фабрикой, никогда не будем владеть. Да и зачем владеть-то?

Для спокойствия за завтрашний день нам не нужен капитал, потому что нет безработицы, медицинское обслуживание бесплатное, детей учат бесплатно, квартирная плата чисто символическая, квартиру получаем бесплатно. Это не значит, что мы полностью равны материально. Оплата по труду — незыблемый принцип социализма, это тоже черта нашего образа жизни. Но мы все равны в самом главном — в возможности проявить себя. О тебе и обо мне судят прежде всего по нашей работе. Качеством труда определяется положение человека в обществе.

В свою очередь, из такого вот социального самочувствия человека вытекает еще один весьма важный признак советского образа жизни — отношение к труду. При капитализме неизбежен разрыв между личностью и трудом: Человек трудится не на общество, результаты его труда в значительной степени присваивает тот, кто его нанимает на работу, — владелец фермы, предприятия. Какое удовлетворение может давать такой труд? Социализм этот разрыв ликвидировал, уничтожив частную собственность.

Не будем кривить душой: не каждый еще

работает в полную силу. Есть у нас люди недобросовестные. Но если даже человек не очень-то азартен в труде, работает с ленью или вообще не считает труд такой уж необходимостью, он тем не менее волей-неволей вынужден принять образ жизни большинства, то есть трудиться (капиталов-то нет). Каждый, мы подчеркиваем это, вынужден жить своим трудом в силу того, что не имеет возможности поживиться за счет другого или тем более других. Если же он стремится найти иные, нетрудовые способы существования, ему противостоит мнение, сила которого в нашей стране велика.

Советский образ жизни — это прежде всего трудовой образ жизни. Труд каждого умножает экономическую силу общества в целом, а значит, и благо каждого. Поэтому добрая инициатива в работе, как правило, не остается незамеченной, поощряется, так как в конечном итоге она направлена на интересы не отдельного человека, не на его обогащение, а на интересы всего производства и общества в целом. Вот почему инициативный, добросовестный труженик в нашей стране окружен всенародным почетом и уважением.

Буржуазные идеологи часто сводят понятие образа жизни к простому и легкодоступному понятию уровня потребления. Разумеется, уровень достатка очень важен для характеристики образа жизни. Но считать, что если высок уровень потребления, то и образ жизни хорош, значит обеднить понятие, обходить стороной духовную жизнь человека. Другой вопрос: как распределяются жизненные блага, что получает личность. И тут обнаруживаются преимущества, которые дает только социализм.

Все для блага человека — провозгласила наша Коммунистическая партия, и в это понятие «благо», конечно же, входит и постоянный рост материального достатка советских людей. Можно сказать, что рост доходов населения в СССР тоже своего рода экономический закон, неукоснительный в своем проявлении. Вот цифры. В 1965 году среднемесячная заработная плата рабочих и служащих составляла 96,5 рубля, в 1970 году — 122 рубля, в 1975 году — 146 рублей, а в 1980 году, когда завершится десятилетие, составит 170 рублей.

Разумеется, когда мы говорим о доходах, мы учитываем не только их абсолютную величину, но и порядок, механизм образования. И, конечно же, те многочисленные материальные льготы и выплаты, которые мы называем общественными фондами потребления и которые составляют преимущественно советского образа жизни перед буржуазным. Их сумма, например, в 1980 году достигнет 115 миллиардов рублей. Сумма огромная, достаточно сказать, что она составляет четвертую часть всего годового национального дохода страны. Эти деньги идут на бесплатное обучение и повышение квалификации, на охрану здоровья, содержание детских садов, санаториев, домов отдыха, театров, музеев, библиотек, парков, стадионов, на выплату пособий, пенсий, стипендий, на многое другое. Все это весьма весомые прибавки к собственно заработной плате.

Словом, уровень жизни и благосостояния в системе советского образа жизни мы рассматриваем куда шире, нежели собственно понятие «потребление», связывая удовлетворение материальных потребностей с потребностями культурными и социальными, с гармоничным развитием личности. Социализму по самому его духу чужд потребительский подход, культ вещей и накопительства.

Мы говорим здесь о том важном, что определяет наш советский образ жизни. Не хватит и сотни страниц, чтобы рассказать о всем многообразии его проявлений. Складываясь воедино, они образуют целостную картину нашего социалистического бытия.

В. ЛЯШЕНКО

В. Г. СВЕТЛИЦКИЙ.
Первая передача с Большой земли.
С выставки «Земля Тюменская».

«Ваше сегодня— это наше будущее»

Гости на Выставке достижений народного хозяйства Киргизской ССР.

— **В**озвращаюсь в гостиницу и принимаю ухом к радиоприемнику: что там, дома, какие события?— делится со мною Марсель Хонейни, и в глазах ее тревога.— Когда началась израильская агрессия, мой престарелый отец, муж и сын и даже тринадцатилетняя дочь включились в борьбу...

Мы познакомились на сессии совета МДФЖ, проходившей в Москве. Марсель представляла Ливанскую лигу прав женщин. С трибуны сессии Марсель говорила: «Мы, женщины Ливана, знаем, что такое жить в состоянии страха за родных и близких. Мы призываем к достижению мира!» Ее понимали, она чувствовала горячую поддержку подруг из разных стран. Они тоже борются против агрессии, против расовой дискриминации, за социальные права, за будущее детей.

После сессии Марсель Хонейни и еще восемь представительниц арабских стран были приглашены в качестве гостей Комитета советских женщин в Киргизскую ССР. Вместе с ними полетела в Киргизию и я.

...Ранним солнечным утром автобус мчит нас по дороге в аэропорт Домодедово. Свернула серебряной лентой Москва-река. Побежал по сторонам дороги белоствольный лес. Примолкли смуглые пассажирки автобуса. Не отрывают глаз от непривычного для них пейзажа Фаузия и Хамида из Бахрейна; изредка перемолвятся словом бойкая Айша Смейда и смешливая Хева Таварги из Ливии; Малика Эль Белхити и Атики Амина из Ма-

рокко; восторженно блестят черные глаза Эссал Фаукии из Туниса; погрузилась в свои мысли Мириам из Омана.

А через четыре часа мы, преодолев пять тысяч километров, уже стоим в окружении радушных хозяек в аэропорту «Манас».

Здравствуй, Фрунзе! Как ты прекрасен в зелени парков, пестроте цветов, в окружении ослепительных горных вершин! Солнце печет нещадно, но Айша и Эссал бодро шагают в шерстяных костюмах и сапогах на высоких каблуках.

— Как хорошо!— улыбается Айша.— Тепло! Совсем как у нас в Ливии.

На Фрунзенской швейной фабрике имени 40 лет Октября мы задержались особенно долго. Условия труда женщин, их профессиональный рост, возможности продвижения по службе, помощь государства и самого предприятия в воспитании детей, охрана здоровья— все вызвало интерес у гостей.

— Девяносто процентов работающих на предприятии— женщины,— рассказывает директор фабрики Шапиза Шеркулова.— Руководящий состав тоже женщины. Многие пришли сюда ученицами, не имея профессии, а стали начальниками цехов, ведущими инженерами.

— У нас в Тунисе мастером может быть только мужчина. Ведь для такой должности нужно специальное образование,— замечает Эссал Фаукия.— Женщины не получить его трудно... А как вы обучаете молодых работников?

(Сама Эссал— по образованию биолог, мать двоих детей. В Национальном союзе тунисских женщин, членом руководства которого она является, Эссал занимается вопросами социологии труда. Ее интерес к условиям труда на фабрике, профессиональному обучению, производственному росту работниц понятен.)

— Одни закончили наше профтехучилище, других обучают профессии индивидуально опытные швеи.

— Мы тоже боремся за развитие профессионально-технического образования. Но девочек в училищах немного: для тунисской женщины главным пока остается дом.

Гости останавливались около швей, наблюдая, как проворно и точно двигаются их руки, словно слитые с машиной. Неожиданно мы оказались в совершенно безлюдном цехе. Молчат машины. Тишина...

— Нет, нет, этот цех не закрыт, и работницы не уволены,— рассеяла недоумение Шапиза Шеркулова.— Мы так делаем: отправляем в отпуск сразу весь коллектив, а в это время ремонтируем помещение, оборудование: Удобно и швеям и фабрике.

Чем больше видели и узнавали наши гости, тем больше задавали вопросов.

— Ну, а если женщина год или два просидела с малышом и отстала в своей работе от других, как тогда?

— Мы поможем ей наверстать упущенное. При фабрике есть курсы усовершенствования.

— Работа, учеба, семья... Как

удается совместить все это?— развела руками Мириам.— У нас в Омане семья требует от женщины всех сил.

— Давайте посмотрим, как получается,— предложили хозяева.

Гости увидели столовую, где работницы могут не только пообедать, но записаться полуфабрикатами для дома. Заглянули в душевые и комнаты гигиены; не прошли мимо медсанчасти. Они узнали о пионерском лагере на Иссук-Куле, о детских комбинатах, в которых находятся малыши, пока их матери работают.

— Да, в таких условиях можно и учиться, и работать, и воспитывать детей,— словно подвела итог увиденному Айша Смейда.— У нас в Ливии после революции 1969 года открываются новые предприятия. Участие женщин в производстве очень нужно и для них самих и для страны. Но вовлечь их туда не так-то просто— мешают веками сложившиеся под влиянием ислама традиции. И ваш опыт для нас бесценен,— мы будем много рассказывать о том, что увидели здесь.

Обычный детский комбинат ясли-сад, к каким мы привыкли, в каких многие из нас росли или растут своих детей, поразил моих спутниц. Они разглядывали игрушки, посуду, трогали мебель.

Марсель Хонейни, гостя из Ливана, задержалась у шкафа, на полках которого аккуратными стопками— по количеству детей в группе— уложены альбомы для

рисования, наборы цветных карандашей, коробочки с красками, пластилином, линейки, ножницы.

Кто это все покупает?

— Детский сад.

— А кто же учит ребят рисованию, лепке?

— Воспитательницы. У нас все они со специальным высшим образованием,— отвечает на вопросы заведующая Гериям Касимова.— Дети находятся в саду до семи лет, до школы. Представляете как меняется за эти годы ребенок! Нужен хорошо подготовленный педагог, чтобы дать ему знания, навыки поведения, умение жить в коллективе. К тому же мы учим старших ребят иностранному языку—английскому, а в двух соседних детских садиках—французскому и немецкому. За здоровьем детей следят медсестра, педиатр. Во время делают все необходимые прививки. Ослабленных детей вывозим в санаторий на озере Иссык-Куль,—продолжает Г. Касимова.

— Женская организация Марокко тоже заботится о здоровье матери и ребенка,—рассказывает Атики,—но пока эта помощь очень скромная. У нас действуют специальные бригады: активистки, молодые марокканки, обучают женщин уходу за детьми, личной гигиене. Но детских учреждений единицы, да и они не идут ни в какое сравнение с тем, что мы сейчас видим.

— А наши женщины не имеют даже такой помощи, о которой говорит Атики. В Омани властвуют реакционные силы. Султанат нет дела до простых людей,—откликнулась Мириам. В нашей группе она самая молчаливая.—Горько сознавать, что в твоей стране чуть ли не самая высокая в мире детская смертность. Особенно ужасно в деревнях: нищета, антисанитария, никакой медицинской помощи...

— А содержание детей здесь очень дорого?—осторожно спросила Фаузия.

— Государству содержание одного ребенка в детском саду стоит свыше четырехсот рублей в год, родители оплачивают только четвертую часть.

В Республиканский женский педагогический институт мы приехали, когда лекции уже окончились. Но учебная жизнь продолжалась: студентки готовились к сессии. В лингафонном кабинете занимались будущие преподаватели русского и киргизского языков, в химической лаборатории девушки готовились к зачетам.

Большинство студенток приехали во Фрунзе учиться из отдаленных районов республики, из айлов, кишлаков.

— И родители спокойно отпускают девушек? В арабских странах, даже вступивших на путь социальных преобразований, семья еще идет на это с трудом,—говорит Малика Эль Белхити.

— В первые годы после революции в Киргизии тоже были сильны религиозные предрассудки,—рассказывает ректор института, профессор Ж. С. Тытыбекова.—Поэтому и создан наш институт—женский, специально для девушек-киргизок. Теперь уже и старые люди не подвергают сомнению право своих внучек и правнучек учиться, получать профессию. Институт по традиции так и остается женским. По окончании его многие наши выпускницы едут на работу в дальние айлы, в горные селения. Мы и преподавание строим так, чтобы они могли не только работать в школе, но и быть медсестрами, культработниками—в кишлаках, на горных пастбищах такой человек на вес золота.

Совсем недавно я натолкнулась в печати на заметку из газеты «Аль-Баас» (Дамаск). В ней сообщалось: 72,6 процента населения арабского мира не умеет ни читать, ни писать. При этом среди женщин неграмотных 85,6 процента. В настоящее время школьным образованием охвачено всего 5 миллионов девочек против 15 миллионов мальчиков.

— В оманских селах девочек нередко выдают замуж в 14 лет—и тут уж не до учебы,—говорит Мириам.

— А некоторые мужчины в странах ислама просто не хотят иметь образованных жен. Ведь религия отводит женщине только одну роль—быть рабой мужа,—подхватывает ливийка Хева Таварги.—Но независимая Ливия уже принимает меры к ликвидации безграмотности. Я сама учительница и знаю, как медленно, с трудом, но все же осознают простые люди необходимость образования.

Поздним вечером мы возвратились из колхоза «Сантыш». Что расположено в предгорье Алатоо. Гости переполнены впечатлениями, и в автобусе идет оживленный обмен мнениями.

— Люди двенадцати национальностей живут в одном колхозе!—удивляется эмоциональная Айша.

— А на швейной фабрике? Там еще больше—двадцати национальностей! — откликнулась Атики.

— Настоящий интернационал! И всюду нам говорят: «Живем одной семьей».—Это голос Марсель Хонейни. Когда ее что-то глубоко трогает, она говорит горячо, убедительно.—Такое возможно только при социализме. Империалистам нужно, чтобы народы враждовали,—так их легче удержать в зависимости. Мы это испытали на себе.

— А знаете, в арабском и киргизском языках есть общие слова,—вдруг делает открытие Фаузия. — Например, «рахмат»—«спасибо».

— Салам!—добавляет кто-то. Мчится автобус в ночи. И, как

огонек в темноте, вдруг вспыхивает песня. Сначала киргизская, потом арабская, потом опять киргизская...

— **С**кажите, а как вы лично вы достигли такого высокого государственного поста?

Мы сидим в кабинете заместителя Председателя Совета Министров, министра иностранных дел Киргизской ССР Сакин Бегматовой.

Только что Сакин Бегматовна рассказывала гостям о республике, оперируя множеством цифр. И за этими сухими цифрами вставала картина гигантских преобразований, коренным образом изменивших облик республики, жизнь ее народа. Ее слушали очень внимательно. И просьба рассказать о себе была понятна: ведь в арабских странах такой взлет—от крестьянки до министра—для женщины практически невозможен.

— Что о себе рассказывать? Моя судьба схожа с судьбами многих наших женщин,—улыбнулась Сакин Бегматовна.—Судите сами: 12 женщин нашей республики—депутаты Верховного Совета СССР; в Верховном Совете Киргизии женщин одна треть. Вы встречались с нашими женщинами-специалистами. И всем нам помогла найти свою дорогу в жизни Советская власть. Сама я дочь крестьянина. Мне было три года, когда умер отец. У мамы нас осталось трое. Все получили образование, я по специальности экономист. Всегда много работала—хотелось сделать хорошо все, за что бралась, и все успеть. У меня семья, две дочери, трое внуков, так что забот хватает.

— Есть такая арабская поговорка: «Глаза приносят мало пользы, если разум слеп»,—говорит Эссал Фаузия.—И мы, находясь у вас в гостях, не просто смотрели, но и старались постичь увиденное разумом, использовать ваш опыт применительно к нашей жизни. В нас окрепла вера в то, что можно все сделать и все изменить в интересах самого народа. Мы поняли главное: там, где люди работают на самих себя, на свое государство, жизнь преобразуется, люди счастливы.

Ваше сегодня—это наше будущее.

Прощаемся с Киргизией. Перед посадкой в самолет стоим тесным кружком, с охапками красных гвоздик в руках,—гости и хозяйка, женщины разных стран, разных судеб. И одна из наших гостей вслух вспоминает стихи:

Что может быть глубже моря?
Дружба.
Что может быть крепче алмаза?
Дружба.
Что может быть ярче солнца?
Дружба!

Ирина СКЛЯР

Фрунзе—Москва.

НЕУГОМОННЫЕ

Надежда Сергеевна Малофу в нашем поселке Абрау-Дюрсо знают все. Двенадцать лет ее избирают председателем женского совета. И все добрые дела, что на счету у совета, будь то устройство детской площадки, организация кружка для ребят или открытие нового стола заказов, связаны с ее неутомимой деятельностью.

Люди обращаются к ней со своим горем и радостью. И всех она выслушает, поддержит в беде, порадуется удаче, даст добрый житейский совет. Крепко побавляются ее «возмутители спокойствия», общественного и домашнего. Надежда Сергеевна умеет сделать внушение с глазу на глаз так, что потом это долго помнится. Женский совет организует для работниц и домашних хозяек лекции на политические, педагогические, медицинские темы. Очень хорошо проходят у нас «Огоньки». Конечно, главный заповедь и здесь женский совет.

Т. НОВИКОВА, инженер.
г. Новороссийск.

На снимке: идет очередное заседание женсовета. В центре—Н. С. Малофа.

ЛЕТОПИСЕЦ

Анна Павловна Доронина в подмосковном городе Озеры—человек популярный. Она потомственная текстильщица, инженер. Второе ее призвание—краевед, страстно любящий родные места. Еще девочкой исходила она окрестности Озер. Расспрашивала о происхождении названий деревень, о знаменитых земляках. Записывала рассказы старожилов, собирала фотографии.

И позже, когда трудилась на хлопчатобумажном комбинате, растила сыночкой, Анна Павловна всегда умудрялась выкроить время для своего увлечения. С годами в ее архивах появился раздел о Великой Отечественной войне и героях-земляках, о послевоенных Озерах.

Когда материал стал тесно в ее квартире, Анна Павловна передала их комбинату «Рабочий». По ее инициативе на предприятии создан музей.

И сегодня, уйдя на пенсию, она неутомима. Ездит по музеям крупных городов, работает в архивах. Ее статьи по краеведению, истории города и комбината публикуются на страницах районной газеты. Анна Павловна—лектор общества «Знание», активист Общества охраны памятников истории и культуры, старший экскурсовод городского экскурсионного бюро.

К. СОЛНЦЕВА

г. Озеры,
Московская обл.

МАСТЕР ОГНЕННОЙ СЛУЖБЫ

Шальная искра сварки, упавшая на сухие крепления декораций, стала причиной пожара в старом здании Орловского драматического театра. Расчищая дорогу ревом сирен и миганием красных ламп, к месту происшествия прибыл дежурный караул пожарной части № 2 во главе со своим командиром Евгенией Константиновной Зиборовой. Небольшими силами своего отряда Зиборова сдерживала пламя до приезда подкрепления. Вскоре пожар потушили. Особо отличившихся в этой операции отметили специальным приказом по областному управлению внутренних дел.

Женщина — командир пожарной части. Но ведь у нас запрещен для женщин этот опасный труд! Да, Евгения Константиновна — исключение. Пришла она на эту работу в 1943 году, когда в пожарных командах работали преимущественно женщины, и не смогла оставить полюболюбившее ей дело. Сейчас пожарная часть Зиборовой — лучшая в Орле. В прошлом году число пожаров в зоне ее обслуживания сократилось наполовину, а убытки от них — в три раза. И дело здесь не только в умелой тактике командира и хорошей подготовке ее отряда, но и в большой работе по предупреждению пожаров. По инициативе Зиборовой во

многих организациях и домоуправлениях открыты уголки противопожарной безопасности, постоянно проводятся специальные занятия. В школах, где Евгения Константиновна частый гость, созданы юношеские добровольные пожарные дружины.

В честь 60-летия советской пожарной службы (в марте 1918 года В. И. Ленин подписал декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем») Е. К. Зиборовой была вручена Почетная грамота Министерства внутренних дел СССР.

Е. ПОПОК
Фото автора.

Дерево, краски и вселенная

Прекрасен мир вокруг нас. Стоит только внимательно приглядеться — и ты увидишь, как «снегов сияющая мгла уходит в небеса», услышишь, как «звенит небо с высоты», почувствуешь, как «отблески светил ночных манили в вечность».

Эти строки — из стихов астронома, художника и поэта Нины Якимовой. В 1961 году, когда Нина была еще студенткой МГУ и носила фамилию Гусева, «Работница» рассказала о ней своим читателям. Теперь Нина Сергеевна — кандидат технических наук, автор более 25 научных работ, посвященных звездам-цифеидам — пульсирующим сверхгигантам, которых называют «маяками вселенной».

Но все свободное время Якимова по-прежнему отдает искусству. Ее

картины и стихи посвящены звездному небу, неизведанной и влекущей стихии космоса. Ее любимый материал — дерево. Она расписывает доски, домашнюю утварь, делает оригинальные деревянные украшения. Большая часть работ выполнена гуашью, а сверху покрыта лаком. Расписных досок уже более ста.

В книге отзывов на недавней выставке Нины Якимовой есть запись коллеги-ученого: «Поражает оригинальность, фантазия, простота и вместе с тем изысканность ее художественного творчества. Впрочем, все эти качества присущи и ее научному творчеству».

А. МАКСИМОВА

Фото автора.

Встреча солидарности

«Советские женщины гневно осуждают преступление, аресты, пытки, бесследные исчезновения людей и преследования демократов и патриотов Уругвая».

Такие слова записали в «Резолюции солидарности с уругвайским народом» участницы встречи с общественными деятелями Уругвая, проходившей в Комитете советских женщин.

Член бюро Международной демократической федерации женщин Роса Мальдонадо рассказала об ужасном положении, в котором находятся жены, дети, матери, ближайшие родственники патриотов — жертв фашистского террора, о борьбе своего народа против разгула диктатуры.

«Уругвай сейчас превратился в огромную тюрьму, — сказала Роса Мальдонадо. — Большинство органов печати закрыто; запрещена деятельность профсоюзов; под жестоким контролем находятся общественные организации. Многие уругвайцы лишены гражданских прав. Кризис, безработица охватили страну».

Тысячи патриотов томятся в тюрьмах и в лагерях за колючей проволокой, болеют и погибают от непосильной работы, от бесчеловечного обращения, от пыток. Уже многие годы томятся в застенке журналистка Рита Ибарбуру, бывший депутат столичного муниципалитета Сельва Браселья, руководительница Федерации студентов Уругвая Офелия Фернандес Лопес, преподавательница средней школы Сара Ютчак и многие другие.

Народ Уругвая героически борется против фашизма, за национальное освобождение. И советские женщины всем сердцем на стороне уругвайских патриотов.

И. ВИКТОРОВА

БЛАГОДАРИМ, АВТОМАТ!

Сколько рук прикоснется к хлебу, прежде чем он попадет от печи к покупателю, — укладка, погрузка, разгрузка, — и всю эту работу обычно выполняют женщины.

На выставке «Инпродторгмаш-78» в Москве был показан комплекс машин-автоматов для механизации работ в хлебохранилищах и экспедициях хлебозаводов, созданный в СССР. Он освобождает от трудоемких работ до 40 человек на каждом предприятии средней мощности. Исчезает тяжелый труд укладчиков и грузчиков. Появляется новая профессия — оператор укладки хлеба. Такие комплексы уже действуют в Киеве, Москве, Ленинграде. Ими будут оборудованы хлебозаводы во многих городах Союза.

На всем пути хлеба от печи до покупателя к нему не притронется рука человека.

Этому поможет еще одна новинка выставки — передвижной хлебный шкаф для магазинов. Он состоит из полок с прозрачными дверцами, открыв которые, можно самому взять хлеб.

Автоматы, автоматические линии, макеты целых заводов-автоматов, представленные на выставке 370 фирмами и внешнеторговыми объединениями из 22 стран (Франции, США, Японии, Швеции, Чехословакии и других), продемонстрировали успехи, достигнутые в деле механизации и автоматизации производства, хранения и продажи продуктов питания. Экспозиция Советского Союза — крупнейшая, 650 ее экспонатов познакомили посетителей выставки с новинками в отечественном машиностроении; с помощью которых в десятой пятилетке начато переоснащение предприятий пищевой промышленности, торговли и общественного питания. Машин-автоматы облегчают труд работниц, повышают его производительность. Так, линия для производства пельменной и фрикаделек увеличивает производительность труда в 2,5 раза. Автоматы искусно приготавливают фарш, тесто, штампуют пельмени и фрикадельки, замораживают готовую продукцию, фасуют и упаковывают.

На выставке можно было увидеть технику универсамов и кафе завтрашнего дня, линии непрерывного дей-

ствия для расфасовки натуральных полуфабрикатов, кассы-автоматы, которые заменяют кассиров.

Наши старые знакомые — автоматы, те, что в жаркий день угощают нас газированной водой, расширяют свой ассортимент. Теперь из них можно извлечь бульон с булочкой, бутерброд с кофе. Несколько автоматов, столики — и открылось кафе, первое такое кафе-автомат действует в Москве, в Энергетическом институте. За день оно успевает накормить 10 тысяч человек. К Олимпиаде-80 в Москве будут открыты 11 кафе-автоматов. В них все механизировано — и приготовление бутербродов, и их продажа, и размен и подсчет монет, и даже уборка подносов и посуды.

Важно, чтобы автоматы как можно быстрее шагнули с выставки в жизнь. Около 125 машин и линий уже действуют. Судьба многих других автоматов также решена. На выставке они получили «добро».

Л. МОЛОТИЛОВА

Передовой опыт обретается нелегко, подчас в борьбе с привычкой, рутинной, ценной проб и ошибок. И когда, наконец, утверждается себя, должен рассматриваться в социалистической стране как общественное достояние.

Но опыт—достояние живое. Его надо не просто беречь, как эталон в Палате мер и весов, его надо распространять, тиражировать. В нашей стране опыт лучших не «секрет фирмы», он широко открыт всем. Его изучают в специальных школах по обмену опытом, о нем издаются брошюры, читают лекции. Но всегда ли и как быстро, в какой мере полно приживается опыт передовых предприятий на других заводах и фабриках?

Давайте попробуем разобраться в этом на примере Московского ордена Трудового Красного Знамени производственного коврового объединения имени 50-летия Великого Октября. И возьмем не опыт в целом, а только один его аспект—систему внутрипрофессионального продвижения (о ней наш журнал рассказывал в статье «Искать по-люберецки» в № 2 за 1975 год). Отклики идут до сих пор. Читатели спрашивают: оправдал ли себя опыт?

С этого вопроса и начнем беседу с директором производственного объединения Ириной Сергеевной ЛЕОШКЕВИЧ.

— По системе внутрипрофессионального продвижения мы работаем пять лет. И уверенно говорим: да, система себя оправдала. Изменился характер соревнования. Теперь в нем наиболее полно присутствуют все три условия, о которых говорил В. И. Ленин,—гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения опыта.

Разве можно сравнивать показатели ткачихи, проработавшей 20 лет, с показателями той, у кого стаж 2—3 года? Вот и получалось прежде, что выходили в передовики, как правило, люди с большим стажем. А молодые рабочие просто не брались соревноваться с лидерами. Некоторые из них теряли интерес к работе, даже уходили с комбината.

Теперь, когда все рабочие разбиты на группы в зависимости от стажа по данной профессии, когда в каждой группе определен уровень требований к мастерству, результаты можно действительно сравнивать. Соревнование стало массовым и острым. Гласность при этом тоже полная—у всех на руках «Карты внутрипрофессионального продвижения», каждый знает выработку и свою и соседа, может ежедневно сопоставить, обдумать, почему у него меньше. Окончательные итоги соревнования подводятся торжественно в День работников легкой промышленности. Все рабочие, выполнившие задание по своей стажной группе, получают вознаграждение, им присваивается звание—ткач или прядильщица третьего, второго, первого класса, наконец, «Заслуженный работник объединения». Но звание это присваивается отнюдь не пожизненно. Его надо подтверждать каждый год заново—производительностью, качеством труда. Такая система дала нам возможность держать коллектив в состоянии постоянной творческой активности, движения, роста.

— Ирина Сергеевна, не потребовало ли внедрение этой системы дополнительных затрат?

— Нет, никаких дополнительных затрат не требуется. Вознаграждения мы выплачиваем за счет фонда материального поощрения. Не увеличился и штат отдела труда. Просто обычный учет выработки, который есть на каждом предприятии, мы ведем по группам рабочих с одинаковым стажем.

— Можно ли выразить результаты применения системы в цифрах?

— Пожалуйста. Прежде всего резко со-

«Пора нам, товарищи, научиться по-деловому внедрять передовой опыт, доводить до конца всякое полезное дело».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Речь на XVIII съезде ВЛКСМ.

кратилась текучесть. В среднем по комбинату до шести процентов. А в основных, наиболее важных цехах—даже до двух процентов. Молодежь от нас не уходит. Производство ковров и выработка на одного рабочего выросли в 1,3 раза. Мы как бы высвободили для работы в других отраслях хозяйства более двух тысяч человек.

Как же сложилась судьба передового опыта московских ковровщиков? На первый взгляд, неплохо: его заметили, его одобрили. Совет Министров РСФСР и Министерство текстильной промышленности РСФСР в специальных постановлениях и приказах рекомендовали «всемерно пропагандировать и внедрять опыт МПКО». Опыт широко освещался и в печати.

За опытом в Люберцы приезжали коллеги из Бреста и Хивы, текстильщики из Иванова, Красноярска, Ростова и Читы. Его изучали на семинарах и конференциях—директора и главные инженеры предприятий отрасли, партийные и профсоюзные работники. В толстых папках отдела НОТ объединения хранятся сотни запросов со всех концов Союза. Причем не только от текстильщиков, но и химиков, лесников, металлургов. И на все—до единой—просьбы работники МПКО откликаются, высылают и методики и карты внутрипрофессионального продвижения.

Так что же из опыта МПКО внедрено на других предприятиях?

— Читала статью «Искать по-люберец-

ки» метром должны выработать за месяц, за год, то есть того, что в Люберцах знает действительно каждый.

«Участвовала я в конкурсе на лучшего рабочего,—рассказывает молодая ковровщица Люба Пичугина. На станке она всего второй год.—Но с кем соревноваться приходилось? Галина Романенко—она уже тогда известная ткачиха была, когда я еще на ставильщицу училась. Разве мне за ней угнаться? Если бы с такими же, как я, с одним стажем, это бы здорово!»

Да, вопреки утверждению руководителей Обуховского объединения, что у них рабочие в большинстве кадровые, в последнее время цехи объединения значительно «помолодели» и теперь именно соревнование людей с одинаковым стажем работы помогло бы молодым работницам расти, видеть свою перспективу, наращивать производительность.

Контроль за внедрением опыта МПКО на предприятиях текстильной промышленности РСФСР по приказу министра от 8/IV 1974 года был возложен на Управление труда и заработной платы. Естественно, что к руководителям именно этого управления мы и обратились с вопросом: «На скольких предприятиях внедрена система внутрипрофессионального продвижения?» К сожалению, ответа сразу нам дать не смогли. Потребовалась неделя, чтобы навести справки. Заведующая отделом соревнования тов. Медведева, по ее собственному при-

ЖИВОЕ Д

ки»,—пишет в нашу редакцию ткачиха Барнаульского меланжевого комбината Валентина Самусева,—и завидовала. Думалось: у нас бы так—и группы по стажу, и карты продвижения, и присвоение классности, и премии всем по заслугам. Но у нас этого нет. Толкутся около одних и тех же. И премия им и почет им. Никто не спорит, работают они хорошо, но ведь с единицами плана не дашь. Вот и получается—передовики есть, а плана нет».

Действительно, «плана нет»: ни в 1976-м, ни в 1977 году Барнаульский меланжевый точно так же, как и его сосед—Барнаульский хлопчатобумажный, не выполнил плана. «Болеют наши барнаульские»,—признает начальник планово-экономического отдела Второго Росхлоппрома В. И. Косякова. Может быть, опыт системы внутрипрофессионального продвижения помог бы им «выздороветь»?

За опытом в Люберцы приезжали специалисты барнаульских комбинатов, по их просьбе высылались карты и методики. Но внедрять этот опыт в Барнауле не спешат.

Барнаул от Москвы далеко—три с половиной тысячи километров. А подхватили ли полезное дело ближайшей соседки МПКО—Обуховское ковровое объединение из той же «Моспромшерсти»?

Если верить бумагам в отделе труда, на Обуховском объединении действует около двадцати видов соревнования. Но когда начинаешь разговаривать с работницами—многие не могут ответить, в каком конкретно виде соревнования они участвуют, не знают, сколь-

канию, звонила в Люберцы, на МПКО, чтобы выяснить, в чем заключается система внутрипрофессионального продвижения. Стоит ли удивляться, что опыт внедряется плохо, если сами контролеры не в курсе дела?

А между тем в Люберцах наряду с системой внутрипрофессионального продвижения появился новый интересный опыт—планы конкретной эффективности. О том, в чем суть этих планов, наш второй вопрос И. С. Леошкевич.

— Передовому производству, конечно, труднее находить резервы: вот, скажем, на нашем комбинате производительность труда на 30 процентов выше среднеотраслевой. И все-таки резервы обязательно найдутся—при условии, что искать их будут все. Мы создали комплексные бригады, в которые вошли инженеры, техники, конструкторы, мастера, лучшие рабочие. Эти бригады по специально разработанной программе провели анализ состояния дел в нашем ковровом производстве, конкретно на каждом из 106 станков, у каждого из 212 ткачей. Решили: никаких средних показателей «в общем и целом»—они только затемняют картину, смазывают недостатки. Все станки одной конструкции, пряжа одинаковая. Почему же мы снимаем с них разное количество метров? У всех ткачей измерили время выполнения рабочих приемов—замены челнока, ликвидации обрыва и т. д., на всех станках подсчитали, как часто возникает необходимость в ремонте, сколько он длится, исследовали характер

Наш собеседник — Ирина Сергеевна Леошкевич, директор Московского производственного коврового объединения.

графике, который висит здесь же, на участке, против фамилии каждой ткачихи проставляются цифры: если она достигла максимального уровня — красным, если еще не достигла — синим карандашом. С каждым днем «синяков» в графиках все меньше.

Так создается для всех работниц возможность практического повторения опыта лучших, которую В. И. Ленин считал непременным условием соревнования.

— Мы намерены добиться наивысшей в отрасли производительности не только в среднем по комбинату — она уже достигнута, — но на каждом рабочем месте без исключения за три года. В результате сможем дать дополнительно 429 тысяч квадратных метров ковров в год или около двух миллионов рублей прибыли. Реализация плана началась, и в этом году мы выработаем дополнительно 108 тысяч метров ковров.

Новое начинание МПКО сулит большой народнохозяйственный эффект. Если бы побыстрее распространить этот опыт на других предприятиях...

— Я думаю, — заключает нашу беседу И. С. Леошкевич, — что в нашем, социалистическом, плановом хозяйстве внедрение передового опыта не должно быть делом необязательным: хотим — внедряем, хотим — нет. Наступила пора аналитического стиля руководства. Надо смотреть не только на процент выполнения плана пятилетки тем или иным предприятием, а принимать во внимание также напряженность плана, исходя из принципа: одинаковые производственные фонды должны давать одинаковую отдачу. При такой постановке дела внедрение опыта станет обязательным, а сам он будет расти и умножаться.

...Каждый раз, приезжая на Люберецкий комбинат, я останавливаюсь у большой витрины «На ковровых предприятиях страны». На этом стенде вывешиваются свежие вырезки из газет, заметки, в которых сообщаются новости с ковровых предприятий Узбекистана и Азербайджана, Латвии и Казахстана: «В Хорезме создали новый орнамент», «В Кировабаде рационализировали станок». И можно не сомневаться, что здесь, в Люберцах, каждая крупница лучшего опыта коллег будет взята на вооружение. Именно в этом — в умении заметить, выделить передовой опыт и на своем предприятии и на других и использовать его как народное достояние — и состоит секрет успехов МПКО. В этом его главный пример другим.

Беседу вела А. ЛЕВИНА.

ОСТОЯНИЕ

обрывности нитей основы. Вариантность, или, как мы говорим, «разброс» показателей оказался очень большой — до 30 процентов. Когда все эти данные проанализировали, стала ясна картина, почему на одном станке максимальные результаты, а на другом — минимальные. Поставив «диагноз» по каждому рабочему месту, мы нашли и методы «лечения»: так родился наш «План работы коллектива объединения по достижению наивысшей в отрасли эффективности производства и качества труда на основе внедрения комплексных планов на каждом рабочем месте, в бригаде, смене, цехе». В ходе разработки этого плана было внесено немало предложений по дальнейшей модернизации станков. Поэтому 56 процентов роста производительности труда мы получим за счет модернизации ковроткацких станков, увеличения их скорости. Остальное — за счет улучшения организации работы и роста мастерства.

— Как знакомятся с планом работницы объединения?

— Мы исходим из того, что планы должны быть осмыслены всеми участниками их выполнения. Экономическая учеба на комбинате перестроена. Те, кто разрабатывал план, проводят занятия с рабочими по его изучению. Для каждого рабочего вычерчены свои графики, на которых четко и ясно видно, в чем именно этот станок, эта ткачиха отстает от максимальных показателей.

Такая наглядность делает участниками экономического поиска всех.

...Заглянем на комбинат в час занятий. В красном уголке ткацкого цеха собрались ткачихи комплекта поммастера М. Бизина. Стрелочек кинопроектор. На экране крупным планом руки лучшей ткачихи комбината Марины Живоры. Съемка замедленная. И, подобно тому, как мы с вами видим на экране телевизоров при замедленном повторении замесловатый прыжок в три оборота какого-нибудь фигуриста, ткачихи следят, как Марина Живора меняет челнок. Теперь это не молниеносное движение (операция занимает у нее 3 секунды!), которое не ухватишь взглядом и, следовательно, не переймешь, а действие, расчлененное на отдельные элементы, которые можно разглядеть в подробностях и постараться повторить, чтобы и у тебя смена челнока занимала не 6, а если уж не 3, как у Живоры, то хотя бы 4,2 секунды — оптимальный показатель, принятый по цеху.

Конечно, сразу такой скачок совершить трудно. Поэтому для каждой, да, буквально для каждой работницы определены этапы продвижения, как бы ступеньки, поднимаясь по которым она сможет достичь вершины мастерства. Скажем, Пелагея Едалина за первый квартал должна научиться менять челнок за 5 секунд, пройдет еще три месяца — за 4,5 и так далее. К каждому комплекту прикреплен инструктор, который всем без исключения показывает рациональные приемы. Раз в месяц хронометражисты замеряют скорости, и в

цать!»... Мешает мне ужасно. Бедная девочка. Все уговаривает меня самовар купить. Желает мне самовар ставить. У них дома есть.

— У мамани? Это которая ее чуть на грузовике не угробила? Они что, из жуликов, что ли? Туняядцы какие-нибудь?

— Вроде бы нет, я их и не знаю. Даже Лиза молчит. Ничего не поймешь. Там жизнь у них какая-то... совсем особенная... Кого-то прописывают в поселке, чтоб дом сохранить для кого-то в городе, чтоб две квартиры достались, отчим—первоклассный закройщик, так он числится швеей, а сама скорнячка. Больше ничего я понять не могла... Да, еще дочек замуж выдает и разводит... Тьфу!

— А Лиза у меня молодец,—сказал доктор.—Не подумаешь, что из такого болота.

— От ненависти. Вырвалась и ненавидит... И Светка...

— Что Светка? Вот она я! Подаваю чай—не спуская глаз с чашек, дребезжавших на блюдцах, Светка внесла поднос и опасливо поставила на стол.—Что тут обо мне?

— Какие вы там стихи безобразные распевали у меня в больнице?

— Нам Катя всего Евгеньюгенина прочитала по книге и еще дальше «Пир во время чумы»...

— В одно ухо вскочило, в другое, небось, выскочило!

— Ну, невыносимый человек!—Светка вскинула голову, усталилась в одну точку и с лихорадочной быстротой затараторила: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог, но, боже мой, какая мука быть взрослым дочери отцом... отцом... Нет, это другое... но, боже мой, какая скука с больным сидеть и день, и ночь...» Да я еще много помню. Ага!.. Даже и не учила, а так... тетя Надя, а вы на телефон не опоздаете?

Надежда Андреевна виновато поморщилась в ответ на вопросительный знак, который, застыв в полном молчании, изобразил собою доктор.

— Да... Ребята вызвали меня на переговорный пункт в район. Успео, это к девяти часам.

— И вы ничего не знаете, что там?

— Ничего. Они чего-то там задержались. Вот и звонят.

— Так-с,—с угрюмым отращением констатировал доктор.—Прелестно-очаровательно... Тут секретов ведь нет?

— Какие секреты? Весь поселок в курсе дела. А Света—свой человек.

— Прелестно. Так они, может быть, привезут его с собой? Куда же вы его денете?

— Не знаю. Куда? В Катину комнату. Не в сарай же!

— Очаровательно-прелестно...—в озлоблении долбил доктор.—Вся жизнь вперекос!

— Значит, и вы присоединяетесь к общему мнению. Вот Светкина мама выразилась так: «Баба, она баба и есть. Рассуопилась. Сама шею под такой хомут подставляет».

— Я все-таки понять пытаюсь. Это что: жертва? Неужели ради детей? Нет, глупости.

— Да я не думаю, что они вот сейчас его сюда прямо и привезут. Это ведь крайний выход. Аварийный.

— Не-ет, прикатит! Отчего же? За милую душу! Вы же сами приглашение послали?

— А как бы вы, друг мой, посоветовали мне поступить?

— Я решительно ничего не могу посоветовать. Я заинтересованное лицо. Чтoб его духу тут не было! Вы собою можете жертвовать, воля ваша, а я вашей жизнью и счастьем жертвовать не могу и не желаю!

— Что это такое за штука—счастье? Это когда ты все получаешь, чего желал, все у тебя есть и больше ничего тебе на свете не надо? Да ведь это конец. Крышка. Хорошо, что такого на свете не бывает.

— Вот именно, что не бывает. Зачем же самой себе несчастье искать? Может, у вас последний спокойный, чистый день в жизни сегодня!.. И так безмятежно, спокойно!..

— Где там спокойно!.. Вы же знаете, просто это такая привычка негромко говорить. А тут вот кошки все равно скребут. Трушу ужасно. Скоро ехать. А что там окажется? И почему задерживаются? Катя школу... пропускает.

— Придумали себе манеру разговаривать, не повышая голоса, даже раздражаете иногда.

— Само так мало-помалу получилось. Может, это от коров? Я с коровами много работала. Попробуйте с ними! Начните на них орать, грубиянить, пугать—они вам сразу молока не дадут. Что ж, разве человек проще коровы устроен?... Конечно, волевым натиском, криком, нажимом можно человека взбудоражить, заставить короткое время бегом работать, даже сверх его силы...—Она, нервно подернув плечами, коротко засмеялась.—А нам тут нужно: каждый день и круглый год, и так из года в год... Нет, на взрывах далеко не уедешь, да и люди изнашиваются в шуме. Вот в городах все машины ревели, сигналили, гудели, казалось, без этого нельзя—людей передавят,—а в один прекрасный день все отменили, и оказывается, зря ревели. Без рева только лучше... А у нас... Вот не вырастет один год на всей земле

травка, и человечество вымрет... все вымрут—люди, львы, орлы и куропатки...

С улицы донесся двойной короткий сигнал машины.

— Вот подогнали машину. Пора ехать. Света, беги возьми у Анатолия ключ, скажи спасибо.

— Прелестно и очаровательно,—как всегда, зловеще, сквозь зубы процедил свою поговорку доктор, прислушиваясь к дробному стуку Светкиных каблучков по ступенькам.—Его привезут сюда... водворят, вот тут рассядется, чай пить из этой чашки, а вас же в уголок и затиснут. Да есть ли на свете справедливость?... Я-то уж к вам ходить, конечно, не буду. По субботам я лучше водку буду пить... Нет, я просто запылю.—Видно, эта мысль пришла ему в голову в эту самую минуту, и он с удовольствием повторил:—Запылю!

— Неправда,—медленно натягивая куртку, укоризненно сказала Надежда Андреевна.—На вас и непохоже.

— А вот запылю! Что особенного? Вам что за дело будет, если я начну глушить казенный спирт? Сначала трудно будет, но ничего, втянусь.

— Не верю я вам! А если бы вправду?... Не знаю. Это было бы для меня большое горе.

— Ладно,—грубо, отворачиваясь, сказал доктор.—Еще меня, дурака, вам тут не хватало. Ради вас я не буду пить. Не думайте об этом.

— Вы и так никогда не пили!

— Совершенно верно. Я просто не пил. А теперь я ради вас не буду пить. Ладно? Такое утешение мне останется.

— Я тоже поеду, пожалуйста, посмотрю, как вы будете с Катей говорить.—Не дожидаясь ответа, Светка с истерической поспешностью косо напялила вязаную шапку, шарф. Пальто она сунула под мышку, чтоб выскочить поскорей к машине.

— Я вас подвезу.

— Не желаю... Нет, поезжайте, куда едете, а я люблю подышать воздухом.

— В темноте?

— Да, на грязной дороге. Любимое занятие. Да черт со мной! Вы-то как? Волнуетесь?

— Тягостно. Все спутано как-то. Глупо. Волнуюсь. Ну, хоть до перекрестка я вас подвезу? Нет?

— Вы только поезжайте поосторожней.

В морозной черноте пустынных, притихших полей по узкой полоске дороги бежала старенькая «Волга», качивая снопами света. Под колесами сухо и ломко похрустывало.

Сидя рядом с Надеждой Андреевной, Светка сосредоточенно молчала.

Если б кто-нибудь увидел, что творится в ее кособокой, темной, замордованной душонке, очень он, наверно, удивился, столько напутано там было страха, волнения, обид, надежд и больше всего готовности. Готовности жестоко от одного толчка разuverиться в реальности того, что так поразительно не укладывалось в опыт всей ее прежней жизни. И готовности, от которой сердце заливало радостным страхом, как на взлете качелей,—окончательно поверить во что-то новое, чего она и называть бы не могла. В то, что было в этой удивительной, привлекательной Кате, во всем доме, где только что пили чай с «невыносимым человеком» и откуда выехали только затем, чтобы по доброй воле принять на себя всю тяжесть того, что скажет телефон на переговорной станции.

Они оставили машину у подъезда отделения связи. Зашли в очень прохладную, скучную комнату, где вдоль стены стояли скамейки и стулья и сидели ожидающие. Надежда Андреевна, нагнувшись к окошечку, спросила, сколько им придется ждать. Оказалось, что неизвестно.

Молчащее радио иногда вдруг оживало и невнятно галдело: «Кто заказывал?...» Все нервно приподнимались со своих мест—«Семипалатинск! Пройдите... кабину номер два». И тогда снова все разочарованно опускались на свои места, только кто-нибудь один поспешно бросался в кабину.

Они уже начали застывать в тоскливой полуспячке долгого ожидания, без движения, без мыслей, когда их вызвали наконец.

— Мама, как хорошо тебя слышно, как будто рядом! Мама, все благополучно!—торопливо кричала, прикрывая трубку рукой, Катя.—Очень хорошо, что мы приехали! Мама! Очень хорошо! Мы в музее были, пойдем в театр, ты не сердись, если мы еще чуточку задержимся, а, мама?

— Там все благополучно? Да?... Я очень рада. А тебе весело? Нравится?

— Мама, он тоже тут, я его вижу через стекло, он далеко от меня, но вот идет, кажется, сюда... Весело? Мама, ты не те слова говоришь, это не то, но нужно было, чтоб мы с Микешкой сюда... Ты, конечно, была права!

— В чем я была права?

— Ну, чтоб поехать!.. Ты не против? Еще дня три, может быть, мне тут достали два учебника, я прохожу... с ним вместе, он со мной вместе читает.

— Я рада, что вам весело, ну, не то слово... Но почему?..

— Вот он стоит рядом со мной, мама, я его впускаю в будку, он тебе хочет слово сказать... Нет не хочет, он боится, стоит, улыбается...

Светка обеими руками ухватила трубку, хрипло закричала:

— Катя, это ты?... Это я... Приезжай скорей, Катя,— совсем оглохнув от волнения, ничего сама не расслышала.

— Вот я ей сказала,— и поскорей сунула трубку обратно Надежде Андреевне.

— Время кончается, мама. Ты, по-моему, расстроилась? Только ничего не думай, ладно? Просто мы же люди. Тогда все в порядке. Да?

Мертвое, механическое шуршание.

Обе остались на разных концах провода, беспомощные, недоговорившие, растерянные. Связь оборвалась, а они, в разных городах, стояли, еще боясь выпустить из рук трубки.

На обратном пути, выехав на шоссе с последней освещенной улицы, Надежда Андреевна включила фары.

Первые минуты Светка возбужденно лопотала, все переспрашивала, слышала ли ее Катя, и вдруг разом заснула, привалившись плечом в уголок. Без нее думать стало легче.

Нехорошее чувство обиды, ревности, откуда оно? Что ни говори, она ревновала Катю. К отцу, к театру, ко всем... людям, там ведь была его какая-то жена, значит, они с ней разговаривали, смеялись, им весело там всем вместе. Она долго сосредоточенно рассматривала и взвешивала это чувство, боролась с ним и высмеивала его.

Только при съезде с шоссе на грунтовую дорогу, когда она очень осторожно делала плавный поворот, боясь, чтоб Светка не стукнулась во сне о боковую стенку, ее как-то вдруг отпустило.

— Пускай,— легко сказала она вслух.— Да, пускай!

Ей совсем хорошо сделалось, чисто и ясно.

Бедная Катя, один момент она ведь едва удержала слезы и очень бодрилась. Отчего так? А у него голос как изменился, хотя это, несомненно, был его голос. Принадлежащий ему голос, который с ним вместе прошел долгие, трудные и, наверное, горькие годы? Бедный голос: он как за милость меня благодарил, что я отпустила к нему детей.

Она остановила машину среди поля неподалеку от того места, где недавно, когда светила луна, неудачно пробовала разгадать непутевое письмо.

Погасив фары, она ступила на твердую, белевшую снежной крупой обочину.

В глубоком осеннем небе горели льдистые бесчисленные звезды. Подмерзшая земля, присыпанная снежком, сухим, как мелкий град, черные, пустынные поля в длинных белых полосах, наметенных ветром вдоль вспаханных борозд,— все было бесконечно знакомо. Полутемнота притихшей звездной ночи, острый и бодрый вкус воздуха, настоящего на первых легких морозцах надвигающейся зимы.

Даже привкуса горечи не было в знакомом чувстве малости и мимолетности своей жизни наедине с этими звездами. Она очень близко, ярко и как-то разом представила себе свою Катю, милого Микешу и то неопределенное чужое-родное, давно привычно наболевшее, что было «он», весь пестрый водоворот театра с ярусами раззолоченных выпуклых лож, хрустальную громаду люстры, свисающей с разрисованного потолка, живое, теплое дыхание переполненного зала, оцепеневшего во власти льющегося бессловесного чуда музыки, весь водоворот многоцветных прожекторов, мечущихся среди широкополых мушкетерских шляп с перьями, сверкающих клинков, матросских бескозырок, пудренных париков, серых шинелей и карнавальных Арлекинов, и с легким звоном ее окутало прозрачное облако удивительного, беспричинного счастья чужой радости. Как будто двигаясь откуда-то издалека, дошел и медленно, в протяжном пении медных труб, с литаврами и барабанами проходит праздничный оркестр вдоль улицы, и ты, улыбаясь, смотришь ему вслед.

Она и себя видела ясно, как стоит она в глубокой тишине и полутемноте, в мальчишковой своей курточке, в заломленной к затылку меховой шапке...

Уже не осень, зима подходит... Ну, что ж? Пускай!.. Она вскинула и протянула руки в ту сторону, где прошлый раз видела в небе луну.

— Дорогу гвардейцам гасконским! Мы дети одной стороны... Мы все под полуденным солнцем...— Слезы перехватили ей дыхание, она громко начала и повторила снова:— Мы дети одной...— И опять ей сжало горло, она мельком вспомнила, что все еще стоит на дороге и тянется к небу руками, и тихонько засмеялась, легко продолжая плакать.

Хочет! Я ему отдаю трубку...— донесся ее нетерпеливый голос.— Ну, что ты стоишь, кашляешь, говори, сам просил!

Петр Тихонович решительно откашлялся и бережно произнес в трубку.

— Надя?..

— Да,— тихо ответила она.

— Ты меня слышишь?... Пожалуйста, извини, скажи мне что-нибудь... Можно?

— Здравствуй... Катя говорит, что вы в театре были...

— Боже мой, у тебя голос остался совсем прежний.

— Я рада, что вам весело вместе.

— Ну-у, не знаю, я стараюсь немножко их развлекать, но я плохо умею... Денька еще три, ты позволишь? Ты не против?

— Пускай побудут.

— Совсем не изменился... Голос, как вчера... Что странно? Странно, ведь я, оказывается, так и ждал, я уверен был... что он не может измениться... Ты извини, что я это говорю... Я рад... Спасибо тебе, что ты не против.

Какие-то вихри шуршания промчались по долгим проводам: Катя отобрала трубку.

— Это я опять... Ой, время кончается, мама.— В глосе вдруг прорвались и тут же оборвались слезы.— Мама, это просто я очень по тебе соскучилась!

— Я тоже, детка, у меня и театров нет, одна Светка. Она тут со мной. Ну, Света, хочешь Кате что-нибудь сказать?

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР УСЛОВИЙ ТРУДА И БЫТА ЖЕНЩИН

„Спасибо, что подсказали“

Фельетон

Был у нас когда-то сосед — Савоськин, очень довольный собою человек. Довольство его происходило от «умения жить»: никогда он, по его мнению, зря не волновался и клетки свои нервные тратил только уж в самом крайнем случае. Скажем, безбилетником он ездил круглый год, надеясь на свой острый, пронизательный взгляд: войдет контролер — он его тут же «раскроет» и тогда уж — к кассе... Конечно, пристыдить могут — это он понимал, но на такой случай имел оправдание: мол, озабочен был, а водитель не подсказал.

Или в быту, например. Взялся он для себя лично по вечерам кухонную мебель мастерить — стук, гром допоздна на весь дом. Зайдешь к нему: «Степан Иванович, сколько же можно? Детям не заснуть!» А он сейчас же: «Хорошо, что подсказали, сейчас кончаю». На следующий день — опять. Другой сосед, потеряв всякое терпение, к нему идет, и он те же самые слова говорит — и так пока все шкафчики и табуретки не сработал. И даже вроде не поссорился ни с кем, не поконфликтовал...

На дачном участке своем менял Савоськин какие-то трубы, и весь ржавый металлолом вынес за калитку на дорогу. Обходят,

объезжают все эту гряду, сердятся, стучат ему в калитку. А Савоськин выглянет, посочувствует, пообещает убрать и еще поблагодарит за указание, так что невольно вырвется в конце даже у сердитого прохожего: «Ну, извините, что побеспокоил...» Но лишь когда комиссия нагрелась и прошел слух, что нерях, разбрасывающих по поселку хлам, штрафовать будут, убрал с дороги Савоськин металлолом, живо нашел, куда свезти...

Конечно, неудобны и нежеланны в быту соседи савоськины, со спокойной совестью нарушающие покой и порядок под видом «недопонимания»: «Извините, неувязочка вышла — исправим». Но совсем беда, когда такие савоськинские приемы оказываются чертой стиля иных деловых людей.

Иногда кажется неправдоподобной та быстрота, с которой берутся выкорчевать многолетние, закоренелые недостатки — как это следует из официальных ответов, полученных редакцией. «Неужели все это савоськинские отговорки, то бишь отписки?» — невольно подумаешь, прочитав такой многообещающий ответ.

Взяли на выборку один из таких ответов, полученных в ходе

Всесоюзного смотра условий труда, быта и отдыха женщин. «Ответчик» — Управление коммунального хозяйства г. Коломны. Письмо на официальном бланке полно заверений, что в прачечном цехе Коломенского комбината коммунальных предприятий, где, как жаловались работницы, «условия труда и быта просто никакие», все будет исправлено до 10 июня 1978 года.

Очень близко к этому праздничному дню приезжаем в Коломну. Готовимся порадоваться вместе с работницами новой вентиляции, новым тележкам, комнате отдыха и прочим обещанным благам. Но... радоваться, как выяснилось на месте, нечему. Ветром перемен не потянуло даже в форточку.

По-прежнему в стиральном отделении, где вентиляцию заменяют лишь окна с выбитыми стеклами, а канализация почти не работает, туман от пара стоит такой, что лондонцам и не снился, а глубина луж на полу наводит на мысль об ОСВоде. И обедать работницам по-прежнему негде. Столовая здесь совмещена... с раздевалкой и комнатой гигиены. Такое вот комплексное решение проблем. Автомат для газированной воды исчез бесследно. «Ладно, обойдемся без газирован-

ной, — вздыхают работницы. — Была бы простая...» Но и с ней в прачечной плохо: ни напиться — один кран над ванной, ни помыться — душ почти всегда неисправен.

Руководители прачечной сетуют, что 20 лет не было капитального ремонта, но ведь не сделано даже то, что, по их собственному признанию, можно исправить за день. Скажем, по-прежнему мокрое белье работницы вынуждены перевозить в металлическом ящике на колесиках, которые буксуют на многочисленных выбоинах пола.

— Сколько цемента и сколько времени нужно, чтобы заделать выбоины? — спрашиваем начальника комбината П. Д. Филиппова.

— Цемента немного — килограмма хватит, — раздумчиво прикидывает он. — А времени? Да часа полтора. Все руки не доходили.

Одна из работниц прачечной, Валентина Ковалева, рассказывая нам о неисправностях машин в цехе, грозящих травмами, как-то странно подпрыгивала на месте. Подумалось: нервничает, что ли? Оказалось, не только нервничает: над полом проходит неизолированная труба с паром, и работницы то и дело натыкаются на нее.

Добрые вести

РОЖДЕНО СМОТРОМ

«Каждому цеху — высокую культуру производства и образцовый порядок», — такой девиз родился в ходе общественного смотра условий труда, быта и отдыха женщин на криворожском заводе «Коммунист». В цехах реконструирована вентиляция, приведены в порядок санитарно-бытовые помещения: гардероб-

ные, душевые, комнаты гигиены женщин. Это одна сторона работы заводской комиссии по смотру. Другой круг ее забот — то, что ожидает работницу за пределами цеха: столовая, магазины, городской транспорт... Непосредственно на территории завода открыты столы заказов, организована торговля полуфабрикатами и продовольственными товарами. Начал курсировать специальный автобус, который развозит по домам рабочих с ночных смен. В микрорайоне, где живут заводчане, созданы приемные пункты службы быта.

П. КАЛЮЖНЫЙ

г. Кривой Рог,
Днепропетровская обл.

ДЕЛУ ВРЕМЯ — ОТДЫХУ ЧАС

Отдых работниц и их детей составляет особую заботу комиссии по смотру условий труда и быта женщин, которая успешно работает на нашем ордена «Знак Почета» Александровском комбинате искусственных кож.

В этом году принял новоселов пионерский лагерь «Тимуровец», раскинувшийся в живописном

хвойном лесу на берегу реки. В завершении строительства лагеря участвовал весь коллектив предприятия. Привели в порядок территорию, оборудовали спортивные площадки, высадили сотни кустов смородины, черноплодной рябины, а также яблоны, груши, цветы. Организовать такие субботники и воскресники помогали активисты смотра.

Недавно вступила в строй первая очередь черноморского санатория «Куяльник», который комбинат строил на долевых началах. Женщины по достоинству оценили лечебные грязи Куяльнического лимана, прекрасное медицинское обслуживание и комфорт санатория.

Отдохнуть и поправить здоровье работницы могут, и не вы-

«ВЕЛИЧИНА В РЕВОЛЮЦИОННОМ МИРЕ»

— Сколько нужно времени, чтобы изолировать эту трубу?— снова обращаемся к начальнику комбината.

— Один слесарь справится минут за двадцать,— вынужден признать он.— Сейчас же сделаем. Спасибо, что подсказали!

Знакомые савоськинские мотивы!

— Да приведем мы это хозяйство в порядок, займемся им вплотную,— пообещал и председатель Коломенского горисполкома А. С. Мартынов.— Город наш старый, всего сразу не обновить.

Но дело, видно, не в возрасте зданий, а в отношении к нуждам работниц. На днях в редакцию пришел еще один тревожный сигнал из той же Коломны. Из письма работниц канатной фабрики видно, что фабрика-то новая, а внимание к их нуждам такое же, как в злополучной прачечной.

После вмешательства редакции Московский обком профсоюза рабочих коммунально-бытовых предприятий вынес решение: «Закрыть прачечную впредь до создания нормальных условий труда». И что же? В прачечной полным ходом идет капремонт, устанавливаются новые центрифуги, устраивается вентиляция...

Быт и труд, как не зря сказано в пословице, вместе идут. Хорошо сформулировала эту мысль в своем письме в редакцию работница Западно-Сибирского металлургического завода Т. Логунова: «Я думаю, что и неработающая вентиляция, и ремонт туалета, растянувшийся на три года, и холод в раздевалке при душевых—это не мелочи. Они как палки в колесах на пути к выполнению наших больших планов...»

Вот эту «подсказку» принять бы руководящим савоськинским к сведению. Не для профформы— для пользы дела.

**Э. ВАСИЛЕЦ,
Р. САРИМОВ**

езжая на берег реки или к одесским лиманам. В пяти минутах ходьбы от комбината в тенистом парке находится заводской санаторий-профилакторий. В прошлом году здесь побывало 725 человек. В первую очередь сюда направляются люди, состоящие на диспансерном учете, рабочие, занятые на участках с вредными условиями труда, а также подростки и беременные женщины. В конце нынешнего года в профилакторий будут открыты ингалятории и водолечебница.

**А. АНДРИАНОВА,
сотрудник
многотиражной
газеты**

г. Александров,
Владимирская обл.

На доме № 33 по 10-й линии Васильевского острова в Ленинграде установлена мемориальная доска:

«Здесь с 1885 г. по 1918 г. помещались Высшие женские (Бестужевские) курсы, на которых учились: Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, О. И. Ульянова, К. Н. Самойлова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева и другие видные участницы революционного движения в России».

Петербургские высшие женские курсы, вошедшие в историю под названием «Бестужевские» (по имени их директора-учредителя, профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина), открылись 100 лет назад, 20 сентября 1878 года. 800 девушек стали их первыми слушательницами. Осуществилось то, чего в течение многих лет добивалась прогрессивная общественность России: женщинам дано было наконец право получать высшее образование. Многие замечательные представители отечественной науки, культуры, прогрессивная интеллигенция вели борьбу за это право, а впоследствии поддерживали курсы материально. Лекции читали видные ученые Д. И. Менделеев, А. П. Бородин, И. М. Сеченов. Было создано «Общество для доставления средств Высшим женским курсам», активными участниками которого были Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Ф. М. Достоевский, И. Е. Репин, С. В. Ковалевская, А. И. Куинджи, П. С. Стасова.

Реакционная печать изо всех сил порочила курсисток. Газета «Голос» предрекала: «Разочарованные, желчно и злобно смотрящие на общество и на семью, они будут не жить, а вянуть».

Но со всех концов России тянулись к курсам девушки, одержимые не только жаждой знаний, но и страстным желанием отдать их просвещению народа. Заканчивая курсы, многие выпускницы уезжали в деревни, в отдаленные районы России, учили детей и взрослых.

Царское правительство всячески препятствовало деятельности Бестужевских курсов. В 1886 году прием на курсы был прекращен. Закрыть их совсем правительство не решилось. В 1889 году прием возобновился, но условия поступления были крайне затруднены. Вместе с аттестатом зрелости теперь нужно было представить свидетельство полиции о «благонадежности», письменное согласие родителей, а также их обязательство содержать дочь в течение всего времени обучения.

Но никакие преграды не могли подавить стремления женщин к образованию.

Выдающимися деятельницами ленинской партии стали бестужевки Н. К. Крупская, К. Н. Самойлова, А. И. Ульянова-Елизарова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева. Слушательницы курсов внесли неоценимый вклад в развитие просвещения, науки и культуры нашей страны. Широко известны имена учено-математика, Героя Социалистического Труда академика П. Я. Кочиной, члена корреспондента Академии наук Узбекской ССР И. А. Райковой, доктора исторических наук Э. А. Корольчук.

...17 марта 1886 года министр внутренних дел направил министру просвещения извещение из доклада департамента полиции о Бестужевских курсах. «Без преувеличения можно сказать,— сообщалось там,— что за последние 5 лет не было ни одной более или менее крупной революционной организации, в которую не входили бы слушательницы Бестужевских курсов в значительном числе. Начиная с общества «Земля и воля» и кончая последними попытками организации и сплочения кружков в С.-Петербурге, бестужевки участвовали в каждом революционном предприятии...»

В канун 100-летия Бестужевских курсов ленинградка **Е. Р. Измestьева**, председатель Комитета бывших бестужевок, член комиссии Ленинградского университета по организации юбилея «100 лет первого женско-

го университета», прислала нам материал, рассказывающий о курсистках А. М. Мамаевой и А. К. Венедиктовой. Они были казнены царским правительством за участие в революционной борьбе. Сама Елена Робертовна по окончании курсов работала 20 лет в ленинградской коллегии адвокатов. После выхода на пенсию сотрудничала в Юридической общественной консультации ветеранов-юристов, член общества «Знание». В письме в «Работницу» она написала: «Каждое поколение в чем-то передает эстафету следующим за ним. Мне хотелось бы, чтобы современные женщины узнали о моих далеких подругах по Бестужевским курсам, которые пали в борьбе с самодержавием...»

Бестужевки А. К. Венедиктова и А. М. Мамаева выполняли задания Кронштадтской военно-революционной организации.

Газета «Рабочий Кронштадт» в 1966 году опубликовала статью «Случай в ВЧК». Автор ее М. И. Лебедев, служивший в 1905—1906 годах матросом в Кронштадте и приговоренный к 12 годам каторги за участие в Кронштадтском восстании, а после революции работавший председателем ЧК в Ярославле, вспоминает далекие дни в Кронштадте. «Старый крепостной вал за воротами цитадели и тут же поросший мелким кустарником крепостной ров, где на небольшой полянке сидят полтора десятка матросов и слушают, что говорит им молодая девушка, почти ребенок. Она говорит о том, почему матроса не считают за человека, почему живет плохо и как от этого избавиться... Нужно всем рабочим, крестьянам, матросам и солдатам объединиться...»

19 июля 1906 года, как продолжение революционных боев 1905 года, вспыхнуло восстание кронштадтских матросов и солдат. Большевики кронштадтской организации РСДРП сделали все возможное, чтобы придать ему организованный характер. Но эсеры вносили дезорганизацию в ряды восставших. В ночь с 19 на 20 июля восстание было подавлено. Самодержавие жестоко расправилось с его участниками. 1417 человек были осуждены: казнены, сосланы на каторгу, заключены в тюрьмы.

А. М. Мамаеву и А. К. Венедиктову кронштадтский военно-полевой суд приговорил к смертной казни. Анастасии Мамаевой было 19 лет, Анне Венедиктовой—21, она собиралась стать матерью.

Нелегальным путем из тюрьмы были доставлены бестужевкам письма обеих осужденных и прочитаны на экстренной общекурсовой сходке.

«Не хочется уходить,— писала Анастасия Мамаева,— слишком мало, я это чувствую, сделала я для жизни... Прощайте же, и если мне не пришлось, то вам желаю поскорее увидеть день победы, день освобождения народа от рабства... Теперь жду смерти, и я счастлива отдать свою жизнь за святое дело освобождения народа».

Анна Венедиктова написала всего несколько строк: *«Не знаю, долго ли вы будете помнить меня—ведь я такая маленькая величина в революционном мире... Товарищи, поддержите мою мать, моя последняя просьба,—не материально, а нравственно, ведь я у нее единственная цель жизни».*

Приговор был приведен в исполнение. Их казнили 14 октября 1906 года у стен шестого Кронштадтского форта.

Письму Венедиктовой курсистки исполнили. Ежегодно 20 октября—в день рождения Ани—ее матери посылали сердечную телеграмму. По постановлению сходки был введен небольшой налог на дорогие блюда в столовой, которую обслуживали сами курсистки,—собранные деньги также посылались матери Анны Венедиктовой. На доме, где родилась Венедиктова, и на здании средней школы № 1 г. Борисоглебска, Воронежской области, бывшей гимназии, где она училась, установлены памятные мемориальные доски.

ПОДРУЖКА

НА УЛЫБКУ ОТКЛИКНУТСЯ

«У нас в группе появился новенький, и на следующий день он вел себя, да и чувствовал, наверное, так, словно учился с нами по крайней мере лет пять. А я помню, как шла в первый день в училище, страдая, что встречу не свой школьный класс, а совершенно чужих ребят. Очень долго не могла привыкнуть, мне было одиноко. Вот и теперь со страхом думаю, что после окончания ГПТУ мне надо будет прийти в новый коллектив. Посоветуйте, как вести себя, как держаться, чтобы не чувствовать себя чужой.»

Галя Абрамова»

г. Томск.

Вопрос у Гали важный. Ведь всем нам приходится время от времени покидать свои привычные, родные группы и коллективы, переходить в новые. И хочется занять там достойное место.

Переход в новый коллектив, процесс приживания, привыкания среди незнакомых людей именуется в науке социально-психологической адаптацией. Понятие адаптации заимствовано из биологии. На уроках анатомии и физиологии вы знакомились с одним из проявлений адаптации. Изучали, как приспособляются органы чувств к новым раздражителям. Когда из ярко освещенной комнаты выходишь в темный коридор, то в первые мгновения ничего не видишь, но постепенно глаз начинает различать окружающие предметы — произошла адаптация. Вода, которая сначала казалась слишком холодной или горячей, через какое-то время уже приятна.

Так и в общении между людьми тоже существует период адаптации. Но здесь действуют совершенно иные, более сложные законы. Ведь когда мы, например, попадаем в темноту, то глаза перестраиваются автоматически. Никаких наших специальных усилий не требуется. А вот чтобы не чувствовать себя чужой, чтобы установить благоприятные контакты в новой среде, нужны порой и заботы и усилия.

Галя правильно заметила, и мы это знаем из собственного опыта — у разных людей адаптация происходит по-разному: у одних легко и просто, у других мучительно. Одни знают, какие усилия надо приложить, и способны это сделать. Другие же не знают — не задумывались об этом или просто не способны быстро налаживать отношения с окружающими. Различия эти связаны с индивидуально-психологическими особенностями человека, опытом общения. Так, люди сильной, уравновешенной нервной системы — сангвиники; живые, подвижные, быстро на все откликающиеся, легко устанавливают контакты с незнакомыми людьми и часто сами проявляют при этом инициативу. Юноши и девушки сангвинического темперамента прекрасно чувствуют себя в новой компании. Быстро привыкают к новой обстановке и холерики — это сильный, но неуравновешенный тип высшей нервной деятельности. Они быстро загораются, быстро увлекаются всем новым. Правда, холерики вспыльчивы, и это порой осложняет их общение с окружающими.

Совершенно иначе обстоят дела у людей с инертной и слабой нервной системой: у флегматиков — с замедленной реакцией, которых трудно раскочегарить, и меланхоли-

ков — грустных, задумчивых, порой мрачных. Каждое новое знакомство для них — проблема. Они никогда не вступают в разговор первыми, лучше всего чувствуют себя в узком привычном кругу.

Правда, редко к кому можно приложить определенный темперамент как точную мерку. У человека бывают разные полосы в жизни, разное настроение. Сангвинику случается впасть в меланхолию, а флегматику переживать радостное возбуждение. И бывает, что с незнакомыми прежде людьми он вдруг сходится мгновенно. Но если все-таки страшновато самому сделать первый шаг, не надо отталчиваться, когда другие пытаются завязать разговор, уклоняться от общих дел.

ресная информация иссякла, и окружающие разочарованы: «Он, оказывается, только пыль в глаза пускал»... Другой, чтобы сразу произвести впечатление, поднять свой престиж, начинает «случайно» проговариваться о каких-либо своих успехах, или, к примеру, о коллекции «потрясающих дисков», «к слову» сообщает о знаменитых знакомых — своих, а чаще родителей. Ход, как правило, безрезультатный. Но многих такая демонстрация оттолкнет. Распушенный павлиний хвост не работает. «Пижон», «хвастун» — справедливо скажут о таком человеке и отойдут.

Часто бывает и так: человек, пришедший в новый коллектив, упорно молчит. Молчит от неуверенности в себе: «Я не очень

Фото Э. БРАЙНИНА

Общая работа — общие радости.

Если при адаптации органов чувств ничего не меняется в окружающей среде: вода остается такой же холодной, только мы к ней привыкаем, то при социально-психологической адаптации как раз чаще всего меняется «климат». И его «потепление» зависит от нас, наших слов, поступков, нашей улыбки...

Бывает, что человека в общем-то неплохого новый коллектив встречает в штыки, и он сам в этом виноват, совершил много промахов, ошибок. Никогда, например, не стоит, попав в новую обстановку, сразу все критиковать — ведь ты еще не пригляделся как следует, не разобрался в сложившихся традициях, привычках. Отталкивающее впечатление всегда производит поучающий тон, хвастовство.

Один в новом коллективе сразу старается выложить все, что знает, чтобы вызвать интерес к себе. Привлечь внимание ему, как правило, удается, но ненадолго. Инте-

интересный, мало знаю» — молчит от боязни, что его не поймут. Такие сомнения нужно гнать от себя, настроиться на доброжелательность: «Я встречу сейчас с хорошими людьми. У них нет оснований относиться ко мне плохо. И я непременно найду среди них друзей». Трудно приходиться в коллектив уже сложившийся, где все давно друг друга знают. Тут новичок невольно оказывается в центре внимания и должен тщательно взвешивать каждое слово, каждый шаг.

А если тебе предстоит встреча с группой, где все пока друг с другом незнакомы, помни: здесь каждый волнуется так же, как ты, каждый ищет контактов, мечтает обрести друзей и будет благодарен тебе за любой знак внимания. Так протяни первую руку, улыбнись, и ты увидишь, что на твою улыбку откликнутся.

Я. КОЛОМИНСКИЙ,
кандидат психологических наук

Я, МЫ, ОНИ

Дорогая «Подружка»!

Мне шестнадцать лет. Уже второй год живу самостоятельно, без родителей. Учусь на втором курсе техникума. С учебой все в порядке, и девочки в общежитии прекрасные, только вот моя внешность доставляет мне в последнее время огорчения. Лицо стало каким-то серым, кожа жирная, появились угри. А еще я почему-то толстею, хотя занимаюсь спортом и не очень много ем. Утром мы обычно не завтракаем, не успеваем. На перемене покупаем в буфете пирожки или булочки. После занятий часто бежим компанией в кино и вместо обеда съедаем какой-нибудь бутерброд на ходу. Потом идем в читальный зал. А уже поздно вечером пьем чай в общежитии, купив по дороге хлеб, сыр или пирожные.

Ты часто даешь полезные советы. Надеюсь, что и мне поможешь. Расскажешь о какой-нибудь специальной диете и кремах для лица.

Лена.

Дорогая Лена! На твое письмо отвечает кандидат медицинских наук Т. А. ЯППО.

Тебя огорчает твое лицо: серая кожа, угри. Трудно дать совет заочно. Побывай у врача-косметолога или дерматолога. Но учти, там тебя обязательно спросят: «Как ты себя чувствуешь, как питаешься?» Имеет ли это отношение к твоим огорчениям? Имеет. И самое прямое.

Тебе кажется странным — давно не ешь мамино сытного обеда, супа, второго, довольствуешься буфетными булочками, а толстеешь. Но этого как раз и следовало ожидать. И говорить нужно не о какой-то специальной диете, которая помогает человеку похудеть, а о правильном, рациональном питании.

Ты с гордостью сообщаем, что уже второй год живешь самостоятельно. Самостоятельность — это прежде всего ответственность. За себя, свои поступки. С учебой у тебя все в порядке — молодец! Но и о здоровье забывать не надо.

В нашем организме постоянно идут сложные, таинственные процессы обмена веществ. От них зависит наше самочувствие, наша жизнь. Стоит им чуть нарушиться, и организму труднее сопротивляться заболеваниям. Толчком к такому нарушению часто служит неправильное питание. Так что пирожки и булочки, да еще не вовремя, на ходу съеденные, отнюдь не безобидны.

Почему? Давай разберемся. Ты учишься, занимаешься спортом, много двигаешься — на все нужна энергия. А единственный ее источник — пища, вернее, вещества, содержащиеся в ней, — белки, жиры, углеводы. В организме они окисляются, «сгорают», выделяя энергию. Например, один грамм углеводов, «сгорая», дает организму 4,1 килокалории, а один грамм жиров — 9,3. Девушке в 14—17 лет нужно ежедневно свыше трех тысяч килокалорий.

Хотя ты и чувствуешь себя вполне взрослым человеком, но еще продолжаешь расти, и пища должна обеспечивать развитие многих тканей, органов. И дело не только в калорийности еды. Важен ее правильный состав. В первую очередь организму, особенно растущему, необходим белок. Значит, никак не обойтись без молока, творога, рыбы, мяса, яиц. Очень полезные растительные белки содержатся в горохе, гречневой, рисовой крупах, картофеле и капусте. А всего этого, судя по письму, ты почти не ешь. При недостатке белка замедляется рост, нарушается деятельность желез внутренней секреции, снижается работоспособность, может развиваться малокровие. Могу

Рисунок А. САЛЬНИКОВА.

Бутерброд на ходу

предположить, что эти сведения на тебя впечатления не произведут: в молодости человека недугами не испугаешь. Ну, а внешность? Она-то тебя волнует. Недостаток белка вызывает вялость мышц — нарушается осанка. Страдает и кожа — становится дряблой, теряет упругость. А волосы истончаются, тускнеют, редеют, выпадают.

Ты, конечно, знаешь, как необходимы человеку витамины. Но некоторые из них — А, D, E, К — организм усваивает только вместе с жирами. Жиров ты употребляешь достаточно — пирожные с жирным кремом, пирожки, но вот вкус подсолнечного масла, наверно, забыла. А растительные жиры так же необходимы, как и животные. Они нормализуют жировой обмен, с их помощью кожа делается гладкой, нежной, бархатистой.

Основные поставщики калорий — углеводы. Они содержатся в овощах, хлебе, крупах, мучных и макаронных изделиях. В сахаре, меде углеводы представлены так называемыми простыми сахарами — глюкозой, фруктозой. У них есть удивительное свойство: быстро усваиваются организмом, почти мгновенно снабжают его энергией. Может быть, и тебе, Лена, во время экзаменов, когда силы уже на исходе, а нужно посидеть еще 2—3 часа над книгой, приходилось восстанавливать трудоспособность с помощью нескольких кусков сахара. Конечно, изредка можно себе это позволить, но есть много и часто сладости — пирожные, конфеты — не стоит. Злоупотребление сладким может привести к заболеванию сахарным диабетом, к нарушению жирового обмена.

А вот овощи, фрукты, ягоды ограничивать в рационе не надо. Кроме углеводов, в них много полезной для человека клетчатки, витаминов и минеральных солей.

Очень плохо, что вы привыкли устраивать у себя в комнате поздние ужины. Может, как раз они и сказались на твоей фигуре. Ночью, когда человек спит, все процессы в организме — в том числе и усвоение пищи — замедлены. Жиры полностью не «сгорают» — вот и появляются лишние граммы, килограммы.

Значит, важно не только то, что есть, но и когда. При беспорядочной еде недолго дойти до язвенной болезни желудка. Питаться необходимо и разнообразно и вовремя.

Может быть, тебе, Лена, кажется, что я говорю о вещах нереальных? Нет, я все учла. И небогатый студенческий карман и нехватку свободного времени. Но поверь, все можно успеть, если не относиться к кухне, готовке как к ненужной и скучной возне. Некоторые девушки рассуждают так: лучше не есть, чем готовить. А ведь совсем несложно соорудить незатейливый завтрак, нужно только встать на десять минут пораньше. А если в общежитии дружная компания и вы живете коммуной, то каждая из вас будет делать это по очереди. Проснулась — сразу ставь на плиту чайник, кастрюльку с водой. Пока умываешься — вода закипит, можно уже опускать в нее яйца. Яйца, естественно, каждый день есть не будешь, но не так долго варится манная или геркулесовая каша.

Неплохо держать на кухне небольшой запас овощей — морковь, свеклу, картошку. Если он есть — значит, обеспечен ужин.

С собой на занятия хорошо брать яблоко. Это полезнее, чем булочка, ну, а если ты побежала на перемене в буфет — съешь лучше овощную закуску с кусочком хлеба, выпей стакан чая.

Обедать советую в столовой. Если не удалось, не успела, то постарайся выпить стакан молока или кефира, не приучайся к сухоятке.

Как врач и как хозяйка хочу дать еще совет.

Никогда не ешь на столе, заваленном книгами, тетрадами, косметикой, не раскладывая хлеб и сыр на обрывках бумаги. Это некрасиво, да и пища усваивается хуже. Когда же мы садимся за чистый, красиво накрытый стол, перед тарелкой с едой, которая украшена и зелеными листьями и ломтиками красного помидора, то, говоря медицинским языком, кора головного мозга в ответ на запах, вид пищи подает сигнал к выделению желудочного сока. Аппетит разгорается!

■ Опускать яйца в кастрюлю с кипящей водой нужно ложкой—так они не разобьются, а если воду предварительно посолить, то скорлупка не лопнет. В тот момент, как вода снова закипит, засеки время. Прошло три минуты—готовы яйца всмятку, четыре—в мешочек, десять—вкрутую.

В яйцо всмятку можно добавить зеленый лук или петрушку. Остатками нарубленной зелени хорошо посыпать хлеб с маслом.

■ Простую глазунью ты, конечно, делать умеешь. А глазунью для гурманов?

Растопи на сковороде чайную ложку масла или маргарина, добавь туда же столовую ложку сметаны. Когда сметана закипит, вбей в нее два яйца, посоли, посыпь тертым сыром и жди, пока белок побелеет. Есть такую яичницу лучше со сковородки.

■ На завтрак можно делать гренки. Ломтики черствой булки обмакивают в подслащенное молоко, а затем во взбитое яйцо. Жарят их с двух сторон. Готовые гренки посыпают сахарным песком или намазывают джемом, вареньем.

■ Если ты не успела пообедать в столовой, то можно быстро приготовить дома уху из рыбных консервов (в собственном соку или томате). Сначала свари картофель; когда он будет готов—выложи в кастрюлю содержимое консервной банки, добавь лавровый лист, две-три горошины перца, петрушку или укроп (если они есть), посоли по вкусу. Теперь супу достаточно лишь закипеть.

■ Ну, а если вы с соседками по комнате решили сделать настоящий воскресный обед из трех блюд—это тоже несложно. На закуску можно приготовить витаминный салат. Готовить салаты очень интересно: фантазией, сколько хочешь.

Потерла морковь на крупной терке, посыпала сахаром—одно блюдо. Добавила тертое яблоко (желательно антоновку)—уже другое. Заправила все это сметаной—третье. Вкуснейший салат получается из тертой моркови, тертой свеклы (все сырое), тертого яблока, дольки чеснока и нескольких ложек майонеза.

А вот еще интересное сочетание: мелконарубленная луковица, яблоко, порезанное чуть крупнее, размятое вилкой яйцо, соль по вкусу, несколько ложек сметаны.

Кстати, все эти салаты хороши не только на закуску, но и на ужин.

■ Итак, закуска готова, готов суп, а что придумать на второе?

Ты умеешь варить вермишель? Запомни несколько правил. Варить нужно в большом количестве воды: один литр на сто граммов вермишели. Клади ее в кипящую подсоленную воду. Через несколько минут начинай проверять готовность. Готово—сливай в дуршлаг, промывай водой.

Когда вода стечет, выкладывая вермишель на сковородку с растопленным жиром и подогревай минут пять. А вот теперь ее пора заправить. Здесь тоже можно фантазировать.

Вкусна вермишель, смешанная с творогом.

Многим нравится вермишель, заправленная жареным луком: чем больше лука, тем вкусней.

Еще на сковородке добавь в вермишель ложку томатной пасты, как следует перемешай, подогрей, а на тарелке посыпь тертым сыром. Это вермишель по-итальянски. Кстати, вермишель, посыпанная сыром, вкусна и без томата. Можно отварить вермишель как гарнир к мясу, жареной колбасе, сосискам.

Ты, конечно, понимаешь, что вермишель взята для примера. Все эти блюда можно приготовить из лапши, из макарон.

■ Не забывай о молоке и твороге.

Творог, растертый со сметаной или молоком, посыпают сахаром или солью, что не менее вкусно. Такой творог намазывают и на гренки.

А ты никогда не ела творог с мелконарубленной зеленью—зеленым луком, петрушкой, укропом? Можно добавить в него и редиску. Зимой растертый со сметаной творог заправляют репчатым луком.

Вкусен творог с джемом или вареньем, с сырым желтком, который предварительно растирают с двумя ложками сахара.

Дорогая редакция! Если бы ты знала, как тяжело у меня на душе!

Мне 20 лет, работаю в парикмахерской, собираюсь учиться на парикмахера-модельера. Мне очень нравится моя профессия. Знаешь, это настоящее счастье, когда благодаря твоему мастерству, умению от тебя уходит совсем другая женщина, помолодевшая, похорошевшая.

Любимая работа у меня есть, цель в жизни тоже есть, а близкого человека и подруг нет.

Был парень, мы любили друг друга. Но вот два года назад мой Володя попал в аварию, перенес тяжелую операцию, из больницы вышел на костылях. Всеми силами я старалась его поддержать, ободрить. Помогала подготовиться в институт. На каждый экзамен мы ездили вместе. Я была для него всем—и другом и нянькой. А что получила взамен? Володя вдруг заявил мне: «Я полюбил другую девушку. Она не занимается олекуномством и не пает меня, как это делаешь ты...» Вот чем отплатил он за мою верность, за мою любовь!

Точно так же вели себя и мои подруги. Когда им было плохо, они бежали ко мне за помощью и поддержкой. Охотно принимали и мое внимание и заботу, но ничего не отдавали взамен. И я порвала с ними все отношения. Противно смотреть, как они теперь крутятся вокруг меня, заглядывают в глаза...

Мама называет меня эгоисткой. Но, я думаю, она не права. Не хочу быть, простите за грубость, «дойной коровой». И все-таки мне очень тяжело одной. Что теперь делать, не знаю.

Кира М.

г. Ульяновск.

Читаю, Кира, ваше письмо, а думаю о другой женщине, назовем ее Татьяной Р.; которая написала к нам в редакцию года три назад. «Я не прошу у вас ни совета, ни помощи. Со своей болью я должна справиться сама. Пишу потому, что нет у меня в этом поселке, куда мы с сыном недавно переехали, ни родных, ни подруг. А так хочется с кем-нибудь поделиться!»

Эта женщина, Кира, почти вдвое старше вас. И потеряла она не только близкого человека—потеряла еще отца своего ребенка. При чем рассталась она с мужем по собственной инициативе. «Я не вино своего мужа,—пишет Татьяна Р.—Как честный человек, он просто не мог притворяться, но по доброте не решался уйти из семьи. И когда я поняла, что он больше не любит меня, я уехала. Не хочу, чтобы его привязывало ко мне только чувство долга».

Читая ее письмо, я невольно спрашивала себя: смогла бы я поступить так, как эта женщина? В такой ситуации требуется решительность, истинное достоинство, чтобы не встать в позу обличителя: «разлюбил—значит, предал», а постараться понять другого человека.

Знаете, не каждый мужчина может простить женщине, что она была свидетелем его слабости. Быть может, Володя и полюбил ту девушку именно потому, что в ее глазах был сильным человеком, на которого можно опереться.

Сложная штука чувства человеческие... И уж если так случилось, что вашу любовь разделить не могут, лучше расстаться. Никакая благодарность ее не заменит.

Подумайте, Кира, а были бы вы счастливы с Володей, останься он с вами только из благодарности? И хорошо ли жилось бы вашим будущим детям в семье, не сцементированной ни искренним чувством, ни настоящим теплом? Наверное, нет.

Соратник Дзержинского Артузов часто говорил своим товарищам по работе: «Плохо тебе? Зови на помощь прежде всего себя!» Действительно, в жизни бывают такие ситуации, когда человеку никто не может помочь, кроме него самого.

Вы, наверное, заметили, Кира, ни один злой,

недоброжелательный человек не бывает настоящим счастливым. Я говорю не о внешнем благополучии, а о состоянии души. Такой человек вечно ноет, жалуется. Ему постоянно кажется, что кому-то больше повезло в жизни, а его обидели, обделили. Доброму легче. У него не только свои радости, но и чужие, жизнь богаче, полноценнее.

Послушайте, что написала нам Татьяна Р. спустя год после первого письма: «Работаю я сейчас в райотделе социального обеспечения. Нередко приходится сталкиваться с людскими бедами. Стараюсь помочь, чем могу. Недавно устроила на работу инвалида—у нас в поселке это непросто. Помогла одной старушке—матери погибшего воина собрать нужные справки. Сколько было радости, когда ей пенсию оформили! Если б не моя новая работа, я, наверное, не выдержала бы, сломалась, а теперь силы откуда-то берутся, просто удивительно. И горести мои потускнели, в сторону отошли»...

Не кажется ли вам, Кира, что напрасно вы ушли от своих подруг, стали сторониться людей? «Ничего не отдавали взамен»... Да если вы облегчили чью-то душевную боль, дали добрый совет, осушили слезы—разве просящие лица подруг для вас не награда? Когда человек протягивает руку другому, он обретает точку опоры, которая помогает и ему самому преодолеть трудности, справиться со своей болью.

Вот вы с иронией пишете о подругах: «Теперь они крутятся вокруг, заглядывают в глаза...» Значит, вы им дороги, им вас не хватает—разве это не имеет цены?

Истинная доброта—огромный источник радости, высшая награда и счастье для человека. Вспомните, Кира, какой вы были сильной, когда помогали любимому выстоять, когда он окреп, пошел учиться? Его радость, его победа были и вашей радостью и вашей победой тоже. Не каждому человеку выпадают такие минуты, когда он словно обретает крылья.

Почему же теперь вы не выдержали, готовы изменить себе, своей доброй, отзывчивой натуре? Неужели вы хотите попытаться жить по формуле «я—тебе, ты—мне»?

Нет, не принесет подобная торгашеская философия удовлетворения! Нельзя без конца взвешивать, сколько отдал и что получил, боясь проделывать. Истинная доброта бескорыстна. Если человек утратил способность делать что-то хорошее для других, не рассчитывая на «возмещение убытков», если участие, забота ему в тягость—это уже не доброта. И я думаю, ваша мама не так уж и ошибается, беспокоясь, что вы становитесь эгоисткой.

Наверное, не только у вас, а и у каждого человека бывают минуты, когда кажется, что его не ценят, не понимают, не отдают должное. Разве можно поддаваться такому настроению! Ведь если подумать, у скольких людей каждый из нас в долгу!

Добро ходит по кругу. Каждый день, читая огромную почту «Работницы», я не перестаю удивляться, сколько разных, очень занятых людей откладывают свои дела, чтобы откликнуться на чье-нибудь опубликованное в журнале письмо, делясь опытом, предлагают помощь, советуют, просто утешают. Уверена, и вам многие напишут. И разве они потребуют вознаграждения за то, что не жалеют своего времени, своих душевных сил?

Всем нам, наверное, нужно жить так, чтобы своими поступками увеличивать сумму доброты в окружающем мире. Тогда на всех хватит тепла, заботы, внимания.

Вероника КОНОНЕНКО

ТОЧКА ОПОРЫ

...Внешне нынешний конкурс ничем не отличался от пяти предыдущих. Так же люди часами простаивали у касс Консерватории и Концертного зала. Так же горячо спорили о достоинствах и недостатках исполнителей, так же страстно обменивались впечатлениями. Старых и молодых, музыкантов-профессионалов и просто любителей, москвичей и гостей столицы—всех нас объединял в эти летние дни интерес к конкурсу имени Чайковского.

В этом году московскому соревнованию исполнилось двадцать лет. Триумф Первого московского конкурса, проходившего в 1958 году и открывшего миру Вана Клиберна и других знамени-

представлены на международных музыкальных соревнованиях.

...Этой смуглой, тоненькой, миловидной девушке журналисты и фотокорреспонденты не давали прохода: каждый хотел получить интервью или сделать снимок, на котором молодая музыкантша была бы запечатлена на фоне Большого зала Консерватории или памятника Чайковскому. Объяснялось это не только личным обаянием Мирей Ракутумалала, как звали эту пианистку, но и тем, что Мадагаскар, который она представляла, впервые принимал участие в конкурсе. Когда советские репортеры обратились к Мирей по-английски или по-французски, девушка, улыба-

ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

тых ныне музыкантов, сразу же выдвинул конкурс Чайковского в ряд авторитетнейших международных соревнований. За двадцатилетнюю историю конкурса за «судейским» столом сидели многие выдающиеся музыканты. Каждый конкурс превращался в ответственный экзамен, который исполнительская молодежь держала перед корифеями современной музыки.

Об интересе исполнителей разных стран к конкурсу имени П. И. Чайковского свидетельствует и рост от конкурса к конкурсу числа его участников. В 1958 году в Москву съехалось около шестидесяти музыкантов из 22 стран (в ту пору соревнование проводилось лишь по двум специальностям—фортепиано и скрипка), а в нынешнем было уже свыше двухсот исполнителей—пианистов, скрипачей, виолончелистов и певцов, представителей 34 государств.

Шестой конкурс еще раз подтвердил высокий уровень наиболее сильных исполнительских школ—советской и американской. Достаточно сказать, что все первые премии конкурса завоевали представители СССР и США. «Золотыми» лауреатами стали советские музыканты Людмила Шемчук (сольное пение), Михаил Плетнев (фортепиано), Илья Груберт (скрипка), а также американские исполнители—скрипач Элмар Оливейра (он разделил первое место с Ильей Грубертом) и виолончелист Натаниел Розен.

В то же время конкурс показал бурное развитие исполнительского искусства в тех странах, которые прежде вообще не были

ясь, отвечала: «Говорите на русском языке—я все понимаю». Мирей уже несколько лет учится в Киевской консерватории в классе профессора Татьяны Кравченко. Надо сказать, что среди зарубежных музыкантов, выступавших на московском конкурсе, не одна Мирей оказалась ученицей советских педагогов.

Самым «горячим» было соревнование пианистов. Многих зарубежных гостей, впервые приехавших на конкурс, поражало, что уже на первом туре не было ни одного свободного места в зале. Для самих же москвичей в этом не было ничего удивительного: они знают, что открытие таланта происходит не в момент получения награды, а именно в те минуты, когда исполнитель впервые появляется на эстраде. Говорят, о вкусах не спорят. На конкурсе эта поговорка опровергалась едва ли не ежеминутно. Сколько, например, споров вызвали выступления лидеров фортепианного состязания!

Много поклонников (и, разумеется, поклонниц!) было у французского пианиста Паскаля Девуайона. Его яркий артистизм, тонкое чувство меры, стиля, филигранность отделки деталей и умение заворочить слушателей позволяли видеть в нем претендента на высшую награду. С ними спорили те, чьим кумиром был канадец Андре Лаплант—музыкант редкой поэтичности и проникновенности. Немало приверженцев было и у английских музыкантов Теренса Джадда и Кристиана Блэкшоу. Однако, когда стало известно, что первую премию получил советский пианист Михаил Плетнев, никого это не

Людмила Шемчук стала победительницей конкурса вокалистов.
Фото А. РУБАШКИНА.

удивило: его феноменальное дарование, мастерство исполнения, сплавленные с безусловной самобытностью мышления, сделали Михаила Плетнева достойным самой высокой награды.

Интересно складывалось и соревнование вокалистов. Здесь на этот раз отличились женщины. Из двенадцати высших наград конкурса вокалистов семь завоевали певицы. А единственную Золотую медаль получила солистка Большого театра Людмила Шемчук.

Вокальный конкурс обнаружил и еще одну особенность нынешнего соревнования: необычайно возросший уровень исполнительского мастерства представителей социалистических стран. Кроме советских певцов—Людмилы Нам, Валентина Пивоварова, Юрия Статника и Петра Скусниченко, лауреатами стали румынка Марианна Чиромила, польская певица Эва Подлесь, венгерка Каталин Питти, представитель ГДР Штефан Шпивок, а также болгарская артистка Нелли Божкова.

Жаркие «страсти» с самого начала разгорелись и на конкурсе скрипачей.

Когда в Большом зале Консерватории началась жеребьевка и к столу, на котором были разложены карточки с номерами, пригласили «самую смелую, самую красивую и самую юную» участницу, на сцену поднялась американка Керри Мак-Дермотт. Ей достался первый номер! Правда, Керри не удалось добиться высокого результата. Но 16-летняя девушка, приехавшая в Москву с двумя сестрами (14-летней пианисткой, аккомпанировавшей Керри, и 18-

летней виолончелисткой, на правах «старшей» сопровождавшей девочек), не очень огорчилась. «Конкурс Чайковского,—сказала Керри перед отъездом на родину,—это для меня огромная школа». Вероятно, именно такой же школой оказался для корейского скрипача Ким Сон Хо прошлый, Пятый конкурс Чайковского, на котором он присутствовал как слушатель. Зато сейчас, спустя четыре года, корейский музыкант, сверкнув своим замечательным дарованием, получил звание лауреата.

...Победителем конкурса виолончелистов стал Натаниел Розен из США. Впрочем, победа далась ему совсем нелегко. Ведь среди претендентов на золотую награду были такие талантливые музыканты, как японка Мари Фудзивара и чех Даниэль Вейс, получившие серебряные награды, а также двое еще совсем юных советских музыкантов—Александр Князев и Александр Рудин, удостоенные бронзовых медалей.

Много разнообразных впечатлений увезли участники конкурса, члены жюри и почетные гости из Москвы.

Не забудут они поездку в Клин—в Дом-музей Петра Ильича Чайковского, посещение павильона «Космос» на ВДНХ, где их гидом был космонавт В. Джанибеков, прогулки по Москве, знакомства со столичными театрами и многое, многое другое. А главное—запомнят саму атмосферу московского конкурса—истинно творческую, дружественную, праздничную...

М. СЕРЕБРОВСКИЙ

Дом, в котором я родился и рос, и теперь стоит на берегу Москвы-реки, окнами на Кремлевскую набережную и Лебяжий переулочек. Я помню старое Замоскворечье, Болотный рынок, купеческие особняки в тишайших переулках. Помню особый, московский, еще не разбавленный говорок...
Мой отец, юрист по профессии, был всесторонне образованным челове-

ком: знал математику, медицину, классические языки, философию, историю. Мать старалась научить меня чувствовать поэзию. В школе, где я учился, преподавал выдающийся педагог Владимир Владимирович Литвинов. Ученейший литератор и поэт. Многим своим ученикам он внушил пожизненную любовь к литературе.

Я ушел на войну из школы в 1941 году. Мне было 17 лет.

Война потрясла меня до глубины души. Вмерзший в лед блокированный Ленинград. Окопы на Пулковских высотах. Рубежи под Синявином, в болотах, где нельзя рыть землянки, потому что под снегом незамерзающая вода... Было тяжело, но ощущение духовного подъема всего народа придавало силы, чтобы жить и бороться.

Моя первая книга «Дорога далека» вышла в 1947 году, а вслед за ней целый ряд книг, из которых наиболее осмысленными мне представляются «Ветровое стекло», «Стихотворения», «Прощание со снегом», «Подкова», «Лебяжий переулочек»...

Более 30 лет назад судьба забросила меня в Грузию. Там я нашел новых друзей, полюбил грузинскую поэзию. С тех пор перевожу грузинских поэтов.

В 1960 году я познакомился с прекрасным литовским поэтом Юстином Марцинкявичюсом и перевел две его поэмы — «Кровь и пепел», «Стена».

Переводить стоит лишь с полной

самоотдачей, которая обязательно должна быть равна усилиям, затраченным на сочинение собственных стихов.

Свои стихи писал... Но что же это означает — писать собственные стихи? И можно ли верить в непрерывность поэтического творчества? Поэзия — судьба. Она приходит, и покидает, и снова приходит. Время создания того или иного стихотворения должно быть ощутимо без даты. Вероятно, писать надо не часто, дожидаться самонаписания. Иногда по два-три года «без строчки»...

Многие из нас строили, воевали, чуть не всю землю обошли. Здесь эпоха никого не обделила. Однако в поэзии одной лишь правдой жизни не обойдешься. Нужна правда языка. Удалось ли в каких-то строках возвыситься до нее правды жизни, — об этом судит время в образе читателя.

Александр МЕЖИРОВ

Учитель

Как быстро и грозно вертится Земля
И школьные старятся учителя!
Нет силы смотреть, как стареют они
За мирные дни, за военные дни.
Вернешься с войны, мимо школы

пройдешь,—

Как прежде, шумит у дверей молодежь.
А школьный учитель—он так постарел!—
В глубоких морщинах и волосом бел.
Ссутулились плечи, пиджак мешковат,
И смотрит, как будто бы в чем виноват.
Как быстро и грозно вертится Земля
И школьные старятся учителя!

Арбат—одна из самых узких улиц...
Не разминуться на тебе, Арбат!..
Но мы каким-то чудом разминутись
Тому почти что двадцать лет назад.

Быть может, был туман... А может, выюга...
Да что там... Время не воротишь вспять...
Прошли—и не заметили друг друга.
И нечего об этом вспоминать.

Не вспоминай, а думай о расплате—
Бедой кормись, отчаяньем дыши
За то, что разминутись на Арбате
Две друг для друга созданных души.

Мне комнаты в привычку обживать,
Но не могу никак обжить вот эту,—
Скольжу по навощенному паркету
И падаю на смятую кровать.

Не то, чтобы сомненье одолело,
Не то, чтобы мерещились враги,
А не могу обжить—такое дело!
Перешагни порог
и помоги.

Крытый верх у полуторки этой,
Над полуторкой вьется снежок,
Старой песенкой, в юности петой,
Юный голос мне сердце обжег.

Я увидел в кабине солдата,
В тесном кузове—спины солдат,
И машина умчалась куда-то,
Обогнув переулком Арбат.

Поглотила полуторку эту
Быстротечной метели струя.
Но хотелось мне крикнуть вдогонку:
— Здравствуй, Армия,—юность моя!

Срок прошел не большой и не малый
С той поры, как вели мы бои.
Поседали твои генералы,
Возмужали солдаты твои.

И стоял я, волненьем объятый,
Посредине февральского дня,
Словно юность промчалась куда-то
И окликнула песней меня.

Подкова счастья! Что же ты,
подкова!
Я разогнул тебя из удалства—
И вот теперь согнуть не в силах
снова.
Вернуть на счастье трудные
права.

Как возвратить лицо твое
степное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохшие от зноя,
И все, что жизнь обратно не
вернет?

Так я твержу девчонке непуте-
вой,
Которой все на свете—трын-
трава,—
А сам стою с разогнутой
подковой
И слушаю, как падают слова.

Дитя прекрасно. Ясно это?
Оно совсем не то, что мы.
Все мы из света и из тьмы,
Дитя из одного лишь света.
Оно, бессмысленно света,
Как благо, не имеет цели.
Так что не трогайте дитя,
Обожествляйте колыбели.

Н. КУЗЫБАЕВ. ОСЕНЬ.

М. АБДУЛЛАЕВ. ХЛОПОК.

ЗАКАЗЧИК

ВСЕГДА ПРАВ

Мы знаем цену рабочего времени. Подсчитано, сколько за одну минуту, час, день выплачивается стали, производится тканей, станков, конфет, грампластинок. Сколько выходит газет и строится новых домов. Но трудно подсчитать, сколько читается книг, сколько бывает у нас дружеских встреч, тихих «семейных» минут, неспешных разговоров с детьми. Иными словами, как и на что тратим мы свое свободное время.

Есть любопытные данные, полученные в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. Час свободного времени каждого советского человека в среднем ученые оценивают в 0,6 рубля. Здесь учитывается то, что повышение объема знаний — из «внерабочих»; так сказать, источников, за счет чтения, учебы и так далее — в конечном счете скажется на продуктивности труда человека, как скажется и хорошее самочувствие, достигнутое за счет отдыха, занятий физкультурой и спортом опять же в «личные», нерабочие часы.

Свободное время — немалая общественная ценность. Чем больше такого времени, тем больше у человека возможностей для физического и духовного развития, проявления своих способностей, талантов, воспитания детей.

Ну, а как быть со многими часами, которые безжалостно поглощает домашнее хозяйство — стирка, готовка, уборка и все прочие дела, докучные, иной раз трудоемкие и всегда необходимые? Считать эти часы «убитыми» или «полезными»?

Думается, домашний пирог, приготовленный с любовью и желанием, никак не назовешь докучной обязанностью — это удовольствие, даже в чем-то творчество. Забота о дорогих тебе людях не в тягость, на этом во многом держится семейный лад, семейное счастье. Но когда домашние хлопоты отнимают у женщины все свободное время, когда они мешают нормально отдыхать, вытесняют из жизни книги, прогулки, театр, — домашняя занятость женщин превращается уже не просто в семейную, но государственную, общественную проблему. И решается она у нас по-государственному.

Сервис — в самом широком смысле — и есть та область общественного производства, которая должна освободить человека от домашнего труда. Но случайно развитию бытового обслуживания уделяется сейчас такое большое внимание. По темпам роста, например, с ним не сравнится ни одна отрасль народного хозяйства. Но как велика реальная помощь этой службы, какую часть наших забот берет она на себя, много ли экономит времени?

Наш корреспондент **И. ГЛАН** попросил рассказать об этом заведующего отделом социальных проблем и прогнозирования народного благосостояния Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР доктора экономических наук **Валерии Максевича РУТГАЙЗЕРА** и старшего научного сотрудника сектора социальных и экономических проблем развития сферы обслуживания населения кандидата экономических наук **Татьяну Ивановну КОРЯГИНУ**.

Увеличение свободного времени — главная социальная задача службы быта. По расчетам нашего института, в домашнем хозяйстве страны сейчас расходуется за год 275 миллиардов часов внерабочего времени. На такие работы, как уход за вещами, квартирой, шитье (именно они в ведении нашей службы

быта) тратится примерно четвертая часть этого времени.

Одна из самых трудоемких работ — стирка. В 1976 году фабрики-прачечные страны переработали по индивидуальным заказам населения более 270 тысяч тонн белья. В домашних условиях на это было бы потрачено как минимум 300—320 миллионов часов. Дома даже с помощью самой современной бытовой техники, например, стиральной машины «Эврика» и электроутюга с отпаривателем, на обработку белья тратится в четыре раза больше времени, чем в прачечных самообслуживания. Причем в такие прачечные приходят большей частью мужчины. Служба быта, таким образом, в какой-то мере помогает перераспределять домашние обязанности, делая стирку — традиционно женское занятие — обязанностью и мужчин.

Все более привычной становится для нас химчистка. Даже умелая хозяйка не в силах конкурировать с всемогущей химией. Чистят нетканые материалы, плащи, замшу, натуральный мех — то, что вообще не подлежит стирке. Ателье и мастерские выполняют множество заказов на ремонт и обновление одежды. Если бы этим занимались сами женщины, они тратили бы около 750 миллионов часов в год.

Подсчитано, что служба быта своими услугами освобождает каждому работающему примерно четыре дня в год. И все-таки повседневной помощницей, заметно облегчающей жизнь семьи, служба быта еще не стала. Примерно час в будни и более двух часов в выходные дни тратят женщины (главным образом они) на уборку, стирку, уход за одеждой и бельем, то есть на то, что можно было бы поручить созданным для этого ателье и мастерским.

Попробуем разобраться, почему так происходит. Проще всего сказать: служба быта еще молода, не набрала силы, не хватает мощностей. Лет пять тому назад такой ответ соответствовал бы положению вещей. Но сейчас многое изменилось. Известно, например, что мощности прачечных и химчисток нередко простаивают. Прекрасно оборудованные предприятия, строительство которых обошлось государству, как говорится, в копейку, не полностью загружены заказами. Причина в том, что клиенты часто недовольны качеством работы.

Почти половина всех платьев, блузок, костюмов, которые носят наши женщины, не куплены в магазинах, а сшиты на заказ. Но не всегда в ателье.

Экономисты сопоставили две цифры: количество метров ткани, купленной в магазинах, и ткани, принесенной в ателье и мастерские, — разница получилась огромная. Миллионы метров осели в домах. «Сами на себя» шьют не так уж многие. Значит, обращаются к услугам частных портных, платят им значительно больше, чем государству, зато уверены: получится так, как хочется, и в очереди стоять не надо. Еще пример: изготовление трикотажных вещей по заказам населения. Какие огромные возможности у этой отрасли службы быта! Как быстро может она откликаться на моду, удовлетворять все вкусы и запросы. А мы все же предпочитаем покупать свитера и кофты в магазинах. Почему? Да потому, что в ателье и качество ниже и выбор меньше. Висит несколько весьма несвежих образцов, по которым только и можно сделать заказ, не отступая даже в мелочах. Подобная картина характерна

и для изготовления обуви, мебели. Дело, конечно, не в том, изготавливаются ли изделия по образцам или по эскизу клиента. Дело в качестве изделий. Возьмите работу фотоателье. Вот где, казалось бы, индивидуальность заказа не подлежит сомнению. Но и художественные портреты и рядовые снимки на документ делаются в одном и том же салоне, одним и тем же мастером. На творческие поиски, выявление характера — все то, что мы ждем от фотохудожника, — у него просто не остается времени. Такое положение и в других отраслях обслуживания. Ни у закройщиков, ни у парикмахеров, ни у обувщиков нет времени и материальной заинтересованности в творческих исканиях.

Резкое повышение качества обслуживания — главная проблема, которая стоит сейчас перед отраслью. Мы считаем, что необходимо усовершенствовать систему экономических рычагов, ценообразования, чтобы стимулировать у работников службы быта более внимательный подход к потребностям заказчика.

Такая работа начата в швейных ателье, где введены, как вы знаете, новые прејскуранты, призванные покончить с делением работ на «выгодные» и «невыгодные». Возможно, следует подумать о том, чтобы организовать больше швейных, обувных, трикотажных, мебельных и прочих салонов высокой категории, где человек мог бы, заплатив подороже, получить именно то, что хочет.

Не всякая услуга ждет своего заказчика. Бывают и такие, которые рад бы получить — да не можешь. «Дефицитны» няни, работники по уборке квартир. Не везде легко заказать в ателье пальто или платье, найти маляра, плиточника, мастера, способного отциклевать пол или перевесить люстру. Гибкость, оперативность, умение быстро откликнуться на запросы населения — этого не хватает нашим бытовикам. Ссылаются обычно на «объективные» трудности. В няни, уборщицы молодежь идет неохотно, это так. Но почему бы не организовать целенаправленную подготовку «специалистов по домоводству» в профессионально-технических училищах, где девушки учили бы ухаживать за ребенком, приготовить вкусный обед (есть и такая услуга в службе быта), быстро убрать квартиру?

Пример из другой области. Обратился один московский новосел в мастерскую с просьбой изготовить жалюзи на окна. «Пожалуйста, — сказали ему, — и мастер есть и все необходимые приспособления. Только не знаем, сколько с вас взять за работу». Не знают и по сей день — спустя пять лет после этого разговора. Прејскуранты в службе быта разрабатываются по 2—3 года, за это время и потребность в иной услуге может отпасть. Но так ли уж эти прејскуранты обязательны? На некоторые виды работ — особенно мелких, связанных, например, с благоустройством квартиры, — можно каждый раз по согласованию с заказчиком составлять калькуляцию. И население удобно, и предприятие не внакладе.

Один из путей создания более гибкой службы быта — привлечение в нее кустарей-ремесленников. Это предусмотрено новой Конституцией СССР, допускающей индивидуальную трудовую деятельность в сфере обслуживания. К сожалению, такая практика — из-за несовершенного механизма договоров предприятий с кустарями — пока не получила существенного развития.

Еще одна проблема (увы, не новая): удобны ли сами удобства. Белорусские экономисты подсчитали: в 1975 году из-за различных ожиданий и проволочек в системе «прием—выдача—оформление заказа» в республике было затрачено 2—2,5 миллиона человеко-дней. Причем каждый второй заказчик тратил на свое личное, а рабочее время (отправлялся с работы, опаздывал и так далее), потому что ателье и мастерские нередко открыты как раз в то время, когда мы работаем, и отдыхают, когда мы хотели бы воспользоваться их услугами. Прибавьте к этому напрасные ожидания «в течение дня» вызванного на дом мастера, не выполненные в срок заказы, очереди возле нерасторопной приемщицы. Словом, когда все это было подсчитано, оказалось, что только из-за плохой организации работы белорусской «бытовки» была потеряна такая же сумма государственных средств, которую Министерство бытового обслуживания БССР получило в том же 1975 году в виде прибыли.

Говоря о качестве услуги, мы имеем в виду прежде всего услугу удобную, экономящую время и силы человека. И там, где об этом думают, находят интересные формы работы. В Ленинграде, например, существует «бесконтактный» способ сдачи белья в стирку. Человек оставляет узел в специально оборудованном контейнере, который установлен в подъезде (как в камере хранения на вокзале), затем приходит за чистым бельем. Сейчас по этому методу налаживается прием обуви в починку.

В Киеве родился прогрессивный метод приема заказов на ремонт телевизоров (а сейчас и холодильников): «сегодня—на сегодня». Заявка, принятая по телефону, с помощью радиосвязи немедленно передается в машину механику, и он выезжает к заказчику.

Большой резерв экономии времени—комплексность обслуживания. Человеку не надо идти за десятью услугами в десять адресов, пришел в один пункт и получил все. Комплексные приемные пункты, полюбоившиеся на селе, в городах только-только начали создаваться (в Башкирии, например), но думаем, что дело это хорошее.

Но, конечно же, вводя новые методы обслуживания, нужно учитывать прежде всего удобство заказчика, а уж потом мастера. Очень удобно сразу же поменять сломанный будильник или пылесос на исправный. Но если в городе лишь одна мастерская по обмену, какой же выигрыш получит человек, пока доберется до нее? Проще занести часы в обычную мастерскую рядом с домом.

С первого июля в РСФСР введены «Единые правила бытового обслуживания», которые решительно берут сторону заказчика. Заказчик теперь сам (при участии приемщика) оценивает свой телевизор, сапоги, шубу, которые сдает в ремонт. Ему беспрекословно, без всякого напоминания возвращают надбавку за срочность, если заказ не выполнен в срок. Если же он недоволен качеством работы—криво вшит рукав, например, платье плохо отглажено или остались после чистки пятна—предприятие обязано за свой счет и быстро (не дольше 5 дней) все исправить.

Прежде заказчик полностью оплачивал услугу, а затем получал ее, иной раз не в срок и не того качества. Теперь до тех пор, пока вам не сошьют, не почистят, не постирают и не починят как следует, на совесть, вы не беретесь за кошелек. Сначала товар (то есть услуга), затем деньги. Если услуга выполнена плохо, все расходы несет предприятие. Исключение составляют лишь особо дорогие работы: например, ремонт мебели, изготовление обуви, трикотажа, меховой одежды. Там половина стоимости вносится вперед, как аванс.

На ответственных заседаниях работников службы быта сейчас все чаще повторяют как основной принцип работы отрасли: «Заказчик всегда прав».

И надо идти навстречу ему, заказчику.

Под этим девизом соревнуются строители детского комбината в г. Свирске, Иркутской области, и юная жительница этого города Лена Юдина. Еще за год до рождения Лены в фундамент будущего детского дошкольного учреждения был заложен первый кирпич. Девочка появилась на свет, росла. Рос и комбинат. Но разве угнаться строителям за нынешними акселератами? Лене скоро 14, вот-вот она вступит в пору зрелости, а детский комбинат все еще никак не достроят.

Назовите свои адреса работникам Киреевской чулочной фабрики Тульской области! Иначе лежать продукции этого предприятия не тронутый покупателями: ведь то, что киреевские чулочники выдают за 23—25 размеры, впору разве что Золушке из сказки! Пробовали и мы натянуть присланный в редакцию подследник на ногу соответствующего размера, увы, хватило только на пятку.

ПЕРСОЛЬ

окно выдачи

В сентябре 1977 года жительница Крыма Г. Н. Лосева отправила в адрес Ровеньковской обувной фабрики туфли, у которых в первый же день их носки отстала подошва. Но ни ответа, ни привета не могла дожидаться она от работников фабрики.

На помощь пришла «Персоль» («Работница» № 5). С удовлетворением сообщаем, что Г. Н. Лосева взамен негодной пары выслана хорошая. Об этом нас уведомил главный инженер Ворошиловградского производственного объединения обувных предприятий имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции А. Арефьев.

Еще не успел шестой номер нашего журнала поступить к подписчикам и в кюски «Союзпечати», как в редакцию пришло сообщение: жалобу Гончаровой А. П. и Спиридоновой Л. П. на плохое качество чистошерстяных платков Бакинской ткацкой фабрики (см. «Персоль» в № 6) считать закрытой. Недоброкачественные платки, отосланные покупателями на фабрику, заменены хорошими. Что ж, можно только радоваться такому финалу. Тем более что, как сообщает и о. министр местной промышленности Азербайджанской ССР тов. Бунятов, жалоба была обсуждена на фабричном производственном совещании. виновные в выпуске недоброкачественной продукции наказаны. Руководству фабрики дано указание усилить контроль за качеством продукции и не допускать проникновения в торговую сеть изделий с браком.

«Пишут вам женщины ОГУО»—так начинается этот сигнал в редакцию. В первый же миг подумалось: ОГУО—это что же? Город, что ли, новый или село? Но дальше все прояснилось. ОГУО, оказывается, «отделенческая группа учета и отчетности по продаже пассажирских билетов», созданная при Махачкалинском отделении Северо-Кавказской железной дороги.

Население этого «города» сплошь женское. Площадь—всего 30 кв. м, и на ней разместилось не только 8 столов, за которыми работают сотрудницы, но и картотеки и счетные машины... «Помогите улучшить условия труда»,—просили женщины ОГУО. И управление дороги откликнулось. Не поскупились—прислали электронно-счетную фактурную машину, заплатив за нее почти четыре тысячи рублей. Она должна была облегчить труд женщин, ускорить отчетность. Но так как площадь «города ОГУО» осталась прежней, разместить ЭВМ оказалось нелегко, и машина лежит в ящиках у порога...

Прошло уже полгода, как начальник пассажирской службы дороги тов. Монастырский приказал расширить площадь ОГУО, отдав ему еще одну комнату, но распоряжение это не выполнено. И все остается по-прежнему: ЭВМ—в ящиках, а женщины ОГУО—в тесноте и в обиде.

Загадка «Персоли»

«Не море, не земля, корабли не плавают, а ходить нельзя».

Отгадка. Улицы Лесная и Гагарина в г. Балабаново, Калужской области. Еще в 1976—1977 годах здесь меняли трубы водопровода. В результате от асфальтового покрытия остались лишь воспоминания. Жители названных улиц, а также работники расположенного здесь отделения Госбанка убедительно просят: пришлите вертолет, ходить нельзя!

АХ, ЭТИ СВАДЬБЫ...

В июньском номере были напечатаны два письма наших читательниц — «Цена традиции» и «Перед свадьбой». В них рассказывалось, как отмечают в семьях это важное в жизни событие.

Редакция получила много откликов. Читатели соглашались, спорят с авторами опубликованных заметок. Приводим некоторые.

Я сомневаюсь, что Таня с Олегом любят друг друга, если для их женитьбы стало препятствием отсутствие больших денег на свадьбу. Ведь оба работают! Думаю, что, создавая семью, надо устраивать торжество в меру собственных, а не родительских возможностей. Нужно ли превращать радостный день в купеческое застолье и повальную пьянку? Никаких красивых воспоминаний они оставить не могут. Лучше собрать узкий круг друзей и близких на свадебный вечер, а потом махнуть вдвоем в горы, на море или в Закарпатье. На это вполне хватит вашей зарплаты и отпускных. Главной, будет что вспомнить!

К. РОЖКОВА

г. Кисловодск.

Вероятно, автор письма «Цена традиции» никогда не была в Краснодарском крае, поэтому ее удивила необычная просьба племянницы — прислать к свадьбе десятки платков и полотенце, сотни метров ткани. В каждой местности свои традиции. На Кубани свадьбы играют всем миром, приглашают чуть ли не всю станицу. У нас также принято благодарить гостей. Каждому преподносят небольшой подарок: платок, полотенце или отрез на платье. Вот для чего понадобились платки, ситец и прочее. Не собираются молодые набивать этим добром свои сундуки.

Можно, конечно, справить свадьбу и поскромнее. Но как

отказаться от традиции совсем, пойти против крепко укоренившегося обычая! Да и нужно ли это делать?

**О. ЛИСИЦКАЯ,
студентка**

Ставропольский край.

Мне 18 лет, и я еще молода, чтобы судить взрослых. Но не могу молчать. Мне кажется, свекровь Тани — закоренелая мещанка, если ее волнует не то, как сложится личная жизнь сына, а сколько денег вложит в свадьбу каждая сторона.

Ольга ВАСНЕЦОВА

г. Николаев.

Человек я сдержанный, на эмоции скуповатый, но твое письмо, Таня, меня возмутило. Стыдно не за твою маму, а за вас с Олегом! Ты привыкла, что мама всегда хочет тебе добра и счастья, все для тебя делает. Поэтому ты и не сомневалась, что она с готовностью откроет свой кошелек для вашего торжества. Помилуйте, с этого ли нужно начинать семейную жизнь? Если вам хочется устроить пышную свадьбу на зависть окружающим — дело ваше. Но при чем тут мама? Почему она должна расплачиваться, потакать вашей прихоти? Боюсь, что вы с Олегом можете пойти по жизни иждивенцами и потребителями, если не измените своей жизненной позиции.

Ю. БИНЕВСКАЯ

г. Норильск.

Считаю, что пора повести решительную борьбу с безобразным свадебным расточительством. Нельзя в угоду престижу и моде возводить кутеж и многодневную гулянку в народный обычай. Нельзя слепо ему подчиняться.

А. ЛЬВОВИЧ

г. Сыктывкар.

Мир крепим делами своими

Наша партия, правительство последовательно и настойчиво проводят ленинскую политику мира. Их горячо поддерживает в этом весь советский народ. Своим трудом, заработанными средствами помогают укреплению мира и трудящиеся нашей области.

За последние два года они внесли в Советский фонд мира около миллиона рублей. Деньги отчисляют и целые коллективы флотов, предприятий рыбной промышленности и отдельные труженики. Около тысячи рублей перечислили женщины Мурманского рыбокомбината; около 900 рублей — швейники; 384 рубля — сотрудницы городской Гос-трудсберкассы.

С 1972 года ежемесячно отчисляет в Фонд мира два процента

своего оклада оператор из поселка Ловозеро Е. П. Былдина, 30 процентов месячного заработка передала жительница Североморска Н. М. Паламаренко и многие другие. Я тоже стараюсь по мере возможности внести свою лепту: с 1975 года 5 процентов ежемесячного оклада отчисляю в помощь детям Чили.

Экипаж учебно-промыслового судна «Борис Сафонов» управления «Северьхолодфлот» передал на цели укрепления мира свой однодневный заработок; 43 экипажа кораблей «Мурманрыбпрома» перевели в Фонд мира 13968 рублей. Коллектив траулера «Александр Торцев» внес 300 рублей и призвал всех рыбаков флота своим трудом крепить дело мира.

**О. КРУГЛОВА,
инспектор отдела кадров
Мурманского
тралового флота**

г. Мурманск.

Для чьего удобства?

Мы, работницы воршиловградских предприятий, а также Стройбанка, обращаемся с просьбой — помогите добиться изменения графика работы магазинов «Рыба», «Молоко», «Донецкие зори», «Ягодка», «Ткани», «Чулки-носки». Все они открываются в 9 часов и закрываются в 18. Перерыв на обед с 13 до 14.

Этот распорядок минута в минуту совпадает с графиком нашей работы. Как же могут трудящиеся женщины запастись необходимыми продуктами питания, промтоварами?

С просьбой изменить график работы магазинов мы обратились в Каменобродский гастро-

номторг, Ворошиловградский горторготдел, Ворошиловградское областное управление торговли, в облсовпроф. Ответа, к сожалению, ни от кого не получили. Лишь в конце марта магазины «Ткани» и «Рыба» сдвинули перерыв на 30 минут, но это мало меняет дело.

По поручению работниц комбината «Ворошиловградтяжстрой» председатель женсовета **С. Козьменко**; комбината «Ворошиловграджилстрой» зам. председателя месткома профсоюза **Н. Петракова**; комбината «Ворошиловградшахтострой» зам. председателя месткома **Л. Паровая**; конторы Стройбанка председатель месткома **З. Кочеревская**.

г. Ворошиловград.

Спрашивают — отвечаем

«Имеет ли право администрация уволить работницу, принятую временно на период отпуска женщины в связи с рождением ребенка, если эта работница к моменту увольнения сама беременна, как правильно должны оформить прием на работу в таких случаях?»

Т. ПИЩУГИНА».

г. Мичуринск.

Когда женщина уходит в долгосрочный отпуск в связи с рождением ребенка, администрация может принять на ее место другого работника. С ним заключается договор о временной работе или срочный трудовой договор.

Срочный трудовой договор оформляется на определенное время, но не более чем на три года. В приказе о приеме должно быть оговорено, что женщина принята на период отсутствия работницы, находящейся в отпуске в связи с рождением ребенка. Последним днем окончания договора считается день выхода на работу женщины, которую замещали. С этого времени администрация вправе уволить временную работницу, даже если она беременна.

Если по истечении срока действия договора трудовые отношения фактически продолжают-

ся и ни одна из сторон не потребовала их прекращения, то договор считается продолженным на неопределенный срок. И он уже не может быть расторгнут по инициативе администрации, если работница беременна, кроме случаев полной ликвидации предприятия, когда допускается увольнение с обязательным трудоустройством.

Таким образом, на одной должности оказались две постоянные работницы. В подобных случаях администрация обязана принять меры к переводу кого-то из этих женщин, с их согласия, на другую работу.

Пособие по беременности и родам женщине, которая была принята временно или на определенный срок и увольняется в связи с истечением срока действия договора, выплачивается на общих основаниях по месту последней работы за счет средств по государственному социальному страхованию, если право на отпуск по беременности и родам наступило в период работы или хотя бы в день увольнения.

К. КРЫЛОВ, юрист

Семья ждет прибавления... Да, мы не оговорились: именно семья, а не только будущая мать. Долгие 40 недель вынашивает женщина плод, жизнью своей, своим здоровьем обеспечивая ему все необходимое для полноценного развития, роста, питания, защищая от вредных воздействий. Она не просто биологическая колыбель младенца, но, выражаясь современным языком, надежная система его жизнеобеспечения.

Мать и сама, разумеется, не живет в пустом пространстве. Ее «микроклимат» — семья, друзья, сослуживцы. Здесь черпает она необходимые сейчас душевные силы, помощь, поддержку. И здесь, бывает, находит источники огорчений, отрицательных эмоций. Вот и получается, что забота и внимание близких имеют самое непосредственное отношение к здоровью нового члена семьи.

С вами и хотим мы сегодня поговорить, будущие бабушки, дедушки и прежде всего папы, молодые мужья. Конечно, вы с нетерпением ждете малыша, готовитесь к его рождению, гадаете, кто это будет: девочка или мальчик, перебираете в памяти возможные имена, а может, уже присматриваете в магазине красивую коляску или костюмчик... И в этих приятных хлопотах забываете иной раз, что самое нужное для ребенка — спокойствие матери. Ее здоровье — это здоровье малыша. Любое неблагополучие, пережитое беременной женщиной, больно бьет по ребенку.

Медицина твердо доказала, как сильно зависит будущее здоровье да и вся жизнь человека от недель, проведенных им в материнской утробе. Многие серьезные болезни, врожденные уродства, которые раньше считались наследственными, объясняются неблагоприятными внешними влияниями на развивающийся плод. Особенно хрупок, чувствителен он в ранние сроки беременности.

Пока ничего незаметно, женщина прекрасно

себя чувствует, и кажется, что ей еще все по силам: и туристский поход с полной «выкладкой», и генеральная уборка, и ночные бдения за учебниками... А на самом деле именно в первые недели закладываются, формируются важнейшие внутренние органы и системы будущего ребенка. С первых же дней — даже не недель, а именно дней беременности — в организме женщины «все мобилизовано и призвано», чтобы помочь растущему плоду: на литр увеличивается количество крови, возрастает число кровеносных сосудов, добавляется еще одна железа внутренней секреции — желтое тело. Все органы, все системы настраиваются на «волну материнства», работают с максимальной нагрузкой, но наибольшая все-таки падает на центральную нервную систему, «главного дирижера» всей этой грандиозной перестройки.

При беременности возбудимость повышена, а тормозная функция коры мозга (умение сдерживаться) понижена. Поэтому будущая мать более раздражительна, плаксива, нередко расстраивается по пустякам. Семейная ссора, о которой обычно забываете на другой день, переживается ею, как горе, угнетающе действует на нервную систему, может стать причиной угрожающего выкидыша или преждевременных родов. Даже если жена неправа, если она капризничает, придирается к вам — садитесь не свои, а ее нервы, сдерживайтесь. Постарайтесь понять: в ее состоянии трудно быть спокойной и ровной, а покой необходим ребенку. Когда в доме благоприятный микроклимат, мир да любовь, — легче переносить тягостные ощущения, почти неизбежные при беременности.

Вы привыкли, что жена поднимается раньше всех — хлопочет на кухне, готовит завтрак, успевает и прибраться, и посуду помыть, и на работу убежать вовремя. А вы подумали о том, какой ценой удастся ей это: какой стремитель-

ный темп она выдерживает в короткие утренние часы?

Беременность и спешка — несовместимые понятия. Всякая суета, торопливость неминуемо сопровождаются нервным напряжением. Нет, сейчас все придется делать иначе. Вместе вставать (а может быть, вам и пораньше), вместе с вечера готовить обед, самому мыть посуду. А жена пусть не торопясь сделает зарядку, поест и выйдет из дома заблаговременно, чтобы успеть до работы пройтись хотя бы немного пешком.

И все-таки полностью освобождать будущую мать от всех обязанностей по дому не нужно. Умеренный труд полезен: он тренирует мышцы, улучшает работу внутренних органов, помогает избежать лишнего веса. Однако и привычные легкие дела — мытье посуды, уборку, приготовление обеда — лучше выполнять не так, как раньше, а небольшими порциями, чередуя с перерывами на 5—10 минут. Ну, а от работ, требующих значительного физического напряжения — крупной стирки, мытья окон и так далее, — надо, конечно, женщину освободить. Ей не нужно носить полные ведра, тяжелые сумки с продуктами, поднимать тазы и баки.

Избавьте ее и от дел, которые вынуждают длительное время стоять, находиться в наклонном положении, — это усиливает прилив крови к нижней половине тела, нарушает кровоток, что при беременности совсем нежелательно.

Вы, наверно, заметили, что жена, раньше считавшая себя полуночницей, сейчас превратилась в настоящую соноу, ее то и дело клонит ко сну, утром никак не проснется, днем каждую свободную минутку ее тянет прилечь... Это вполне естественно! Сонливость предусмотрена мудрой природой: это защитная реакция, ограждающая нервную систему от перегрузок. Советский врач О. Д. Кручинина доказала, что будущие мамы, спавшие более 8 часов,

Последите за собой, пожалуйста

МЕНЮ БУДУЩЕЙ МАМЫ

Беременность в первые месяцы нередко сопровождается тошнотой и рвотой. Со временем явления эти проходят, не требуя лечения. Поэтому многие женщины относятся к своему недомоганию, как к неизбежной неприятности, и порой просто ограничивают себя в еде. Но потом это недомогание может плохо сказаться на ребенке — ведь в самый ответственный для здоровья будущего малыша период он не получит многих необходимых веществ. Надо попробовать питаться чаще и небольшими порциями. Утром, не вставая с постели, съесть что-нибудь вкусное и после этого немного полежать. Если делать так изо дня в день, можно постепенно преодолеть тошноту.

Другое дело, если рвота принимает упорный характер и женщина начинает быстро терять в весе — тут ждать нечего. Надо немедленно обращаться к врачу.

Не стоит пугаться, если возникнет отвращение к каким-то продуктам пи-

тания, оно пройдет, а пока разнообразьте свое меню.

Питание должно быть более богато витаминами. О нехватке каких-то витаминов можно судить по разным признакам.

Если ногти стали ломкими, хрупкими, а волосы потеряли блеск и очень сухие, — организму не хватает витамина А. Значит, следует вводить в рацион больше молочных продуктов, сливочного масла, сыра, яиц, чаще есть печень. Больше употребляйте фруктов и овощей, содержащих каротин.

Появилось онемение пальцев, мурашки, сухость кожи на локтях и голенях, — очевидно, не хватает витамина В₁. Бледными стали слизистые оболочки, в уголках рта образовались трещинки, раздражает свет — в пище мало витамина В₂. Кстати, если принимать аптечные препараты этого витамина по 20 мг ежедневно два последних месяца беременности, можно застраховать себя от неприятностей во время кормления — трещины на сосках не появятся. Образование на голенях сухих чешуек свидетельствует о нехватке витамина РР. Пополнить запас витаминов группы В и РР можно, включив в меню печень, орехи, овсяную, ячневую и гречневую каши, дрожжи, ржаной и пшеничный хлеб.

При дефиците витамина С возникает повышенная чувствительность к холоду, утомляемость, сонливость, кожа становится шероховатой («гусиная кожа»). Побольше в рацион овощей, ягод, фруктов!

Нередко врачей спрашивают, сколько должна пить беременная женщина. Обычная суточная потребность организма в жидкости около 35 г на килограмм веса. Другими словами, при весе в 70 кг человек должен выпивать за сутки около двух с половиной литров воды. Большая часть этого количества содержится в самих продуктах, так что на долю соков, воды, молока приходится не более 1—1,2 л. В последние недели беременности, особенно при появлении отеков, питье надо ограничить до 0,6—0,8 л. Из этих же соображений следует исключить из питания острые и соленые блюда.

Иногда у беременных появляется «неестественное» желание съесть зубной порошок или мел. Это сигнал: организму не хватает солей кальция, у беременной могут разрушаться зубы. На такие симптомы надо обязательно обращать внимание и советоваться с врачом, чтобы предупредить возможные осложнения.

С. МАРТЫНОВ,
врач

ОГОРЧЕНИЙ НЕ БУДЕТ

Иногда радуют, но чаще огорчают будущих мам изменения, которые происходят с кожей во время беременности. Если правильно и постоянно ухаживать за собой, неприятностей вполне можно избежать.

● Прежде всего гигиенический уход за кожей. Ежедневно принимайте прохладный душ, растирайте тело (и непременно грудь) жесткой мочалкой или банной щеткой. Вытирайтесь жестким полотенцем, а потом (хотя бы 2—3 раза в неделю) смажьте тело кремом, содержащим витамин А. Скоро предстоит кормить ребенка, поэтому кожу вокруг сосков регулярно протирайте 3-процентным раствором борной кислоты.

● Случается, в последние месяцы беременности резко увеличивается пот-

даное

почти не имели осложнений беременности токсикозов; при 7-часовом сне осложнения возникали у каждой третьей и еще в два раза чаще, если женщина спала менее 7 часов. Так что пусть спит на здоровье.

Еще одна особенность: при беременности потребность в кислороде, чистом, свежем воздухе повышается на 25—30 процентов. Исследованиями ведущих советских акушеров установлено, что из многочисленных неблагоприятных влияний, могущих повредить зародышу, наиболее опасно именно недостаточное поступление живительного кислорода, так называемая гипоксия.

Почаще проветривайте комнату, спите при открытой форточке даже в холодное время года. Крайне необходимы и ежедневные прогулки, хотя бы по 30—40 минут в день, а в выходные — подольше (часа 2—3). Плохая погода не помеха, если как следует одеться. Конечно, лучше, если вы будете гулять вместе: жене приятно ваше внимание, ваша забота.

Несколько слов о питании. Будущая мать нуждается не в обильной, а прежде всего в разнообразной пище. Хорошо, если каждый день в ее меню есть продукты, богатые животным белком (прежде всего молочные), самые разные соки, фрукты, ягоды, овощи: морковь, капуста, свекла, репа, свежая зелень (салат, редис, сельдерей, петрушка, укроп, лук).

Уже с первых месяцев придется ограничивать потребление соли и сладкого. Не стесняйтесь даже в гостях твердо отказать тем, кто уговаривает вашу жену выпить капельку, закутить маринованным огурчиком, солеными грибами, селедкой, отведать свежих пирожных, шоколадных конфет. Ложась дополнительной нагрузкой на напряженно работающие печень и почки, солония и маринады могут совсем их вывести из строя.

Тяжко расплачивается ребенок за бездумные поступки матери, разрешающей себе вы-

пить рюмку-другую спиртного. Установлено, что уже через 10—15 минут в сосудах плода появляются следы алкоголя. Любой вид алкоголя, даже слабое вино или пиво, — яд для развивающейся центральной нервной системы будущего ребенка.

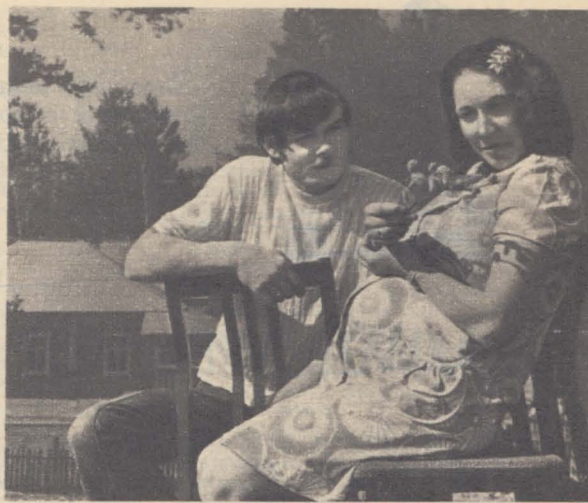
Алкоголь опасен и по другой причине: под его воздействием нарушается барьерная способность детского места — оно начинает пропускать различные токсины и микробы, которые в обычных условиях через него не проходят. И речь вовсе не о пьяницах. Крошечная доза, безразличная для материнского организма, может губительно повлиять на развивающиеся нервные клетки. Чем меньше срок беременности, тем сильнее для будущего ребенка опасность алкоголя.

Доказано, что у женщин, умеренно употребляющих спиртные напитки, в 34,5 процента случаев дети рождаются недоношенными, в 19 процентах — физически слабыми.

Не способствует нормальному развитию малыша и курение матери. Если уж она не может навсегда отказаться от этой скверной привычки, пусть воздержится хотя бы во время беременности и кормления. Не курите в присутствии женщины и вы. Помните: расплачивается будет ребенок.

Но вот наступил дородовой отпуск. Времени у женщины стало больше. Можно строже проследить за диетой, готовить себе специальные блюда, заняться особой гимнастикой, больше гулять. Однако бывает, что она ждет не дожидается отпуска, чтобы с лихвой наверстать то, чего раньше не смогла, не успела: отремонтировать квартиру, например, или сдать экзаменационные «хвосты», подготовить дипломную работу. А ей нужно думать совсем о другом экзамене: о будущих родах. К ним готовиться, укрепляя свои физические силы, давая отдых нервам. Не разрешайте жене бегать по магазинам, часами, не разгибаясь, шить, вязать, вышивать, готовить ребенку приданое. Ему, долгожданному маленькому существу, совершенно безразлично, какие пеленки мочить. Лучшее приданое для него — тепло, сердечность, любовь, спокойная обстановка в семье.

С. ПОЛЧАНОВА,
кандидат медицинских наук

Ожидание...

Первая встреча.

Фото нашего читателя М. ПАВЕЛЬЕВА
(Троицкое, Алтайского края).

Дела домашние

Всегда пригодится

В хлопотах по дому перед нами часто возникают вопросы, ответы на которые не сразу найдешь. Не в каждой семье есть «Энциклопедия домашнего хозяйства» и другие книги по домоводству, да и купить их нелегко. Но ведь в периодической печати — в журналах, газетах, в отрывных календарях публикуется немало полезных сведений. Читательницы «Работницы» предлагают собирать эти материалы, подбирать вырезки по темам — получится своеобразное домашнее досье, богатое сведениями разного рода. А. Чернухина, Н. Долинина, Н. Мыркина, Н. Вострецова пишут, что они сделали такие книги — подборки по разным разделам домоводства. Тут есть и кулинарные рецепты, и медицинские советы, и комплексы гимнастических упражнений, и рекомендации косметологов, и узоры для вязания и вышивки, модели

одежды и выкройки, советы по оформлению квартир. Бывают нужны и юридические справки, к примеру, о порядке оплаты больничных листов, о предоставлении отпуска — тут тоже могут пригодиться вырезанные из газет консультации. В отдельную тетрадь можно записывать наиболее интересные рецепты, услышанные от друзей и знакомых. Вырезки наклеивают в альбом, тетрадь, конторскую книгу, складывают в папку или большие конверты. И держат в удобном месте, под рукой.

«Три книги таких вырезок я подарила дочери, когда та вышла замуж, — пишет М. Маринюк из Воронежа. — Она была очень довольна!»

Действительно, полезный подарок для молодой хозяйки.

Л. ВИТАЛЬЕВА

ливость. Душ и водные процедуры не спасают, а лекарства, уменьшающие потливость, беременным принимать нельзя. Попробуйте протирать тело туалетным уксусом. Кожу под грудью и подмышками советуем смазывать отваром дубовой коры или корневика змеевика (10 г коры или корневика залить стаканом холодной воды, прокипятить, процедить). Если опрелости не заживают, попробуйте примочки из морковного сока. Для ног хороша паста Теймурова.

● При сухой коже лица за 20—30 минут до умывания смазывайте ее сметаной или каким-либо жирным кремом, излишки которого потом снимите бумажной салфеткой. Нормальную и жирную кожу лица умывайте липовым чаем, настоем листьев петрушки, 1-процентным водным раствором борной кислоты. Перед сном лицо протрите лосьоном, подходящим для вашей кожи.

● Иногда в конце беременности появляются трещинки в углах рта. Они обычно долго не заживают. Смазывайте их соком лугового василька, мазью из настоя эвкалипта, смешанного с маргарином или внутренним гусиным жиром.

● У многих женщин во время беременности на лбу и щеках бывают некрасивые коричневые пятна — так называемые хлоазмы. Особенно predisposed к этому те, у кого много веснушек. Еще до появления пятен смазывайте лицо кремами «Луч» или «Щит», припудривайте темной пудрой — «Курортная» или «Южная». Ежедневно протирайте лицо свежим соком огурца, капусты, петрушки, очень сочную кожу — водочным настоем хрена, огурца.

Но если пятна все же появились, горевать не надо, как правило, после родов они исчезают. Лечить их специальными косметическими средствами можно только после окончания кормления ребенка грудью. Всевозможные отбеливающие средства, содержащие ртуть, салициловую кислоту, беременным и кормящим противопоказаны. Можно посоветовать только отбеливающие маски.

Например, такую. Натрите на терке свежий огурец, смешайте его с таким же количеством крема для сухой кожи и нанесите на лицо. Через 10—15 минут смойте.

Еще один рецепт. Сок лимона разотрите с 2 столовыми ложками меда, смесь наложите на лицо на 10—15 минут.

Л. ГОРДИНА, врач

Отдел ведет международный арбитр, заслуженный тренер РСФСР, председатель женской комиссии Шахматной Федерации СССР В. Н. ТИХОМИРОВА.

ШАХМАТЫ УКРАШАЮТ ЖИЗНЬ

С интересом прочла заметку о матче в Пицунде за женскую шахматную корону. Захотелось побольше узнать о первой нашей чемпионке мира — Людмиле Руденко. Расскажите о ней, пожалуйста.

К. ЗАЙЦЕВА

г. Пермь.

Вот уже для нескольких поколений шахматисток Людмила Владимировна Руденко — исключительный пример любви и преданности шахматам. Даже на чествование по случаю своего семидесятилетия она едва не опоздала из-за доигрывания партии очередного турнира. А сколько в ее жизни было этих турниров самых разных рангов, трудно даже перечислить. Только в чемпионатах СССР она участвовала 17 раз. В 66 лет Руденко в девятый раз стала чемпионкой Ленинграда. Это ли не образец удивительного шахматного долготеления!

А первая большая победа пришла к ней в 1928 году, когда Людмила Владимировна блестяще (12 из 12!) выиграла женский чемпионат Москвы. Одной из первых советских шахматисток она получила звание заслуженного мастера спорта СССР, международного мастера.

Людмила Владимировна особенно сильна в комбинационной игре. Она смело импровизирует, идет на обострения, ее готовность к атаке в любой момент обескураживает многих соперниц. Большое влияние на стиль ее игры оказал тренер — гроссмейстер А. Толуш, который и помог Руденко достичь шахматного Олимпа.

Удивительно было услышать от самой Людмилы Владимировны, что главным событием своей жизни она считает вовсе не завоевание шахматной короны, а один из эпизодов военного времени.

На фронте она не была. В 1941 году Руденко работала экономистом на одном из ленинградских заводов. При спешной эвакуации завода многие рабочие уехали на Урал, сопровождая оборудование. Уехала и Людмила Владимировна. Вскоре ей пришлось вернуться в Ленинград: поручили вывезти детей сотрудников, оставшихся еще там. Добиралась с большим трудом, со множеством пересадок, а когда приехала в Ленинград, перед ней встала проблема: как разыскать 300 ребятшек в прифронтовом городе, где разместить, чем кормить, на чем отправить. Хорошо, что нашлись помощники из числа бывших работников завода, и в Ленсовете помогли: для эвакуации детей предоставили 12 вагонов и продовольствие. В каждом вагоне трое-четыре взрослых — мамы с грудными детьми, бабушки. Начальник поезда — Руденко. Ехали около месяца. Сколько понадобилось выдержки, силы воли и, конечно, душевной теплоты, чтобы утешать, подбадривать маленьких пассажиров, вовремя накормить, найти лекарства для заболевших. А с другой сторо-

ны — убеждать, упрасивать, требовать «зеленый свет» для своего поезда... Все триста ребятшек благополучно доехали до Урала.

На праздновании 70-летнего юбилея Людмилы Владимировны Руденко вслед за знаменитыми шахматистами и шахматистками на трибуну поднялась Антонина Алексеевна Рощина и сказала: «Тетя Люда, спасибо, вы спасли нам жизнь». Это была девочка из того эшелона, теперь мать двоих детей...

Полвека выступала Л. В. Руденко в самых разных соревнованиях.

Как вспоминает Нона Гаприндашвили, «общение с ней было для многих молодых шахматисток необычайно плодотворным. Когда я, совсем еще зеленая шахматистка, встретила экс-чемпионку мира на командных соревнованиях, я была польщена тем, как мило и просто она себя держала со мной и другими юными участницами, а ее любовь к шахматам, которую она не могла бы скрыть, даже если бы захотела это, вызвала во мне волну симпатии»...

Мы попросили Людмилу Владимировну сказать несколько слов читательницам «Работницы»:

«От всей души желаю нашим женщинам приобщиться к шахматам. Они доставляют эстетическое наслаждение, дают возможность общения с интересными людьми, позволяют приобрести массу друзей. Шахматы украшают жизнь. Играйте в шахматы!»

Р. БИЛУНОВА,
международный мастер
по шахматам

Предлагаем вашему вниманию задачу, составленную экс-чемпионом мира, ныне президентом Международной шахматной федерации Максом Эйве.

Белые: Кра7, Фh2; Лd1.
Черные: Крс8, Лd8, пп:в6, с7, d7.

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

Гражданка-поганка

Где шишки-пустышки
Ощерили лапки,
Живет под сосною
В лесной тишине
Гражданка-поганка
В коричневой шляпке,
В коричневой юбке
И в модном кашне.

А если придут
Грибники спозаранку,
То, сев на виду
Под сосновым стволом,
Ненужная людям
Гражданка-поганка
Прикинется метит
Хорошим грибом.

Заходит поганка
Погодою летней
К соседям попить
Голубую росу.
И всюду разносит
Поганые сплетни
Про тех, кто живет
По соседству, в лесу.

Цвет шляпки меняет
Обманщица в спешке,
Чтоб стал он
На шляпки другие похож,
И делает вид, что она
сыроежка,

А может, опенок,
А может, волнушка,
А может, лисичка,
Никак не поймешь!

Судачит о белке,
О том, что орехи
От всех она прячет
В дупле, под листом.
Что ходит лисица
В искусственном мехе
И дразнит волчицу
Пушистым хвостом.

А ныне в лесу
Под густою осиною
Гражданка-поганка
Нашла себе кров.
И к мальчику Пете
Попала в корзину,
В компанию честных,
Съедобных грибов.

Про дятла пускает
Недобрые слухи,
О том, что, мол, портит
Деревья в лесу.
Болтает про зайца,
Что трус длинноухий
Взобрался на ель,
Увидав стрекозу.

Уселась меж ними.
Но старшие дети
Поганку со всех
Оглядели сторон
И дружно сказали
Смущенному Пете:
— А ну-ка, поганку
Выкидывай вон!

Бездельем ее
Возмущаются грузди,
Опенки ее
Попрекают враньем.
Волнушки, волнуясь,
Заводят с ней споры,
И лишь ядовито
Грибы мухоморы
Поганке поддакивать
Любят во всем.

Вот так и осталась
Одна на полянке,
Под ливнем осинным,
В лесной тишине,
Та врунья-болтунья,
Гражданка-поганка
В коричневой шляпке
И в модном кашне.

По следам наших выступлений

И В КОСТРОМЕ ОТКЛИКУЛОСЬ...

В «Работнице» № 4 за этот год была опубликована статья «В Костроме аукнется, за Читой откликнется». Она рассказывала о волоките с вводом детского комбината в микрорайоне «Юбилейный» города Кострома, сооружает который трест «Костромстрой».

Редакция получила ответ из Министерства строительства СССР. Критика в адрес строителей признана правильной.

«...Костромскому территориальному управлению строительства, — сказано в ответе, подписанном заместителем министра В. Н. Федоровым, — поручено принять срочные меры к безусловному вводу деткомбината на 280 мест в 1978 году. Ход строительства деткомбината рассмотрен на совещании в территориальном управлении, разработаны мероприятия с тем, чтобы ввести объект в III квартале текущего года. За срыв сроков комплектации деткомбината сборными железобетонными конструкциями наказан директор Костромского завода железобетонных конструкций А. Н. Второв».

УБИРАЕМ ОГОРОД

Наступила страдная пора. Надо собрать урожай овощей и картофеля, делать заготовки на зиму. В сентябре при хорошей погоде снимают последние огурцы, помидоры, кабачки, патиссоны. Мелкие, недоразвитые плоды очень хороши для маринадов.

Томаты — даже зеленые — необходимо убрать, когда ночная температура опускается ниже 5—8°. Если этого не сделать, помидоры «простужаются» и загнивают, не дозревают. То же происходит с плодами, снятыми с растений, заболевших фитофторой.

Собранные помидоры сортируют: переспевшие, потрескавшиеся идут в томат-пюре, крепкие — бурые и зеленые — кладут дозревать на полки, подоконники, в ящики (не более чем в 2—3 слоя). Быстрее всего помидоры краснеют в проветриваемом помещении при температуре 20—25°. Чтобы ускорить покраснение, к зеленым добавляют несколько спелых плодов.

Свежие помидоры можно сохранить 2—2,5 месяца, если уложить их плодоножками вверх в небольшие ящики с решетчатыми крышками. Между плодами и на дно насыпать мелкую древесную стружку (только не хвойных пород!) или сухой торф слоем не более 1,5 см. Можно обернуть помидоры газетной бумагой. Лучшая температура хранения 12°. Для длительного хранения больше всего подходят плоды сортов Грунтовый грибовский 1180, Карлик 1185, Алпатова 905 а, Перемога 165 и особенно Де-Барао — сорт, который в последние годы очень быстро распространяется на приусадебных и коллективных участках. Плоды Де-Барао очень долго сохраняются свежими. Как только наступят холодные ночи, овощеводы осторожно выкапывают здоровые растения с плодами и подвешивают корнями вверх в сухом подвале или другом помещении с температурой 10—12°.

Не только от погоды, но и от развития растений зависят сроки уборки корнеплодов. Свеклу, репу, редьку, у которых большая часть корнеплода находится над поверхностью почвы и при осенних заморозках может пострадать, в средней полосе убирают с половины сентября. Затем выкапывают петрушку и сельдерей. Чтобы весной иметь самую раннюю зелень, оставляют зимовать в грунте по несколько растений петрушки и сельдерея. Почву вокруг них рыхлят, делают круговые бороздки, вносят огородную смесь (в сухом виде) по чайной ложке под каждое растение. Удобрение заделывают землей. А позже, перед заморозками, старые листья обрезают и растения засыпают землей.

В сентябре морковь набирает силу — на этот период приходится 40 процентов прироста ее корнеплодов. Но рост прекращается, как только температура опускается до 4—6°. Выкапывают морковь, стараясь не повредить корнеплоды, и сразу же обрезают ботву. Не рекомендуется оставлять морковь на солнце, корнеплоды подвянут, трудно будет их сохранить.

Зимой очень пригодятся сушеные овощи. Готовые к употреблению — не надо мыть, чистить, — они занимают мало места, хорошо сохраняются при комнатной температуре в картонных

коробках с отверстиями на крышках. Особенно хороши и ароматны смеси из моркови и белых корней петрушки, сельдерея, пастернака. Вывыв и очистив корнеплоды, нарезают их тонкими кружками или ломтиками, раскладывают на бумаге, фанере или нанизывают на толстую нитку, сушат в продуваемом, затемненном месте. Позднее можно сушить овощи и на отопительных батареях, разложив на картоне. Так же сушат и листья петрушки, укропа. При температуре +20—25°C они не теряют своей ярко-зеленой окраски, их можно истолочь в ступке, просеять через сито и насыпать в переноску. «Зеленая пудра» — отличная приправа.

Не позднее 15 сентября в средней полосе надо посадить бульбочки и зубки стрелкующихся сортов чеснока. Более поздняя посадка не всегда дает желаемые результаты — растения должны уйти в зиму хорошо укоренившимися.

Уборку картофеля начинают во второй половине сентября и заканчивают к концу месяца. Опоздаешь — храниться он будет хуже. Ботву растений, пораженных фитофторой, срезают как можно ниже и сжигают. Клубни этих растений выкапывают в последнюю очередь и не смешивают со здоровыми.

Надо отобрать во время уборки и семенные клубни — для посадки в будущем году. Картофельны весом 50—100 г от абсолютно здоровых и урожайных кустов рассыпают на просушку в отдельное место. Если в гнезде здорового на вид растения окажется хотя бы один большой клубень — на семена брать из этого куста картофель не следует.

Если картофель на всем участке поражен фитофторой, то за 5—7 дней до уборки надо обработать растения и междурядья раствором медного купороса (20 г на 10 л воды). Затем срезать и сжечь ботву.

Выкопанный картофель просушивают 4—5 часов, затем перебирают.

Закладывают картофель на зиму, выдержав в темном сухом проветриваемом месте. За это время станет ясно, какие картофелины больны, и можно будет выбрать их. На свету картофель не держат, он позеленеет, в нем образуется ядовитое вещество — соланин. А вот отобранный на семена картофель полезно выдержать 10—12 дней при рассеянном свете — провести так называемую «светозакалку». Такие клубни лучше сохраняются, не болеют, их не попортят мыши.

Белокочанную капусту поздних сортов убирают обычно в первой декаде октября. Если кочаны начнут преждевременно растрескиваться, надрывают у растений корни: захватив кочан руками, повертывают его несколько раз в одну сторону.

Пора готовить участок к зиме. Убрать остатки растений, выколоть сорняки. Ботву от здоровых растений заложить в компост, остальное сжечь. Осенью же нужно наметить, где и что лучше посеять и посадить в будущем году.

Е. ЧЕНЫКАЕВА,
агроном-овощевод

Еще красив и наряден цветник, но время его кончается. Пройдет яркое буйство астр, отцветут хризантемы и георгины, и с первыми заморозками мы простимся с цветами. И хотя до весны далеко, уже теперь надо подумать о том, чтобы и будущим летом цветник был щедр и праздничен.

Многолетники неприхотливы, но и их надо периодически прореживать и пересаживать, чтобы не затеняли друг друга, богаче цвели. Дельфиниум, метельчатый флокс, люпин, примулы, ирисы, лилейник (гемеркалис), аквилегию — большинство многолетников — пересаживают каждые 3—5 лет. Исключение составляют пионы, которые хорошо цветут на одном месте до десяти лет.

Продумайте, как вы разместите многолетники, и подготовьте почву для посадки. Перекопайте землю на глубину 35—50 см, внесите органические удобрения из расчета 10—15 кг на 1 кв. м и минеральные — 200—300 г суперфосфата и 20—30 г калийной соли на 1 кв. м.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Куст выкапывают лопатой осторожно, стараясь не повредить корни, затем разделите его так, чтобы в каждой части было по 3—5 стеблей с корнями и спящими почками (у пиона — не менее 2 крупных почек в каждой новой доле). Как это сделать, показано на рисунках 1, 2, 3.

Высаживают многолетники на ту же глубину, что и прежде. Расстояние между ними зависит от силы их роста и развития: 30—40 см для астр многолетних, дельфиниума, лилейника, люпина, мака восточного, ромашки садовой. А гайлардию, пиретрум розовый, ирисы, флоксы можно посадить и ближе — 20—25 см друг от друга. Для пиона готовят посадочные ямы размером 50×50×50 см на расстоянии 80—100 см одна от другой.

Корни многолетников укорачивают на одну треть, а слишком длинные обрезают и больше. Мясистые корни, корневища осмотрите, поломанные или загнившие части удалите острым

ножом, а срез присыпьте толченым древесным углем. Ямки для многолетников делают таких размеров, чтобы корневая система растений свободно в них разместилась. Корни засыпают землей, плотно обжимают, особенно с краев ямки, обильно поливают.

Слишком глубокая и слишком мелкая посадки нежелательны: в первом случае растения долго прорастают и хуже цветут, во втором — могут вымерзнуть. Мак восточный, функию, маргаритки и другие растения, имеющие прикорневую розетку, сажая так, чтобы центр розетки был на поверхности земли.

Надо позаботиться и о двухлетниках. Рассадку виолы, маргариток, незабудок осенью высаживают на постоянное место.

Заблаговременно готовят почву для посадки луковичных культур. На каждый квадратный метр вносят 1,5—2

ведра перегной или компоста, 100—150 г древесной золы, 50—70 г суперфосфата, 30—50 г аммиачной селитры и 20—30 г хлористого калия. Если почва глинистая, добавляют 1—2 ведра песка. Почву перекапывают на глубину 30—35 см.

Перед посадкой луковицы протравливают 10—15 минут в растворе карбозола (50 г карбозола на 10 л воды), чтобы не осталось луковых клещей, и 10—15 минут в растворе каптана (70 г каптана на 10 л воды) — от грибковых заболеваний.

Луковицы сажают в канавки, выдерживая следующую глубину посадки: белоцветник — 4 см, кандык — 6 см, мускари, сцилла — 8 см, подснежник, пушкиния — 10 см, тюльпан — 12—15 см, нарцисс — 15—17 см. Начинают посадку с мелколуковичных культур, за ними сажают нарциссы и тюльпаны.

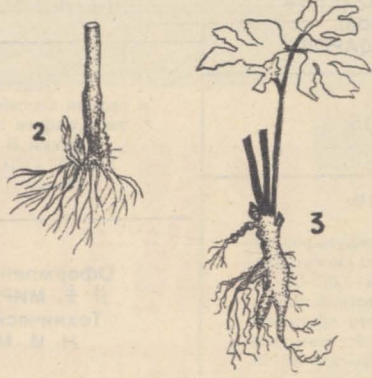
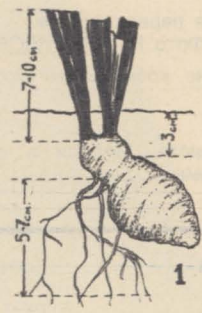
С наступлением первых заморозков выкапывают корневища канн, корнеклубни георгинов и клубнелуковицы гладиолусов и убирают в помещении с температурой 3—7°. Делать это лучше в сухую солнечную погоду. Лопатой или вилами сначала подкапывают корни, а потом растение выдергивают за стебель, стряхивают землю, укладывают на подстилку сушить. У гладиолусов обрезают стебли, оставляя пенек 2—3 см, у георгинов — 5—7 см. Подержав выкопанные корни и луковицы день на воздухе, их убирают на хранение.

Зимой, отдыхая от садовых забот, не мешает почитать книги по цветоводству.

РЕКОМЕНДУЕМ ТАКИЕ КНИГИ:

- В. Г. Тулинцев. «Цветоводство с основами селекции и семеноводства», Ленинград, Стройиздат, 1977 г.
- А. А. Чувикова и группа авторов. «Учебная книга цветовода», Москва, «Колос», 1976 г.
- А. Д. Крестникова, Л. А. Китаева. «Цветы в любое время года», «Московский рабочий», 1974 г.
- Линда Митт. «Приусадебное декоративное садоводство», Москва, «Колос», 1973 г.
- Н. П. Гладкий. «Приусадебное цветоводство», Ленинград, «Колос», 1978 г.
- «Справочник цветовода», составитель Н. П. Николаенко, Москва, «Колос», 1971 г.

Г. СВЕТОЗАРСКАЯ,
агроном-цветовод

Василий
БОЧАРНИКОВ

РОМАШКА

Порыжели, окрасились багрянцем Покшинские леса. Накатится на них пронзительный ветер-листобой и взметнутся по-птички, тревожно листья, кувыряясь, полетят на зеленую отаву луга, на ржаную стерню Зайцевого поля, иные угодят в студеную речку Покшу, понесет их течением далеко-далеко. Хмельно, резко пахнут палые листья, пока первый мороз не перебьет этот запах.

Я иду со спиннингом берегом Покши к переезду. Видать, щуки принимают мою золотистую блесну за обычный листок и отказываются брать. Переезд у нас водный: по дну переката положены бетонные плиты, по ним и перебираются с одного берега на другой автомашины, трактора и даже мотоциклы, не замочив и по ступицу колес.

Под угор с правого берега на мой, левый берег ходко скатился, форсировав речку, трактор с прицепом, доверху груженный огромными бело-зелеными шарами—ядренная уродилась капуста,—и остановился у реки.

Из кабины «Беларуси» выпрыгнул мой давний знакомый тракторист Васятка Березин. Позвал:

— Иди-ка, чудо покажу...

Прибавил шаг, подошел к нему.

— Видишь?— Васятка изумленно тряс русой головой.— Тише ты сапожниками! Еще наступишь. Этого только не хватало!

— Да о чем ты, Василий?— Я приглядывал-

ся, где же оно, это самое чудо? И ничего не видел, кроме сырого с искорками песка, мелких разноцветных камешков и ржавого прута проволоки, торчавшего из песка.

— Да ты не туда глядишь... Ну! Под ноги себе погляди.— Васятка присел.

— Ромашка?— изумился я.

— Точно, ромашка... Ха-ха-ха... Растет, светит! И где— на голом песке! И когда— поздней осенью! Мы ее волнами охлестываем, а она, понимаешь, светит нам!.. Ты гляди, гляди: лепестки белые, белые... Где поселилась! Могут, запросто могут колесом проехать... Героическая ромашка!

Васятка чуть дотронулся до цветка пальцем.

— Ну, раз уже поселилась тут, держись! Подольше держись!

Я разглядывал ромашку с изумлением и ничего не мог добавить к словам тракториста.

ОДИНОЧЕСТВО

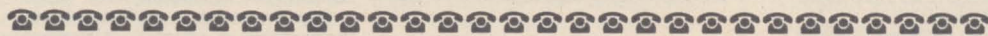
На большой березе, что стоит в поле у самой дороги, осенью, как обычно, осыпались листья. А один почему-то остался.

Зиму переживал на родной ветке. И весну встретил... Пригрело солнце, разнежился, а утром вдруг обжег крутой заморозок, рванул резкий ветер и сорвал листок, бурый, сморщенный.

Сорвал, швырнул на снег и поволок. И высушен он, и проморожен, и один, и гонит его неизвестно куда (хоть бы в лосиный след попасть или укрыться в тракторной колее), и кругом никого, никаких сочувствующих...

Вот это, наверное, и есть одиночество.

Д. Нелидово,
Костромской обл.

На первой странице обложки: Теперь я первоклассник.

Фото Н. СВИРИДОВОЙ и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО.

На второй странице обложки: Будущие космонавты (мозаика). Художник Б. Казаков. Выставка «Художники России—детям».

В приложении к этому номеру: Ждем аиста. Модели и выкройки одежды, комплексы гимнастических упражнений для будущих мам.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, А-15,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 23.07 1978 г.
А 01442. Подписано к печ. 17.08 1978 г.
Формат 60 × 90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13030000 экз.
(1-й завод: 1—10769450 экз.).
Изд. № 2025. Заказ № 2629.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125865, ГСП, Москва, А-47,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

ПОКАЗЫВАЕТ БОЛГАРИЯ

Больше двух недель на ВДНХ, в Москве, работала выставка «Болгария—освобожденная, Болгария—обновленная».

Был день легкой промышленности республики. К стендам с изделиями болгарских текстильщиков и швейников подойти трудно: кроме обычных посетителей, сюда пришли и советские специалисты легкой промышленности—познакомиться с достижениями своих болгарских коллег.

Мы обратились к министру легкой промышленности Болгарии Стояну ЖУЛЕВУ с просьбой дать интервью для нашего журнала.

— Скажите, пожалуйста, какими достижениями легкой промышленности вы особенно гордитесь?

— В последние годы мы не только оснащали легкую промышленность современной высокопроизводительной техникой, но и создали прочную сырьевую базу. В Болгарии построены химические заводы, выпускающие различные виды искусственного и синтетического волокна, искусственную кожу и другие материалы. Наша легкая промышленность производит 20 тысяч видов изделий в год, причем половина из них—новые. Болгария входит сегодня в число самых развитых стран мира по производству на душу населения хлопчатобумажных тканей, трикотажной одежды, товаров из стекла.

Повышение качества, изменение ассортимента—над этим мы работаем. Наш девиз: «Качество и эффективность—эффективность и качество». Выставка в Москве показывает конкретные результаты этой работы. На стендах вы видите разнообразные образцы хлопчатобумажных тканей для повседневной и спортивной одежды. Много джинсовых. Выпускаем полотна типа домотканого—одноцветные, в клетку, полоску. И легкие, эластичные—вуали, поллины. Еще новинка: шерстяные ткани в смеси с такими волокнами, как В/ПЕ-В/пан—для пальто, костюмов и платьев, в клетку, елочку, меланжевые и т. д. И, конечно, самые разнообразные шелка—от легких до плотной чесуши.

— Показанное на выставке модное ревю пользуется большим успехом. Современные, красивые вещи. Хотелось бы знать, какая система моделирования существует в вашей стране.

— При министерстве существует Центр новых товаров и мод, в котором работают модельеры, художники, специалисты промышленности самых разных отраслей. Центр изучает тенденции мировой моды, имеет прямые связи с домами моделей многих стран, участвует в работе международных организаций по моделированию одежды. В соответствии с этой информацией разрабатываются новые виды тканей и модели одежды, которые становятся основой коллекций семи экспериментальных предприятий.

Художественно-экспериментальный совет рассматривает их и после коррекции утверждает. Совет же определяет цену новых вещей. Лучшие получают стимулирующую временную цену, которая действует, однако, только тот период, пока вещь модна. Изделия высшего качества получают знак «К». Знак «1» присваивается изделиям на уровне мировых стандартов, «2»—ниже этого уровня. Соответственно устанавливается и цена. Центр имеет свою небольшую сеть магазинов. Это позволяет нам не только изучать спрос, но и быстро реагировать на его изменения.

— Как развиваются торговые отношения между нашими странами?

— Советский Союз—наш давний торговый партнер. Болгарские национальные выставки в Москве имеют для нас большое значение, так как помогают изучить требования, вкус советских покупателей. Экспорт в СССР швейных, трикотажных изделий, обуви постоянно увеличивается.

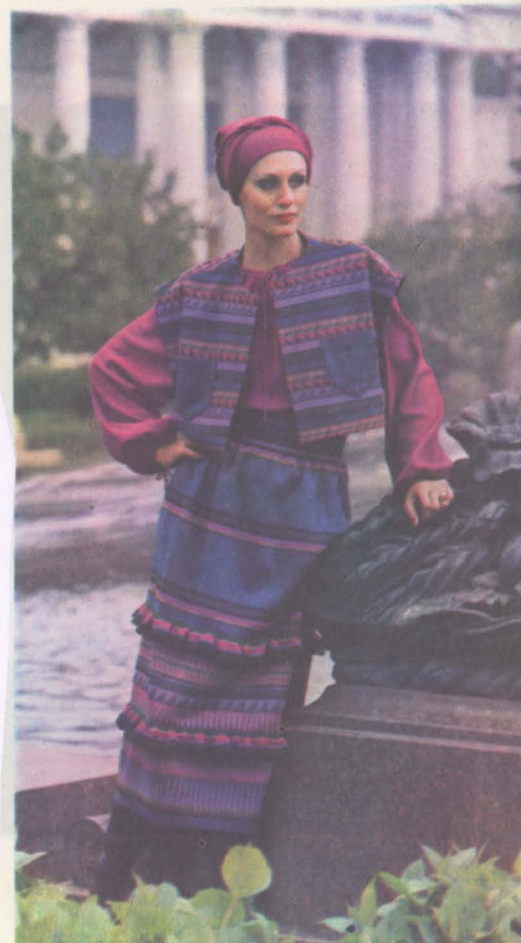
— Что вы, товарищ Жулёв, пожелаете читателям «Работницы»?

— Женщины из Советского Союза, пожалуй, самая большая часть наших покупателей. Хотелось бы, чтобы они были довольны теми товарами, которые мы продаем в вашей стране.

Взяла интервью Л. ОРЛОВА.

На обложке: манекенщицы Центра новых товаров и моды НРБ показывают на ВДНХ модели одежды.

Фото Н. МАТОРИНА.

ДОМ В ХАМОВНИКАХ

Здесь жил Л. Н. Толстой.

Как известно, Лев Николаевич Толстой родился и провел большую часть жизни под Тулой, в своем родовом имении, которое очень любил. «Без своей Ясной Поляны,— писал он,—я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней».

Но литературные дела и образованные подростки все чаще требовали наездов в Москву. И в 1881 году Толстые решили переселиться в столицу. Сперва они сняли дом княгини Волконской в Денежном переулке (ныне Кропоткинская улица), но он оказался слишком шумным и неудобным для огромной семьи: у Толстых к этому времени было восемь детей. Вскоре Лев Николаевич купил более подходящий дом в Долгохамовническом переулке.

«Отцу нравилось уединенное положение этого дома,—вспоминал сын писателя Сергей Львович,—и его запущенный сад размером почти в це-

превращался из салона для музыкальных вечеров, литературных чтений и костюмированных праздников в научную аудиторию. Здесь читались лекции по физике, которой увлекался Лев Николаевич, математике, психологии, экономике, западноевропейской литературе. Все это, естественно, по вечерам, так как с 9 утра до 3—4 часов дня Толстой работал.

В московский период его жизни написаны «Исповедь», «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Холстомер», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцера соната», «Хаджи-Мурат», «Живой труп», «Хозяин и работник», «Так что же нам делать?», «Ответ Синоду», «О переписи в Москве», «Рабство нашего времени».

После смерти Толстого Софья Андреевна продала хамовническую усадьбу Московской городской упра-

**ПРИГЛАШЕНИЕ
К ПУТЕШЕСТВИЮ**

В большой гостиной.

За этим письменным столом рождались произведения, которые читает и переживает весь мир.

Уголок кабинета.

«...в «Ясную», в котором, «по его мнению», «было, как в тайге».

Хамовники стал центром жизни Москвы. Здесь было много талантливых людей, на которых собиралось общество разнообразное, общеприимное. Здесь жил художник Л. О. Пастернак, который мечтал побывать у Толстых не только из русских, но и из зарубежных. Лев обоих полюбил. Было уютно и тепло. Толстым способствовали, с их стороны, гостеприимная, в лучшем смысле слова, хозяйка. Здесь две взрослые умницы, с другой, конечно, Лев Николаевич..., умевший как никто другой ласково и с любовью относиться к каждому... к каждому, кто приходил к Толстым, то ласковое, то участливое, но всегда доброе.

В хамовническом кабинете у Толстых был письменный стол для литературных чтений. В нем находились самые видные писатели того времени.

Здесь выступали и известные музыканты, композиторы, музыковеды.

В хамовническом доме

ве, которая и не думала заботиться о сохранности дома. Вскоре тут все пришло в упадок: забор был сожжен, терраса и беседка полуразрушены...

Только после революции дом великого писателя стал народным музеем, а Долгохамовнический переулок 22 марта 1920 года переименован в улицу Льва Толстого.

Нынче, как и при жизни Льва Николаевича, дом окрашен охрой, ставни, карнизы и крыша — медянкой. Восстановлена обстановка всех комнат. Okolo ворот с резными буквами «Г» и «Т» (граф Толстой) — те же старинные каменные тумбы, к которым некогда кучера привязывали лошадей, те же серые каменные плиты тротуара (в других местах улица заасфальтирована).

Советский народ чтит память великого писателя. Сохраненный в бережной неприкосновенности хамовнический дом Л. Н. Толстого и уголок старой Москвы вокруг него — тому свидетельство.

Е. ПАВЛОВА